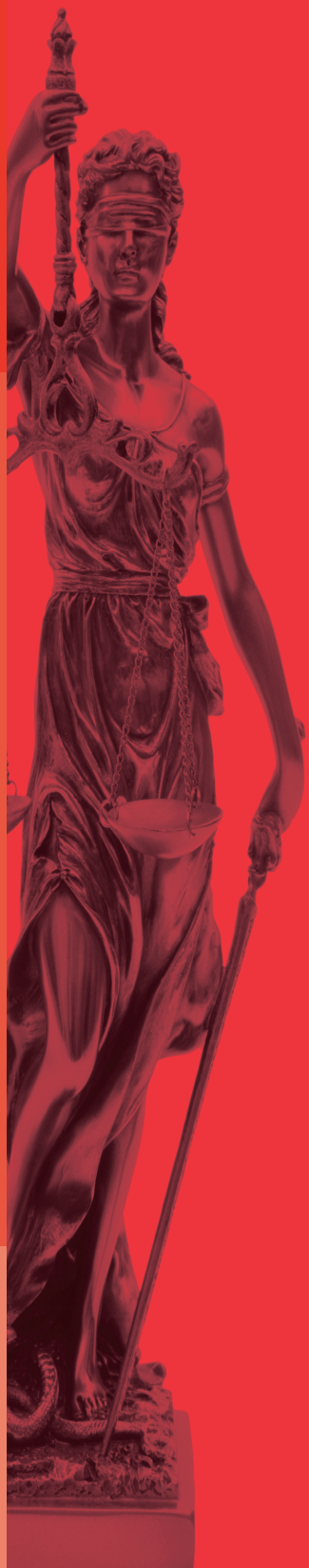

**САМАРСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ**

Самарский национальный
исследовательский университет
имени академика С.П. Королёва

ISSN 2542-047X

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

ТОМ 9 • №1 • 2023 ГОД

Подписной индекс 80309
ISSN 2542-047X

**ЮРИДИЧЕСКИЙ
ВЕСТНИК
САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Том 9 • № 1 • 2023 ГОД

ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
IURIDICHESKIY VESTNIK SAMARSKOGO UNIVERSITETA
JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ЖУРНАЛА

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САМАРСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ АКАДЕМИКА С. П. КОРОЛЕВА» (Самарский университет)

Индексирование в базах данных: eLIBRARY.RU РИНЦ КИБЕРЛЕНИНКА ЛАНЬ CROSSREF

Журнал включен ВАК РФ в Перечень ведущих рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук, с 30.11.2017

Журнал издается с 2015 г. Выходит 4 раза в год 2023, Т. 9, № 1

Миссия журнала: отражение результатов оригинальных фундаментальных и прикладных исследований права на общетеоретическом, межотраслевом и отраслевом уровнях для целей совершенствования правотворчества и правоприменения; поддержание научного диалога и дискуссий представителей отечественных и зарубежных научных школ по актуальным вопросам права.

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

- 5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки
- 5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки
- 5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки
- 5.1.4. Уголовно-правовые науки
- 5.1.5. Международно-правовые науки

Главный редактор

А. Г. Безверхов, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Заместитель главного редактора

О. В. Климанова, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Ответственный секретарь

В. Э. Волков, канд. юрид. наук (Самарский университет, Самара, РФ)

Адрес редакции:

443011, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, ул. Академика Павлова, 1.

Тел.: +7(846) 3379963, 3379936

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Издатель: Самарский университет

Адрес издателя:

Центр периодических изданий Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара,

Московское шоссе, 34, корп. 22а, 312 б.

Литературное редактирование, корректура

Т. А. Мурзинова

Компьютерная верстка, макет

Т. А. Мурзинова

Информация на английском языке

М. С. Стрельников

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, регистрационный номер серии ПИ № ФС 77-68026 от 13 декабря 2016 г.

Подписной индекс в объединенном каталоге

«Пресса России» 80309

ISSN 2542-047X

Прежнее название – «Юридический вестник Самарского государственного университета»

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС 77-62511 от 27 июля 2016 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. ISSN 2410-8707

Бизнес-модель: финансирование журнала осуществляется учредителем, все статьи публикуются на бесплатной основе.

0+ Цена свободная

Авторские статьи не обязательно отражают мнение издателя.

Подписано в печать 07.04.2023. Дата выхода в свет 12.04.2023

Формат 60x84/8.

Бумага офсетная. Печать оперативная.

Печ. л. 9,5.

Тираж 200 экз. (первый завод – 70 экз.). Заказ №

Отпечатано в типографии Самарского университета

443086, Российская Федерация, Самарская обл., г. Самара, Московское шоссе, 34.

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

С 2015 г. полнотекстовая версия журнала размещается на сайте Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU.

С 2015 г. журнал входит в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Редакционная коллегия:

Д. Б. Абушенко, д-р юрид. наук, доц. (Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, РФ)

А. А. Аубакирова, д-р юрид. наук, доц., академ. проф. (Алматинская Академия МВД имени Макана Есбулатова, Алматы, Республика Казахстан)

С. Ф. Афанасьев, д-р юрид. наук, проф. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

Драган Болянча, д-р права, проф. (Сплитский университет, Сплит, Хорватия)

Г. А. Василевич, д-р юрид. наук, проф., засл. юрист Республики Беларусь (Белорусский государственный университет, Минск, Республика Беларусь)

Л. В. Головкин, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, РФ)

Е. Ю. Грачева, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

В. В. Долинская, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

С. А. Дробышевский, д-р юрид. наук, проф. (Сибирский федеральный университет, Красноярск, РФ)

Н. Г. Жаворонкова, д-р юрид. наук, проф. (Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), Москва, РФ)

А. В. Иванчин, д-р юрид. наук, доц. (Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Ярославль, РФ)

Т. В. Кленова, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Борис Кривокапич, д-р права, ординарный профессор (Университет «Унион – Никола Тесла», Белград, Сербия)

В. А. Лазарева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

П. П. Ланг, д-р юрид. наук, доц. (Самарский государственный экономический университет), г. Самара, РФ)

В. В. Полянский, канд. юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

С. Б. Россинский, д-р юрид. наук, доц., гл. научный сотрудник (Институт государства и права Российской академии наук, Москва, РФ)

В. Д. Рузанова, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

К. А. Савельев, канд. юрид. наук, доц. (Самарский университет, Самара, РФ)

Ю. В. Самович, д-р юрид. наук, проф. (Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, Казань, РФ)

Е. А. Трешева, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Н. А. Шевелева, д-р юрид. наук, проф. (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, РФ)

И. В. Шестерякова, д-р юрид. наук, доц. (Саратовская государственная юридическая академия, Саратов, РФ)

А. В. Юдин, д-р юрид. наук, проф. (Самарский университет, Самара, РФ)

Т. Ф. Яшук, д-р юрид. наук, проф. (Омский государственный университет имени Ф. М. Достоевского, г. Омск, РФ)

© Самарский университет, 2023

Это контент открытого доступа, распространяемый по лицензии Creative Commons Attribution License, которая разрешает неограниченное использование, распространение и воспроизведение на любом носителе при условии правильного цитирования оригинальной работы. (CC BY 4.0)

Subscription Index 80309
ISSN 2542-047X

***JURIDICAL
JOURNAL
OF SAMARA UNIVERSITY***

Vol. 9 • № 1 • 2023

JURIDICAL JOURNAL OF SAMARA UNIVERSITY
ЮРИДИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК САМАРСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

JOURNAL FOUNDER AND PUBLISHER
FEDERAL STATE AUTONOMOUS EDUCATIONAL INSTITUTION OF HIGHER EDUCATION
«SAMARA NATIONAL RESEARCH UNIVERSITY» (SAMARA UNIVERSITY)

Indexing in databases: **LIBRARY.RU RINTS LAN CROSSREF KIBERLENINKA**

*The Journal is included by the HAC in the **List of leading scientific editions**, where basic scientific results of theses for the degree of Candidate of Sciences, for the degree of Doctor of Sciences should be published,
from c 30.11.2017*

Journal is published since 2015. It is published 4 times a year

Mission of the journal: reflection of the results of original fundamental and applied research of law at the general theoretical, intersectoral and sectoral levels for the purpose of improving law-making and law enforcement; maintaining a scientific dialogue and discussions of representatives of domestic and foreign scientific schools on pressing issues of law.

The journal publishes articles on scientific specialties of group 5.1 «Law» (Legal sciences)

- 5.1.1. Theoretical and historical legal sciences
- 5.1.2. Public Law (State Law) sciences
- 5.1.3. Private law (civilistic) sciences
- 5.1.4. Criminal Sciences
- 5.1.5. International legal sciences

Chief editor

A. G. Bezverkhov, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Deputy chief editors

O. V. Klimanova, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Executive editor

V. E. Volkov, Candidate of Legal Sciences (Samara National Research University, Samara, RF)

Address of editorial staff:

1, Acad. Pavlov Str., Samara, 443011, Samara Region, Russian Federation.

Tel.: +7(846) 337-99-63, 337-99-36

E-mail: Jjournal@inbox.ru

www: <http://http://journals.ssau.ru/jjsu>

Publisher and Founder: Samara National Research University

Address of Publisher:

Centre of Periodical Publications of Samara University

312 b, building 22 a, 34, Moskovskoye shosse,
Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation.

Literatory editing, proofreading T. A. Murzinova

Computer makeup, dummy T. A. Murzinova

Information in English M. S. Strelnikov

Certificate of registration of mass media

III № ФЦ № 77-68026 dated 13 December 2016, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor).

Subscription Index in the «Press of Russian»

Catalogue 80309

ISSN 2542-047X

Previous title – «Juridical Journal of Samara State University»

Certificate of registration of mass media III № ФЦ 77-62511 dated 27 July 2015, issued by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

ISSN 2410-8707

Business model: funded by the founder.

0+ Free price

Authors articles do not necessarily reflect the views of the publisher

Passed for printing 07.04.2023.

Format 60x84/8.

Litho paper. Instant print.

Print. sheets 9,5.

Circulation 200 copies (first printing – 70 copies).

Order №

Printed on the printing house of Samara University

34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Samara Region, Russian Federation

www: <http://www.ssau.ru/info/struct/otd/common/edit>

Since 2015 the full-text version of the journal is placed on the site of **Scientific Electronic Library eLIBRARY.RU**.

Since 2015 the Journal is included in the **Russian Science Citation Index**.

Editorial Board:

D. B. Abushenko, Dr. of Law, associate professor (Ural State Law University, Ekaterinburg, RF)

A. A. Aubakirova, Dr. of Law, associate professor, academic professor (The Almaty Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan, Almaty, Republic of Kazakhstan)

S. F. Afanasiev, Dr. of Law, professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

Dragan Bolancha, Dr. of Law, professor (University of Split, Split, Croatia)

G. A. Vasilevich, Dr. of Law, professor, honored layer of the Republic of Belarus (Belorussian State University, Minsk, Republic of Belarus)

L. V. Golovko, Dr. of Law, professor (Lomonosov Moscow State University, Moscow, RF)

E. Yu. Gracheva, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

V. V. Dolinskaya, Dr. of Law, professor (Moscow, Kutafin Moscow State Law University, RF)

S. A. Drobyshevskiy, Dr. of Law, professor (Siberian Federal University, Krasnoyarsk, RF)

N. G. Zhavoronkova, Dr. of Law, professor (Kutafin Moscow State Law University, Moscow, RF)

A. V. Ivanchin, Dr. of Law, associate professor (Yaroslavl State University, Yaroslavl, RF)

T. V. Klenova, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Boris Krivokapich, Dr. of Law, professor (University «Union – Nikola Tesla», Beograd, Serbia)

V. A. Lazareva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

P. P. Lang, Dr. of Law, associate professor (Samara State University of Economics, Samara, RF)

V. V. Polyanskiy, Candidate of Legal Sciences, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

S. B. Rossinskiy, Dr. of Law, associate professor (Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, RF)

A. B. Ruzanova, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

K. A. Saveliev, Candidate of Legal Sciences, associate professor (Samara National Research University, Samara, RF)

Yu. V. Samovich, Dr. of Law, professor (Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, RF)

E. A. Treshcheva, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

N. A. Sheveleva, Dr. of Law, professor (Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, RF)

I. V. Shesteryakova, Dr. of Law, associate professor (Saratov State Law Academy, Saratov, RF)

A. V. Yudin, Dr. of Law, professor (Samara National Research University, Samara, RF)

T. F. Yashchuk, Dr. of Law, professor (Dostoevsky Omsk State University, Omsk, RF)

© Samara University, 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License.

СОДЕРЖАНИЕ

СОБЫТИЯ

<i>Научно-практический круглый стол «Антикоррупционные чтения – 2022»</i>	7
<i>Региональный круглый стол «Актуальные вопросы деятельности научных журналов юридических специальностей»</i>	10

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Никищенкова М. А. Проблема определения роли и места регионального правотворчества в правовой системе Российской Федерации	12
--	----

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Курбатова С. М. О необходимости формирования специального процессуального статуса участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями	18
Назаров А. Д., Трофимик А. Г. Перспективы модернизации апелляционного производства в уголовном процессе России: анализ зарубежного опыта	28
Росинский С. Б. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве	37
Тарасов А. А. Привлечение специалиста в современной адвокатской практике по уголовным делам	46
Шарипова А. Р. Состязательные процедуры в уголовном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве: поиск необоснованных различий	54
Шестакова Л. А. Нейроследователи: утопия или будущее	60

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Самович Ю. В., Марухно Е. Ю. Концепция стратегической автономии Европейского союза в политике соседства	66
--	----

Трибуна молодого ученого

Кабулов С. Л. Правовые аспекты взаимодействия Президента Российской Федерации и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации	70
--	----

<i>Требования к оформлению статей</i>	75
---------------------------------------	----

CONTENTS

EVENTS

<i>Scientific and practical round table «Anti-corruption readings – 2022»</i>	7
<i>Regional round table «Actual issues of the activities of scientific journals of legal specialties»</i>	10

THEORETICAL AND LEGAL SCIENCES

Nikishchenkova M. A. Problem of determining the role and place of regional law-making in the legal system of the Russian Federation	12
--	----

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

Kurbatova S. M. On the need to form a special procedural status of participants in criminal proceedings from among persons with disabilities	18
Nazarov A. D., Trofimik A. G. Prospects for modernization of appeal proceedings in Russian criminal procedure: analysis of foreign experience	28
Rossinskiy S. B. Means of proving in criminal proceedings	37
Tarasov A. A. Involvement of a specialist in modern criminal law practice	46
Sharipova A. R. Adversarial procedures in criminal, civil, arbitration and administrative proceedings: the search for unreasonable differences	54
Shestakova L. A. Neural investigators: utopia or future	60

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

Samovich Yu. V., Marukhno E. Yu. Concept of strategic autonomy of the EU in the neighborhood policy	66
--	----

TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

Kabulov S. L. Legal aspects of interaction between the President of the Russian Federation and the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation	70
--	----

<i>Requirements to the design of articles</i>	75
---	----

СОБЫТИЯ EVENTS

Научно-практический круглый стол «Антикоррупционные чтения – 2022»

Scientific and practical round table «Anti-corruption readings – 2022»

13 декабря 2022 года в Самарском университете состоялся научно-практический круглый стол «Антикоррупционные чтения – 2022», связанный с актуальной проблемой современного мира и приуроченный к Международному дню борьбы с коррупцией – 9 декабря. Организатором мероприятия выступил юридический институт Самарского университета при участии Самарского регионального отделения общероссийской общественной организации «Ассоциация юристов России».

Открыл круглый стол директор юридического института Самарского университета, д.ю.н., профессор А. Г. Безверхов. Он обозначил актуальные и значимые вопросы современной антикоррупционной политики и понимания самого явления коррупции. Коррупция – это весьма сложное социальное, экономическое и политическое явление, которое состоит в необоснованном (несправедливом) выражении частного (локального) интереса в ущерб общественному благу, публичным ценностям.

Многообъектен характер коррупции, она способна поражать самые разные области общественных отношений. Любое правоохраняемое благо или интерес могут быть ее объектом. Коррупция замедляет экономическое развитие общества и подрывает государственные устои, деформирует правосознание, нарушает права и свободы человека и гражданина, подрывает веру народа во власть и в справедливость. Многообразны и причины коррупции. Она детерминирована множеством факторов различной природы. Это культурно-исторические, экономические, политические, организационно-управленческие, социально-психологические, идеологические факторы и др.

С приветственным словом к участникам Круглого стола обратился Радько Владислав Михайлович, начальник организационного управления Самарского университета, кандидат технических наук, ответственный за профилактику коррупционных и иных нарушений в Самарском университете. 9 декабря мировое сообщество отмечает Международный день борьбы с коррупцией, учрежденный Генеральной Ассамблеей ООН в 2003 году. В этот день принято информировать общественность о принимаемых мерах и достигнутых успехах в сфере противодействия коррупции, о работе по продвижению антикоррупционных стандартов поведения. Противодействие коррупции – значимое направление деятельности Университета. Оно пронизывает все сферы университетской жизни: образование, науку, экспертную и административно-управленческую деятельность.

Активно обсуждались вопросы, затронутые в выступлении заведующего кафедрой уголовного процесса и криминалистики, к.ю.н., доцента К. А. Савельева на тему «Проблемы провокации в расследовании коррупционных преступлений». Противодействие коррупции уголовно-правовыми средствами – одно из важнейших направлений, развивающееся и требующее осмысления и обсуждения вопросов квалификации преступлений, уголовно-процессуальной деятельности органов следствия и суда в этой связи и особенностей разработ-

ки тактики расследования уголовных дел по подобным преступлениям.

Антикоррупционная политика должна быть многовекторной, так как коррупция – явление сложное и детерминировано множеством факторов различной природы. Антикоррупционная политика, соответственно, должна носить комплексный характер и реализовываться с помощью разнообразных общественных инструментов и механизмов, включая правовые средства различной отраслевой принадлежности, не только репрессивного уголовно-правового свойства. При этом приоритет должен быть отдан не юридическому инструментарию. Ведь главные причины коррупции находятся все-таки в области функционирования экономических и политических институтов, в социальной и культурной сферах.

Традиционен вопрос о выборе концептуального приоритета в антикоррупционной политике государства: мер предупреждения, то есть превентивного устранения причин и условий коррупции, либо мер фактической борьбы, то есть выявления конкретных коррупционных правонарушений и привлечения к ответственности виновных. В разные периоды в зависимости от историко-культурных и политических особенностей предпочтения меняются, хотя в целом признается необходимость применения комплекса мер обоих направлений (что, однако, затруднено недостатком финансовых и человеческих ресурсов). Сокращение причин и условий, порождающих коррупционное поведение, должно обязательно подкрепляться эффективным преследованием коррупционеров в качестве составной части антикоррупционной

политики. При этом сложность реализации предупредительных мер – в том, что зачастую они выглядят абстрактно (например, первичная мера – «формирование в обществе нетерпимости к коррупционному поведению»), их эффект отсрочен во времени и потому не столь очевиден, другое затруднение – их тотальный масштаб и необходимость воздействия в т. ч. на столь сложную материю, как общественное и индивидуальное сознание. Однако исключение предупредительного воздействия делает бессмысленной и ситуативной политику в отношении коррупции.

Интерес и дискуссию вызвало обсуждение доклада, посвященного особенностям реализации одной из актуальных предупредительных мер, подготовленного доцентом кафедры уголовного права и криминологии, к.ю.н. О. В. Климановой на тему: «Антикоррупционная экспертиза нормативных правовых актов как мера профилактики коррупции: некоторые итоги и преодоление проблем». Антикоррупционная экспертиза применяется в России относительно недавно (более 15 лет) и действительно стимулирует повышение качества нормотворческой деятельности всех уровней, однако ее эффективность неочевидна и не подтверждена до сих пор, что является проблемой и требует решения посредством механизмов, предложенных в ходе дискуссии с непосредственными правоприменителями, в том числе представителями прокуратуры.

Участники обсудили и другие актуальные и важные проблемы современной антикоррупционной политики, обозначили некоторые перспективы ее развития, сформулировали важные вопросы, которые необходимо исследовать и изучать.

В дискуссиях и прениях приняли активное участие Кленова Татьяна Владимировна, заведующий кафедрой уголовного права и криминологии, доктор юридических наук, профессор; Кокин Алексей Валерьевич, председатель Квалификационной комиссии Палаты адвокатов Самарской области, адвокат; Норвартян

Юрий Сергеевич, директор департамента управления учебной работой юридического института Самарского университета, доцент кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук; Русских Александр Сергеевич, заместитель начальника управления по надзору за исполнением федерального законодательства прокуратуры Самарской области, старший советник юстиции; Саусин Андрей Валерьевич, заместитель руководителя аппарата Самарской губернской думы – руководитель Главного управления правового обеспечения; Терехов Сергей Николаевич, врио начальника Управления Судебного департамента в Самарской области; Юдин Андрей Владимирович, директор департамента управления научно-исследовательской работой юридического института Самарского университета, заведующий кафедрой гражданского процессуального и предпринимательского права, доктор юридических наук, профессор, и другие участники Круглого стола.

А. Г. Безверхов, директор юридического института, доктор юридических наук, профессор,

А. В. Юдин, директор департамента управления научно-исследовательской работой юридического института, доктор юридических наук, профессор,

О. В. Климанова, доцент кафедры уголовного права и криминологии, кандидат юридических наук

A. G. Bezverkhov, head of the Institute of Law, Doctor of Laws, professor,

A. V. Yudin, head of the Department of Scientific Research, Law Institute, Doctor of Laws, professor,

O. V. Klimanova, associate professor of the Department of Criminal Law and Criminology, Candidate of Legal Sciences

Региональный круглый стол «Актуальные вопросы деятельности научных журналов юридических специальностей»

Regional round table «Actual issues of the activities of scientific journals of legal specialties»

20 декабря 2022 г. в Самарском университете состоялся региональный научный круглый стол «Актуальные вопросы деятельности научных журналов юридических специальностей» в смешанном формате с участием членов редакций журналов «Юридический вестник Самарского университета», «Юридический аналитический журнал», юридической общественности, авторов, коллег из Самарского государственного экономического университета.

В ходе работы круглого стола прошло всестороннее обсуждение вопросов, связанных с деятельностью научных периодических изданий юридических специальностей в современных условиях.

Главным редактором журнала «Юридический вестник Самарского университета», директором юридического института Самарского университета, д.ю.н., проф. **Артуром Геннадьевичем Безверховым** представлен к обсуждению аналитический доклад о новой системе ранжирования журналов, предложенной ВАК, и ее влиянии на систему работы научных периодических из-

даний. Заместитель главного редактора журнала «Юридический аналитический журнал», директор департамента управления научно-исследовательской работой юридического института Самарского университета, д.ю.н., проф. **Андрей Владимирович Юдин** осветил актуальные вопросы привлечения авторов к публикациям рукописей в научных журналах, а также проблемы «продвижения» научных периодических изданий в современных условиях. Заместитель главного редактора журнала «Юридический вестник Самарского университета», доцент кафедры уголовного права и криминологии Самарского университета, к.ю.н. **Ольга Валериевна Климанова** представила выступление об особенностях редакционной политики научных журналов юридических специальностей.

В работе круглого стола приняли активное участие **Кленова Татьяна Владимировна** – заведующий кафедрой уголовного права и криминологии Самарского университета, д.ю.н., профессор, **Полянский Виктор Владимирович** – заведующий кафедрой государственного и административного права Самарского

университета, к.ю.н., профессор, **Савельев Константин Анатольевич** – заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Самарского университета, к.ю.н., доцент, **Трещева Евгения Александровна** – гл. редактор журнала «Юридический аналитический журнал», д.ю.н., профессор, профессор кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского университета, **Бортников Сергей Петрович** – директор института права Самарского государственного экономического университета, д.ю.н., доцент, **Агаларова Мария Андреевна** – научный редактор журнала «Юридический аналитический журнал», к.ю.н., старший преподаватель кафедры гражданского процессуального и предпринимательского права Самарского университета, **Адоевская Ольга Александровна** – к.ю.н., доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Самарского университета, **Артамонова Мария Александровна** – к.ю.н., доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права Самарского университета, **Мурзинова Татьяна Александровна** – директор Центра периодических изданий Самарского университета, **Сержантова Лидия Александровна** – научный редактор журнала

«Юридический аналитический журнал», к.ю.н., доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского университета.

В ходе дискуссии обсуждены вопросы места российских научных периодических изданий в национальных и зарубежных (международных) информационных ресурсах, вопросы ранжирования журналов и проблема повышения рейтинга журналов с предложением конкретных механизмов, достигнуты договоренности по реализации новых способов привлечения авторов к публикациям, обсужден актуальный вопрос ретракции статей. Активный обмен мнениями вызвали вопросы этики публикаций в части возможных нарушений редакции, рецензентов и авторов, также в ходе работы круглого стола была проработана методология оценки заимствований в рукописях научных статей по юридическим специальностям.

*Редакция журнала
«Юридический вестник
Самарского университета»*

*Editorial board of the journal
«Juridical Journal of Samara University»*

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ THEORETICAL AND LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-1-12-17

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.13

Дата поступления 20.12.2022
рецензирования: 23.01.2023
принятия: 28.02.2023

Проблема определения роли и места регионального правотворчества в правовой системе Российской Федерации

М. А. Никищенкова

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: nikishchenkova.ma@ssau.ru

Аннотация: В статье рассматривается вопрос соотношения регионального и федерального правотворчества как объект теоретического осмысления. Обосновывается актуальность темы в современных условиях. Анализируются проблемы выделения множественности принципов регионального правотворчества, их соотношения с принципами правотворчества на уровне формирования федерального законодательства. Автором обосновывается позиция, согласно которой единство национальной правовой системы и двухуровневой системы законодательства предполагают единство принципов правотворчества. Правотворчество субъектов составляет специфику России как федеративного государства. В статье представлены позиции исследователей о роли делегированного регионального правотворчества и опережающего регионального правотворчества. Обобщается практический опыт опережающего регионального правотворчества в условиях распространения коронавирусной инфекции COVID-19. Актуальной задачей исследования является определение регионального правотворчества, его роли и места в единой правовой системе Российской Федерации.

Ключевые слова: система права; система законодательства; принципы правотворческой деятельности; региональное правотворчество; делегированное правотворчество.

Цитирование. Никищенкова М. А. Проблема определения роли и места регионального правотворчества в правовой системе Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 12–17. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-12-17>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Никищенкова М. А., 2023

Мария Александровна Никищенкова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права и международного права, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.12.2022
Revised: 23.01.2023
Accepted: 28.02.2023

Problem of determining the role and place of regional law-making in the legal system of the Russian Federation

M. A. Nikishchenkova

Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: nikishchenkova.ma@ssau.ru

Abstract: The article deals with the issue of correlation between regional and federal lawmaking as an object of theoretical understanding. The relevance of the topic in modern conditions is substantiated. The problems of identifying the plurality of principles of regional lawmaking, their relationship with the principles of lawmaking at the level of formation of federal legislation are analyzed. The author substantiates the position according to which the unity of the national legal system and the two-level systems of legislation presuppose the unity of the principles of lawmaking. The law-making of the subjects is the specifics of Russia as a federal state. The article presents the positions of researchers

on the role of delegated regional lawmaking and advanced regional lawmaking. The practical experience of advanced regional lawmaking in the context of the spread of coronavirus infection COVID-19 is summarized. The actual task of the study is to determine the regional lawmaking, its role and place in the unified legal system of the Russian Federation.

Key words: system of law; system of legislation; principles of lawmaking; regional lawmaking; delegated lawmaking.

Citation. Nikishchenkova M. A. *Problema opredeleniya roli i mesta regional'nogo pravotvorchestva v pravovoi sisteme Rossiiskoi Federatsii* [Problem of determining the role and place of regional law-making in the legal system of the Russian Federation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 1, pp. 12–17. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-12-17> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Nikishchenkova M. A., 2023

Mariia A. Nikishchenkova – Candidate of Legal Sciences, associate professor, associate professor of the Department of Theory and History of State and Law and International Law, Law Institute, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Правотворчество является сложным и разносторонним процессом, результаты которого различаются как по кругу субъектов, участвующих в создании норм права, так и по своей юридической силе. Правовые предписания создаются довольно широким кругом субъектов, к которым относится народ, специально уполномоченные на то государственные органы, должностные лица. В России на федеральном и региональном уровнях действует большое число законов, подзаконных нормативных правовых актов, регулирующих разнообразные сферы общественных отношений. Конституционное закрепление правотворческих полномочий субъектов Российской Федерации (ст. 76 Конституции РФ) не только расширило субъектный состав правотворческой деятельности, систему источников права, но и позволило в целом сформировать категорию «региональное правотворчество».

Правотворческая деятельность субъектов составляет специфику России как федеративного государства, именно через самостоятельное региональное правотворчество реализуются идеи федерализма в построении государства. «В федеративном государстве понятие правотворчества вообще и регионального в частности относится к числу юридических категорий, имеющих в равной мере научное и практическое значение, а надлежащая организация правотворчества – необходимое условие качества и эффективности законодательных и подзаконных актов» [1, с. 161].

Однако несмотря на то, что региональное правотворчество как вид правотворческой деятельности достаточно давно используется в юридической литературе, его определение, содержание и роль в формировании системы права Российской Федерации по-прежнему являются предметом активного обсуждения. Одним из наиболее полных представляется определение регионального правотворчества, данное Я. В. Гайворонской. Она определяет региональное правотворчество как «профессиональную деятельность уполномоченных органов государственной власти субъекта Федерации, направленную на разработку норм права и дальнейшее издание (принятие, изменение, отмену) нормативных правовых актов в пределах компетенции органов власти субъекта Федерации с целью удовлетворения региональных

потребностей в урегулировании общественных отношений» [2, с. 120]. Данное определение акцентирует внимание на выделении специальной компетенции органов власти субъектов Федерации по предметам совместного ведения РФ и субъектов Российской Федерации и исключительного ведения субъектов РФ, а также необходимости учитывать в региональном законодательстве специфику развития общественных отношений соответствующего субъекта Федерации, создания условий для наиболее благоприятного развития субъектов Федерации и улучшения условий жизни населения регионов в пределах, установленных Федерацией.

В качестве наиболее часто встречающихся трудностей регионального правотворчества можно определить его фрагментарный характер, отсутствие системности регионального законодательства, чрезмерность регулирования одних аспектов общественных отношений и пренебрежительность в регулировании других, вторжение подзаконных актов в сферу законодательного регулирования и проч.

Одним из наиболее важных вопросов в определении природы и назначения регионального правотворчества с учетом особенностей субъектного состава и предметной области деятельности является определение его принципов. Базовым положением в рамках данного рассуждения выступает признание единства национальной правовой системы, включающей в себя три компонента: правовую идеологию, позитивное право и юридическую практику. Поэтому согласимся с мнением д.ю.н., проф. В. И. Крусс о невозможности выделения правовой системы субъекта Федерации как самостоятельного субъекта. «Сама мысль, что, пересекая соответствующую границу, россияне попадают в среду, где право понимается, оценивается и практикуется неким отличным от общегосударственного образом, кажется контрпродуктивной» [3, с. 46]. При этом единство правовой системы не отрицает существования двух уровней законодательства в условиях федеративного государственного устройства Российской Федерации – федеративного и субъектов Федерации.

В этой связи множественность субъектов правотворческой деятельности и их компетенции не предполагают ее произвольный, субъективный характер. Процесс создания правовых норм начинается с возникновения объективных существенных

закономерностей, требующих правового регулирования, проходит через институты общества и государства, реализуется законодательной, исполнительной и судебной властями в присущих им формах. В каждом государстве правотворчество обладает своими особенностями, но везде оно направлено на создание и совершенствование единой правовой системы, регулирующей сложившиеся в обществе разнообразные отношения, а также проявления государственной воли.

Правотворчество, несмотря на множественность субъектов, разграничение полномочий и сфер регулирования, – процесс внутренне единый и строится на единстве принципов: законности, научности, профессионализма, гласности, демократизма и др. [4–6]. Стремление отдельных авторов выделить специальные принципы правотворческой деятельности субъектов Федерации [7; 8], такие как принцип дифференциации правотворческих полномочий (компетентности), принцип согласованности и непротиворечивости нормативных актов субъекта РФ с федеральным законодательством, принцип верховенства Конституции РФ и федерального законодательства в региональном правотворчестве, отражение в законодательстве интересов населения и проч., является, с одной стороны, способом конкретизации общих принципов правотворчества, а с другой стороны, выступает скорее свидетельством несовершенства регионального правотворческого процесса. Так, соблюдение принципа демократизма как общего принципа правотворчества в рамках региональной правотворческой деятельности делает избыточным требование отражения в законодательстве интересов населения. Принцип демократизма предполагает широкое и активное участие населения и его представителей в правотворческой деятельности, следовательно, формируемые в результате нормативные правовые акты в наибольшей степени отражают интересы и стремления самого населения как на уровне федерального, так и на уровне регионального правотворчества [9; 10]. Также соблюдение общего принципа законности освобождает нас от необходимости введения дополнительного специального требования верховенства Конституции РФ и соответствия регионального законодательства законодательству федеральному. Поскольку принцип законности означает, что все действия правотворческих органов по подготовке и принятию нормативных правовых актов должны основываться на законах Российской Федерации, и прежде всего на Конституции РФ. Каждый субъект самостоятелен в осуществлении своей правотворческой компетенции, однако подзаконность их деятельности предполагает следование действующим законам в выработке собственных нормативных правовых решений. «Несоблюдение данного условия может породить практику опережающего регулирования подзаконными актами отношений, являющихся предметом закона, и создать ситуацию, при которой подзаконный акт будет оказывать более весомое влияние на общественные процессы, чем закон» [11, с. 27].

Таким образом, принципы правотворческой деятельности являются универсальными и имеют объективное содержание, поскольку они отражают объективные закономерности развития права, государства и общества. Будучи обусловленными историческими и объективными закономерностями общественного развития, данные принципы выступают методологической основой правотворчества [8, с. 18]. Основными принципами правотворчества являются те начала, основополагающие идеи, которые, во-первых, отражают основные, объективно необходимые стороны и проявления правотворчества, во-вторых, характеризует устойчивые, закономерно существующие отношения и связи в процессе правотворчества, и, в-третьих, воплощают в своем содержании конкретные черты и особенности всего процесса правотворчества. В этом смысле региональное правотворчество не выступает самостоятельным видом государственно-властной деятельности, но является необходимым элементом механизма правового регулирования в условиях формирования единой правовой системы страны.

Вторым по значимости является вопрос о соотношении компетенции субъектов правотворческой деятельности. Определение места и роли регионального правотворчества в системе права Российской Федерации чаще всего начинается с определения объема правотворческих полномочий субъектов Федерации и предмета ведения регионального правового регулирования [12–16]. В статьях 71 и 72 Конституции РФ содержится закрытый перечень предметов ведения Российской Федерации и предметов совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, который может быть изменен только в порядке, предусмотренном для внесения поправок в Конституцию РФ. Согласно ст. 73 Конституции РФ остальные предметы ведения отнесены полностью к ведению субъектов РФ, т. е. использован остаточный принцип определения полномочий. Но даже в условиях определения закрытого перечня выделение предметов совместного ведения, как показала практика, оказалось наиболее сложным в правотворческой деятельности.

Так, региональное правотворчество, призванное обеспечивать нормативное регулирование общественных отношений на уровне регионов для наиболее благоприятного развития субъектов Федерации и улучшения жизни населения региона, зачастую идет по пути дублирования содержания федерального законодательства, повторяя уже введенные на федеральном уровне правовые положения. Очевидно, что такое видение принципа законности в полной мере соответствует требованию п. 2 ст. 76 Конституции РФ о соответствии законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации федеральным законам. Однако целесообразность принятия «дублирующих» нормативных правовых актов остается за рамками законодательного закрепления предметов ведения и полномочий субъектов правотворчества.

Большую сложность вызывают ситуации делегированного правотворчества, когда субъекты регионального правотворчества в условиях рамочного федерального законодательного закрепления, а еще более сложная ситуация – в условиях отсутствия такового, вынуждены определять содержание правового регулирования по вопросам совместного ведения, осуществляя опережающую правотворческую деятельность. Так, например, вопросы согласования федерального и регионального законодательства, законодательного и подзаконного нормотворчества получили особое звучание в условиях распространения коронавирусной инфекции COVID-19. Очевидно, что в условиях стремительно развивающихся новых общественных отношений, связанных с распространением коронавирусной инфекции COVID и ее штаммов, федеральное законодательное регулирование в силу объективных причин отсутствовало и «не успевало» за развитием отношений. С целью обеспечения оперативности правового воздействия основная нагрузка по урегулированию данной области общественных отношений была смещена в сферу правотворческой компетенции региональной власти. Специфика распространения данной инфекции в различных субъектах РФ и стремительное развитие новых общественных отношений потребовали особой динамичности регионального правотворчества, его опережающего характера. И в этой связи опережающее региональное правотворчество столкнулось с необходимостью правового регулирования по предметам совместного ведения при отсутствии федерального закона, а также с ситуациями, когда при отсутствии вышестоящего (как правило, законодательного) акта, предметом регулирования которого являются определенные общественные отношения, принимается акт более низкой юридической силы, регулирующий указанные отношения.

На основании Указа Президента РФ от 2 апреля 2020 г. № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)»¹ высшие должностные лица субъектов РФ с учетом санитарно-эпидемиологической обстановки и особенностей распространения COVID-19 получили право разработки и реализации комплекса ограничительных и иных мероприятий, направленных на обеспечение санитарно-эпидемиологического благополучия населения. На уровне регионального правотворчества были приняты ограничения и запреты на массовые мероприятия; на оказание услуг населению; на оптовую и розничную торговлю; по перемещению граждан; введению режима самоограничения отдельных категорий граждан; перевозкам

¹ Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 02.04.2020; Собрание законодательства РФ». 06.04.2020. №14 (ч. I). Ст. 2082.

на территории РФ и за ее пределами; введение дистанционной работы государственных органов и негосударственных учреждений, организаций, требования обязательной вакцинации для отдельных категорий граждан и иные. Региональное опережающее правотворчество осуществлялось в сфере регулирования и защиты прав и свобод человека и гражданина, что относится к вопросам исключительного ведения федерации (п. в ст. 71 Конституции РФ) и к вопросам совместного ведения (п. «б» ст. 72 Конституции РФ). Вместе с тем судебная практика 2020–2022 гг. по данным вопросам выявила значительный объем решений, направленных на обоснование компетенции субъектов регионального правотворчества в рамках принятия данных актов и соответствия их содержания действующему федеральному законодательству и Конституции РФ².

Таким образом, тактические приемы и способы восполнения нормативной регулятивной пробельности, свойственные системе права Российской Федерации, вскрыли ряд сложных вопросов определения места и роли делегированного регионального правотворчества в единой национальной системе права. В частности, открытыми остаются вопросы о возможности опережающего регионального правотворчества и возможности принятия нормативных правовых актов регионального уровня по вопросам, отнесенным к предметам совместного ведения, при отсутствии федерального правового регулирования. В решении этих вопросов не стоит забывать, что суть регионального правотворчества «...состоит в целенаправленном нормативном регулировании общественных отношений на уровне регионов для наиболее благоприятного развития субъектов Федерации и улучшения условий жизни населения региона в пределах, установленных федерацией» [17, с. 155]. И субъекты Федерации, с одной стороны, нуждаются в большей самостоятельности в решении региональных проблем и реальном влиянии на формирование правового регулирования общих вопросов жизнедеятельности Федерации, с другой стороны, необходимо обеспечить существование и функционирование единого правового пространства Российской Федерации, основанного на общих принципах правотворчества и единстве механизма правового регулирования.

² См., например: Определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2021 № 1654-О; Определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2021 № 1668-О; Определение Конституционного Суда РФ от 20.07.2021 № 1680-О; Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1706-О; Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2022 № 463-О; Определение Конституционного Суда РФ от 27.01.2022 № 24-О; Определение Конституционного Суда РФ от 28.04.2022 № 1102-О; Определение Конституционного Суда РФ от 24.02.2022 № 466-О; Определение Конституционного Суда РФ от 31.05.2022 № 1189-О и др.

Библиографический список

1. Четвертакова Е. С. Современные подходы к региональному правотворчеству в теории и на практике // Российский юридический журнал. 2009. № 6 (69). С. 161–166. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13019371>. EDN: <https://elibrary.ru/kyxmgj>.
2. Гайворонская Я. В. Региональное правотворчество: понятие, принципы, правовое регулирование // Азиатско-тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2015. Т. 17, № 2. С. 120–137. URL: <https://www.dvfu.ru/apr-magazine/issues/2015-2/2015-2-article11>.
3. Крусс В. И. Институт субфедерального законотворчества в Российской Федерации: состоятельность и перспективы конституционной модернизации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 1. С. 45–54. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-1-45-54>. EDN: <https://elibrary.ru/gychgi>.
4. Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учебник для вузов. Москва: Юрайт, 2011. 634 с. URL: <https://law.sci.house/pravovedenie-prava-osnovyi/teoriya-gosudarstva-prava-uchebnik-dlya-vuzov.html>.
5. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учебник. Москва: Юрист, 2004. 512 с. URL: https://pravo-olymp.ru/wp-content/uploads/2013/04/TGP_Matuzov_Malko.pdf.
6. Теория государства и права: учебник для юридических вузов / под ред. А. С. Пиголкина. Москва: ОАО Издательский дом «Городец», 2003. 743 с. URL: <https://pravo-olymp.ru/wp-content/uploads/2013/04/теория-гос-ва-и-права-Пиголкин.pdf>.
7. Гайворонская Я. В., Самусенко Т. М. Теория государства и права. Владивосток, 2007. 172 с. URL: https://www.studmed.ru/view/samusenko-tm-gayvoronskaya-yav-teoriya-gosudarstva-i-prava-uch-pos_88a68c7d286.html.
8. Дроздова Н. Г. Принципы правотворчества субъекта РФ: понятие и содержание // Право и государство: теория и практика. 2008. № 9 (45). С. 18–21. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11707278>. EDN: <https://elibrary.ru/jweypf>.
9. Баранов П. П. Гражданская правотворческая инициатива в Российской Федерации: опыт правотворчества на местном и региональном уровнях // Философия права. 2014. № 2 (63). С. 67–73. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21852294>. EDN: <https://elibrary.ru/skfaul>.
10. Вахитов М. М. Участие граждан Российской Федерации в региональном правотворчестве: природа и механизмы реализации // Политика и общество. 2011. № 11 (83). С. 113–127. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19001022>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pzuufj>.
11. Абрамова А. И. Подзаконное правотворчество в современном понимании: реалии и перспективы // Журнал российского права. 2019. № 8. С. 25–35. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.8.3>.
12. Каменская Е. В. Региональное правотворчество в Российской Федерации (Вопросы теории): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве». Москва, 2005. 215 с. URL: <https://scicenter.online/prava-gosudarstva-teoriya-kniga-scicenter/regionalnoe-pravotvorchestvo-rossiyskoy.html>.
13. Кич И. С., Чупрова А. А., Жбырь О. Н. О региональном правотворчестве и системе нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2021. № 12 (204). С. 190–192. DOI: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_12_190. EDN: <https://www.elibrary.ru/ergwtq>.
14. Курдюк П. М. Региональное правотворчество (Состояние, проблемы, перспективы): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 «Теория и история права и государства; история учений о праве и государстве». Санкт-Петербург, 1997. 229 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/regionalnoe-pravotvorchestvo-sostoyanie-problemy-perspektivy>.
15. Марченко М. Н. Правовая политика современной России и региональное правотворчество // Образование и общество. 2007. № 1. С. 71–75. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13296796>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lezieh>.
16. Тихомиров Ю. А. Механизм преодоления противоречий между федеральными законами и законами субъектов Федерации // Соотношение законодательства Российской Федерации и законодательства субъектов Российской Федерации. Москва: Олита, 2003. С. 201–224.
17. Гайворонская Я. В. Система региональных правовых актов: проблема качества и функциональности // Государственно-правовые исследования. 2019. № 2. С. 154–159. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-regionalnyh-pravovyh-aktov-problema-kachestva-i-funktsionalnosti>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42580467>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gqunoi>.

References

1. Chetvertakova E. S. *Sovremennye podkhody k regional'nomu pravotvorchestvu v teorii i na praktike* [Modern concepts of regional lawmaking in theory and practice]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal* [Russian Juridical Journal], 2009, no. 6 (69), pp. 161–166. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13019371>. EDN: <https://elibrary.ru/kyxmgj> [in Russian].
2. Gaivoronskaya Y. V. *Regional'noe pravotvorchestvo: ponyatie, printsipy, pravovoe regulirovanie* [Regional lawmaking: concept, principles, legal regulation]. *Aziatsko-tikhookeanskii region: ekonomika, politika, pravo* [Pacific Rim: Economics, Politics, Law], 2015, vol. 17, no. 2, pp. 120–137. Available at: <https://www.dvfu.ru/apr-magazine/issues/2015-2/2015-2-article11> [in Russian].
3. Kruss V. I. *Institut subfederal'nogo zakonotvorchestva v Rossiiskoi Federatsii: sostoyatel'nost' i perspektivy konstitutsionnoi modernizatsii* [The institution of subfederal law making in the Russian Federation: consistency and

prospects of constitutional modernization]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2020, no. 1, pp. 45–54. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-1-45-54>. EDN: <https://elibrary.ru/gychgi> [in Russian].

4. Lazarev V. V., Lipen S. V. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya vuzov* [Theory of state and law: textbook for universities]. Moscow: Yurait, 2011, 634 p. Available at: <https://law.sci.house/pravovedenie-prava-osnovyi/teoriya-gosudarstva-prava-uchebnik-dlya-vuzov.html> [in Russian].

5. Matuzov N. I., Malko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik* [Theory of state and law: textbook]. Moscow: Yurist", 2004, 512 p. Available at: https://pravo-olymp.ru/wp-content/uploads/2013/04/TGP_Matuzov_Malko.pdf [in Russian].

6. *Teoriya gosudarstva i prava: uchebnik dlya yuridicheskikh vuzov. Pod red. A. S. Pigolkina* [Pigolkin A.S. (Ed.) Theory of state and law: textbook for law schools]. Moscow: OAO Izdatel'skii dom «Gorodets», 2003, 743 p. Available at: <https://pravo-olymp.ru/wp-content/uploads/2013/04/теория-гос-ва-и-права-Пиголкин.pdf> [in Russian].

7. Gaivoronskaya Y. V., Samusenko T. M. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of state and law]. Vladivostok, 2007, 172 p. Available at: https://www.studmed.ru/view/samusenko-tm-gayvoronskaya-yav-teoriya-gosudarstva-i-prava-uch-pos_88a68c7d286.html [in Russian].

8. Drozdova N. G. *Printsipy pravotvorchestva sub"ekta RF: ponyatie i sodержanie* [Principles of law-creation of subject RF: concept and the content]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], 2008, no. 9 (45), pp. 18–21. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11707278>. EDN: <https://elibrary.ru/jweyph> [in Russian].

9. Baranov P. P. *Grazhdanskaya pravotvorcheskaya initsiativa v Rossiiskoi Federatsii: opyt pravotvorchestva na mestnom i regional'nom urovnyakh* [Civil lawmaking initiative in the Russian Federation: lawmaking experience at the local and regional levels]. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2014, no. 2 (63), pp. 67–73. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21852294>. EDN: <https://elibrary.ru/skfaul> [in Russian].

10. Vakhitov M. M. *Uchastie grazhdan Rossiiskoi Federatsii v regional'nom pravotvorchestve: priroda i mekhanizmy realizatsii* [Participation of citizens of the Russian Federation in regional lawmaking: nature and implementation mechanisms]. *Politika i obshchestvo* [Politics and Society], 2011, no. 11 (83), pp. 113–127. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=19001022>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pzuufj> [in Russian].

11. Abramova, A. I. *Podzakonnoe pravotvorchestvo v sovremennom ponimanii: realii i perspektivy* [By-law-making in the Modern Understanding: Realities and Prospects]. *Zhurnal rossiyskogo prava* [Journal of Russian Law], 2019, no. 8, pp. 25–35. DOI: <http://doi.org/10.12737/jrl.2019.8.3>. [in Russian].

12. Kamenskaya E. V. *Regional'noe pravotvorchestvo v Rossiiskoi Federatsii (Voprosy teorii): spetsial'nost' 12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenii o prave i gosudarstve»: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Regional law-making in the Russian Federation (Issues of theory): specialty 12.00.01 «Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state»: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2005, 215 p. Available at: <https://scicenter.online/prava-gosudarstva-teoriya-kniga-scicenter/regionalnoe-pravotvorchestvo-rossiyskoy.html> [in Russian].

13. Kich I. S., Chuprova A. A., Zhbyr O. N. *O regional'nom pravotvorchestve i sisteme normativnykh pravovykh aktov sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [On regional law-making and the system of normative legal acts of the subjects of the Russian Federation]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], 2021, no. 12 (204), pp. 190–192. DOI: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_12_190. EDN: <https://www.elibrary.ru/ergwtq> [in Russian].

14. Kurdyuk P. M. *Regional'noe pravotvorchestvo (Sostoyanie, problemy, perspektivy): spetsial'nost' 12.00.01 «Teoriya i istoriya prava i gosudarstva; istoriya uchenii o prave i gosudarstve»: dissertatsiya na soiskanie uchenoi stepeni kandidata yuridicheskikh nauk* [Regional lawmaking (State, problems, prospects): specialty 12.00.01 «Theory and history of law and state; history of doctrines about law and state»: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saint Petersburg, 1997, 229 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/regionalnoe-pravotvorchestvo-sostoyanie-problemy-perspektivy> [in Russian].

15. Marchenko M.N. *Pravovaya politika sovremennoi Rossii i regional'noe pravotvorchestvo* [Legal policy of modern Russia and regional lawmaking]. *Obrazovanie i obshchestvo* [Education and Society], 2007, no. 1, pp. 71–75. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=13296796>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lezieh> [in Russian].

16. Tikhomirov Yu. A. *Mekhanizm preodoleniya protivorechii mezhdru federal'nymi zakonami i zakonami sub"ektov Federatsii* [Mechanism for overcoming contradictions between federal laws and the laws of the subjects of the Russian Federation]. In: *Sootnoshenie zakonodatel'stva Rossiiskoi Federatsii i zakonodatel'stva sub"ektov Rossiiskoi Federatsii* [Correlation between the legislation of the Russian Federation and the legislation of the subjects of the Russian Federation]. Moscow: Olita, 2003, pp. 201–224. [in Russian].

17. Gayvoronskaya Ya. V. *Sistema regional'nykh pravovykh aktov: problema kachestva i funktsional'nosti* [The system of regional legal acts: problem of quality and functionality]. *Gosudarstvenno-pravovye issledovaniya* [State Legal Research], 2019, no. 2, pp. 154–159. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sistema-regionalnyh-pravovyh-aktov-problema-kachestva-i-funktsionalnosti>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42580467>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gqunoi> [in Russian].

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
CRIMINAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-1-18-27

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1:2-486.7

Дата поступления: 14.12.2022
рецензирования: 20.01.2023
принятия: 28.02.2023**О необходимости формирования специального процессуального статуса участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями****С. М. Курбатова**Сибирский федеральный университет; Красноярский государственный аграрный университет, г. Красноярск, Российская Федерация
E-mail: sveta_kurbatova@mail.ru

Аннотация: В настоящей статье поднимается проблема неурегулированности в российском уголовно-процессуальном законодательстве участия лиц с ограниченными возможностями. Предлагается замена используемой в Уголовно-процессуальном кодексе Российской Федерации терминологии «лица с физическими и психическими недостатками» на «лица с ограниченными возможностями» с распространением ее не только на подозреваемых, обвиняемых, но и на участников уголовного судопроизводства вообще, которые подпадают под ее признаки. Обосновывается необходимость выделения данной категории участников, исходя из того, что они ограничены в своих возможностях по реализации своих прав и исполнения обязанностей, предоставляемых им законодательно, и наделяются их специальным процессуальным статусом. Обращается внимание на необходимость реализации этого, в том числе исходя из положений международно-правовых документов и современной доктрины правового социального государства. Предлагается использовать разработанный автором компенсаторный подход для разрешения обозначенных проблем. Отмечается, что в ряде государств подобный подход находит свою реализацию, что позволяет использовать их опыт для совершенствования российского уголовно-процессуального законодательства.

Ключевые слова: участники уголовного судопроизводства; лица с ограниченными возможностями; специальный процессуальный статус; гарантии; компенсаторный подход.

Цитирование. Курбатова С. М. О необходимости формирования специального процессуального статуса участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-18-27>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Курбатова С. М., 2023

Светлана Михайловна Курбатова – кандидат юридических наук, доцент, доцент Юридического института, Сибирский федеральный университет, 660041, Российская Федерация, г. Красноярск, пр. Свободный, 79; доцент кафедры уголовного процесса, криминалистики и основ судебной экспертизы, Красноярский государственный аграрный университет, 660049, Российская Федерация, г. Красноярск, пр. Мира, 90.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 14.12.2022
Revised: 20.01.2023
Accepted: 28.02.2023**On the need to form a special procedural status of participants in criminal proceedings from among persons with disabilities****S. M. Kurbatova**Siberian Federal University; Krasnoyarsk State Agrarian University, Krasnoyarsk, Russian Federation
E-mail: sveta_kurbatova@mail.ru

Abstract: This article raises the problem of the lack of regulation in the Russian criminal procedure legislation of the participation of persons with disabilities. It is proposed to replace the terminology used in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation «persons with physical and mental disabilities» with «persons with disabilities», extending it not only to suspects, accused, but also to participants in criminal proceedings in general who fall under its signs. The necessity of allocating this category of participants is justified, based on the fact that they are limited in their ability to exercise their rights and perform the duties provided to them by law, and endow them with a special procedural status. Attention is drawn to the need to implement this, including on the basis of the provisions of international legal documents and the modern doctrine of the legal social state. It is proposed to use the compensatory approach developed by the author to solve the identified problems. It is noted that in a number of states such an approach finds its implementation, which allows using their experience to improve the Russian criminal procedure legislation.

Key words: participants in criminal proceedings; persons with disabilities; special procedural status; guarantees; compensatory approach.

Citation. Kurbatova S. M. *O neobkhodimosti formirovaniya spetsial'nogo protsessual'nogo statusa uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva iz chisla lits s ogranichennymi vozmozhnostyami* [On the need to form a special procedural status of participants in criminal proceedings from among persons with disabilities]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 1, pp. 18–27. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-18-27> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Kurbatova S. M., 2023

Svetlana M. Kurbatova – Candidate of Laws, associate professor, associate professor of the Law Institute, Siberian Federal University, 79, Svobodnyi Avenue, Krasnoyarsk, 660041, Russian Federation; associate professor of the Department of Criminal Procedure, Criminalistics and Fundamentals of Forensic Examination, Krasnoyarsk State Agrarian University, 90, Mira Avenue, Krasnoyarsk, 660049, Russian Federation.

Лица с ограниченными возможностями (а в некоторых международных документах и нормах национального законодательства – уязвимые лица) – это не только термин, охватывающий различные социально значимые категории населения, но и вполне сформировавшаяся к концу XX в. правовая категория, принадлежность субъекта к которой обуславливает предоставление ему дополнительных гарантий в зависимости от сферы и конкретного вида правоотношений, в которых он участвует. Соответственно, это должно касаться и уголовного судопроизводства. Действительно, на уровне мирового сообщества уже достаточно давно находят свое признание в качестве особых (уязвимых) участников уголовного правосудия такие категории, как несовершеннолетние, потерпевшие и др., становясь своеобразным правовым эталоном для многих стран. Так, Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 г. [1], послужили основой для разработки и принятия во многих государствах самостоятельных законов или разделов соответствующих кодексов уголовного судопроизводства. А развиту интереса к жертвам преступлений способствовала Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью 1985 г. [2]. Однако дальнейшее развитие гуманистических идей, концепций правового и социального государства привели к тому, что на международном уровне сложился вполне сформировавшийся подход, что среди участников уголовного судопроизводства есть такие, которые в силу определенных причин не могут должным образом самостоятельно реализовывать права и исполнять обязанности, обусловленные их процессуальным статусом.

Например, в Принципах и руководящих положениях Организации Объединенных Наций, каса-

ющихся доступа к юридической помощи в системах уголовного правосудия 2012 г. (далее – Принципы), как отдельная категория участников уголовного судопроизводства выделяются особо уязвимые лица, потребности которых следует учитывать при разработке своих общенациональных программ юридической помощи и к которым отнесены дети, жертвы сексуального и иного насилия, пожилые люди, инвалиды, лица с психическими расстройствами, ВИЧ-инфицированные лица и лица с другими тяжелыми инфекционными заболеваниями, представители коренных народов и аборигены, иностранцы и др. При этом в Принципах констатируется, что многие страны еще не располагают необходимыми ресурсами и потенциалом для оказания юридической помощи подозреваемым в совершении уголовных преступлений, обвиняемым, заключенным, потерпевшим и свидетелям, и содержится призыв использовать международные стандарты для обеспечения у себя доступа к правосудию [3].

Анализ положений действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ [4] (далее – УПК РФ) свидетельствует о том, что Россия относится в настоящее время к числу стран, о которых идет речь в данных Принципах. В настоящее время в нормах российского уголовно-процессуального законодательства нет положений, позволяющих говорить о наделении лиц с ограниченными возможностями, участвующих в производстве по уголовному делу, специальным процессуальным статусом.

Отсутствие в нормах УПК РФ положений об уголовно-процессуальной право- и дееспособности, об основаниях и порядке ограничения уголовно-процессуальной дееспособности, о распространении этого института на участников из числа лиц с ограниченными возможностями, о наделении их специальным процессуальным статусом, о предоставлении им дополнительных гарантий и т. п.

создает условия для нарушения прав и законных интересов лиц с ограниченными возможностями, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства в качестве его участников.

И первой серьезной проблемой следует обозначить неурегулированность понятийно-категориального аппарата, связанного с обособлением социально уязвимых категорий участников в отдельную процессуальную группу. Использование в настоящее время в тексте УПК РФ словосочетания «лица с физическими или психическими недостатками» (п. 3 ч. 1 ст. 51 УПК) является дискриминирующим, так как по своей сути подразделяет участников на «с недостатками» и «без недостатков», где под первыми, исходя из толкования слова «недостаток» как «изъян, несовершенство, неправильность... аномалия» [5], понимаются неполноценные, неправильные люди, а под вторыми, соответственно, совершенные, идеальные [6]. Тогда как, например, Уголовный кодекс РФ более аккуратно подходит к выбору терминологии, несмотря на то что был принят раньше, чем УПК РФ. Так, ст. 22 УК РФ говорит про уголовную ответственность лиц с психическими расстройствами, не исключаящими вменяемость [7].

Сам Уголовно-процессуальный кодекс РФ не дает определения понятию «лица с психическими недостатками», за него это попытался сделать Верховный Суд РФ, отметив в п. 15 своего Постановления Пленума «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» 2015 г., что к таким лицам «следует относить, в частности, тех, у кого имеется психическое расстройство, не исключающее вменяемости, а также лиц, страдающих существенным дефектом речи, слуха, зрения или другим недугом, ограничивающим их способность пользоваться процессуальными правами» [8]. Однако в этом пункте содержится лишь перечень лиц, кого следует относить к данной категории участников уголовного судопроизводства, и то неполный, о чем свидетельствует использование наречия «в частности», а само понятие и критерии отнесения к ней отсутствуют.

Как пишет В. Н. Смыслова, «в настоящее время в науке и судебной практике не имеется единого подхода к определению понятия физических и психических недостатков, в позиции ученых и практиков встречаются противоречия относительно вопросов дефинирования и толкования указанного понятия, в некоторых случаях отождествляются понятия «психические недостатки» и «психические расстройства»» [9, с. 191]. Однако, на наш взгляд, необходимо не вырабатывать единство в понимании того, какой смысл вкладывать в данную терминологию, а уходить от ее использования вообще. При этом сразу же оговорим, что замена на слово «инвалид» также не решит данную проблему. Еще в 2018 г. Комитет ООН по правам лиц с ограниченными возможностями (далее – Комитет) в своих рекомендациях Российской Федерации относительно обеспечения прав таких

лиц на территории Российского государства отметил в том числе несоответствие используемого в России термина «инвалид» официальному переводу терминологии «persons with disabilities» (лица с ограниченными возможностями), применяемой в тексте Конвенции ООН «О правах лиц с ограниченными возможностями» (*в России официальное название – Конвенция ООН «О правах инвалидов»* – К. С.) 2006 г. (далее – Конвенция). Комитет рекомендовал нашему государству таким образом использовать термины внутреннего российского законодательства, чтобы они соответствовали духу и букве вышеуказанной Конвенции (однако это так и не было сделано).

Такая позиция Комитета обусловлена рядом причин. Во-первых, тем, что за последние десятилетия на международном уровне термин «инвалид», под которым изначально понимались медицинские характеристики, связанные с наличием у людей травм, болезней и т. п., сменился более широким понятием, включающим не только медицинские показатели, но и иные – физические, психические, интеллектуальные или сенсорные барьеры, которые ограничивают человеку возможности эффективного участия в жизни общества наравне с другими его членами (ст. 1 Конвенции). Это позволяет говорить о новом, социально-философском подходе к пониманию данной категории [10], который получил свое отражение в содержании ряда международных правовых документов и национальном законодательстве отдельных государств (в основном из числа англосаксонской семьи права). В России же до сих пор сохраняется медицинский подход. И это при том, что, как озвучила С. Шпорт, гендиректор НМИЦ психиатрии и наркологии имени Сербского: «На сегодняшний день у нас количество лиц, которые находятся на диспансерном наблюдении составляет 1 миллион 410 тысяч 61 человек. Общее количество лиц, страдающих выраженными психическими расстройствами, – это порядка 3 миллионов 870 тысяч человек» [11], а каждый четвертый имеет психические расстройства разной степени проявления [12]. Во-вторых, как было отмечено выше, в настоящее время на международно-правовом уровне все чаще используется термин «уязвимые» или «особо уязвимые» лица, который охватывает многие категории населения и обуславливает необходимость наделения их специальным статусом как участников правоотношений в конкретных странах. В-третьих, еще в документе 1975 г., когда действовал медицинский подход к пониманию инвалидности, Генеральная Ассамблея ООН уже обращала внимание государств на необходимость защиты инвалидов от любых видов регламентации и обращения, носящих дискриминационный, оскорбительный или унижающий характер (п. 10), и что они «должны иметь возможность пользоваться квалифицированной юридической помощью... если они являются объектом судебного преследования... полностью учитывающей их физическое или умственное состояние» [13] (п. 11). Однако

это так и не нашло отражения ни в нормах УПК РСФСР, ни УПК РФ.

Поэтому предлагается введение понятия «лица с ограниченными возможностями», что было обосновано в других наших работах [14–16].

Поднимаемая проблема выходит далеко за рамки только терминологических аспектов. Помимо того, что необходимо привести уголовно-процессуальное законодательство в соответствие с общепринятым современным подходом относительно понимания «ограниченности возможностей», быть активным членом социума и участником правоотношений (в данном случае – уголовно-процессуальных), следует наделять дополнительными правами таких участников и предоставлять им гарантии для их реализации. А это формулирует другую проблему – отсутствие в действующем УПК РФ специального процессуального статуса участников уголовного судопроизводства из числа лиц с ограниченными возможностями. Наличие в нем норм, позволяющих говорить о специальном статусе лишь некоторых категорий лиц, относимых к понятию «лица с ограниченными возможностями», таких как несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый (гл. 50 УПК РФ) или лицо, в отношении которого применяется производство о принудительных мерах медицинского характера (гл. 51 УК РФ), а также об особенностях участия несовершеннолетних свидетелей и потерпевших (например, их допрос, согласно ст. 191 и 280 УПК РФ) или лица, не владеющего языком, на котором ведется производство по уголовному делу (ст. 18, 189, 263 УПК РФ), не только не решают данной проблемы, но порождают много других вопросов [17–19].

В правовой науке все больше уделяется внимания разграничению юридических категорий «общий правовой статус», под которым, например, профессором Р. П. Манаковой понимается «исходная, определяющая позиция личности, свидетельство равных возможностей любого члена общества», и «специальный» как «особое правовое состояние личности, обусловленное в самом общем плане выполняемой ею социальной ролью» [20, с. 18], в связи с чем даже предлагаются новые категории для введения их в правовой понятийный аппарат, отражающие сущность специального правового статуса. Среди таких следует выделить сформулированную еще в 70-х гг. прошлого века конструкцию «правовой модус личности», озвученную В. А. Патюлиным [21] и развитую другими авторами [22; 23].

Не углубляясь в данную сферу исследований, отметим, что необходимость выделения специального правового статуса обусловлена объективной необходимостью, основанной на том, что люди не равны друг другу в силу возраста, болезни, последствий психических и (или) физиологических и даже социальных состояний.

Действительно, пишет Д. В. Тихонов, «общие права, свободы и обязанности не исключают, а, наоборот, предполагают наличие прав и обязанно-

стей применительно к разным людям, характеризующимся специфическими чертами социального, служебного, семейного и тому подобного положения. В этом случае речь идет об особенных правах и обязанностях, предусмотренных законодательством для отдельных групп населения, объединенных общеспецифическими чертами их положения в обществе и государстве» [24, с. 25; 25].

Особое значение, по мнению Д. В. Тихонова, заложено в содержании статуса социально уязвимых категорий населения, «исходя из положений ст. 7 Конституции РФ, являющихся основанием обособливать социально-детерминированный специальный статус, который применим к институтам, состояниям и категориям лиц, задекларированным на уровне базового закона государства... что соответствует нормам международных договоров Российской Федерации» [26] и что должно развиваться в отдельных отраслях права.

Однако в уголовном процессе данному вопросу не уделяется должного внимания. В основном акцент в своих исследованиях авторы делают на процессуальный статус участников вообще [27–31] либо на их процессуальных правах и обязанностях [32–34] и гарантиях их реализации [35–37]. Тогда как специальный правовой статус, во-первых, свидетельствует о выделении определенной группы лиц как самостоятельной правовой категории, исходя прежде всего из особой значимости (в позитивном или негативном аспектах) для государства: инвалиды, студенты, мигранты, террористы, рецидивисты и пр. Во-вторых, специальный правовой статус «надстроен» к базовому (основному), а значит, его носитель, помимо общих прав и обязанностей, наделяется дополнительными. Например, женщины и беременные женщины, женщины, имеющие малолетних детей, многодетные женщины, женщины-пенсионеры и пр.; инвалиды и инвалиды 1-й, 2-й или 3-й группы инвалидности.

Точно так же и в уголовном судопроизводстве: обвиняемый (ст. 47 УПК РФ) и несовершеннолетний обвиняемый (гл. 50 УПК РФ), обвиняемый из числа отдельных категорий лиц, предусмотренных гл. 52 УПК РФ (член Совета Федерации, депутат Государственной Думы, Генеральный прокурор и пр.). При этом отдельно выделяется лицо, в отношении которого ведется производство о применении принудительной меры медицинского характера (гл. 51 УПК РФ). Однако критерии отнесения к таким обвиняемым разные. В контексте поднимаемой в наших исследованиях проблематики неурегулированности особенностей участия в уголовном судопроизводстве лиц с ограниченными возможностями в основу их выделения в качестве участников уголовного судопроизводства, обладающих специальным процессуальным статусом, следует отнести изначально широкий критерий – их принадлежность к социально незащищенным слоям населения. Однако в дальнейшем он подлежит конкретизации применительно к их способности быть полноправными участниками уголовно-процессуальных отношений, в зависимости от имеющихся у них обстоятельств, предопределяющих:

– ограничения физического характера, связанные с нарушениями внешней или внутренней целостности организма человека, сказывающимися на работе его основных функций: передвигаться, воспринимать информацию и передавать ее (отсутствие ног, парализация конечностей, слепота, глухота, немота и пр.);

– ограничения когнитивного характера, куда входят: психические заболевания и расстройства, психологические (психосоматические) состояния, принадлежность к определенной социальной группе, например по уровню образования (неграмотные, имеющие только начальное образование, неполное общее, только общее);

– смешанные ограничения ввиду физиологических состояний. Например, это беременность, наличие болезни, относимой к «наиболее болезненным состояниям» – кластерные головные боли, секвестрация грыжи межпозвоночного диска, фибромиалгия и пр., нахождение тяжелобольного лица на последней стадии заболевания (онкология 4-й степени) и пр.

Вопросам, связанным с конкретизацией процедуры по соотносению наличия подобных обстоятельств у конкретного лица с наделением его специальным процессуальным статусом, посвящено отдельное исследование. В данной работе речь идет о необходимости выделения в отдельную правовую категорию участников уголовного судопроизводства и наделении их специальным процессуальным статусом. Основанием же для этого должно быть решение должностного лица, в чьем ведении находится производство по уголовному делу либо ходатайство самого участника или его законного представителя.

При этом могут быть приравнены к ограниченным возможностям участия в уголовном судопроизводстве обстоятельства экономического характера, но все равно имеющие социальное значение, а именно – недостаточность денежных средств у потерпевшего для того, чтобы нанять представителя. Данная ситуация нами затрагивается в контексте обеспечения равноправия на доступ к правосудию. Именно из-за отсутствия четкого урегулирования вопроса предоставления потерпевшему представителя из числа адвокатов, по аналогии с основанием и порядком реализации права обвиняемого на защиту в виде права иметь защитника, потерпевший ограничен в своей возможности полноправного участия в уголовном судопроизводстве.

В связи с вышеизложенным хочется обратить внимание на следующее.

1. Участники уголовного судопроизводства являются носителями процессуальных прав и обязанностей. А носителем статуса конкретного участника выступает человек как таковой. Соответственно, при формировании правового статуса участников уголовного судопроизводства для определения возможности их участия изначально необходимо учитывать их возможности и способности человека, а уже затем отражать особенности функционального статуса как участника.

2. В разных науках (философия, антропология, медицина, психология, биология и т. д.) человек изучается с разных точек зрения. Особенность юриспруденции в том, что участники правоотношений являются одновременно и носителями прав и обязанностей, и их реализаторами. Однако важно понимать, насколько конкретное лицо, имеющее права и обязанности, способно своими действиями их реализовывать.

Исходя из того, что уголовное судопроизводство представляет собой урегулированную нормами уголовно-процессуального законодательства область взаимодействия его участников, законодательно должны быть учтены не только правовые, но также когнитивные и физические возможности осуществления этого взаимодействия.

3. Правовой статус участников уголовного судопроизводства включает в себя их права, обязанности и связанные с этим правовые категории. При этом в некоторых отраслях права законодатель предусматривает такие институты, как: правоспособность, дееспособность, ограничение и лишение дееспособности, «неполную» (в силу возраста) дееспособность, за счет чего осуществляет дозирование возможности участия в тех или иных правоотношениях, а также предоставляет разного рода гарантии тем лицам, которым необходимо «выравнивание» этой возможности. В уголовном судопроизводстве ряда государств, в том числе и Российской Федерации, отсутствуют данные институты, что делает затруднительным, а зачастую и невозможным обеспечение реализации таких принципов уголовного судопроизводства, как равенство прав участников, охрана прав и свобод человека и гражданина, законность и др.

4. Одним из предложений по «выравниванию» возможностей полноправного участия лиц с ограниченными возможностями в уголовном судопроизводстве наряду с другими его участниками в рамках разработанного автором компенсаторного подхода, «суть которого сводится к тому, что участникам уголовно-процессуальных отношений, которые в силу имеющихся у них ограниченных возможностей не могут надлежащим образом самостоятельно реализовывать свои права и исполнять обязанности, должны быть предоставлены процессуальные средства, с помощью которых можно компенсировать (максимально стремиться к этому) то неравное положение, в котором они оказываются по сравнению с другими участниками» [38], является закрепление в нормах УПК РФ специального процессуального статуса таких участников с предоставлением им дополнительных гарантий компенсаторного характера.

Реализация этого подхода будет способствовать решению задач уголовного судопроизводства при соблюдении прав всех его участников, в том числе лиц с ограниченными возможностями, в соответствии с принципами правового социального государства и нормами международного права.

Библиографический список

1. Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила): приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29.11.1985. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 11.12.2022).
2. Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотребления властью: принята резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи ООН от 29.11.1985. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (дата обращения: 11.12.2022).
3. Принципы и руководящие положения Организации Объединенных Наций, касающиеся доступа к юридической помощи в системах уголовного правосудия 2012: приняты по докладу Третьего комитета А/67/458 Генеральной Ассамблеи ООН 20.12.2012. URL: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/13-86672_e_book.pdf (дата обращения: 11.12.2022).
4. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481.
5. Недостаток // Ожегов С. И. Толковый словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/123194> (дата обращения: 11.12.2022).
6. Словарь антонимов. URL: <https://rus-antonyms-dict.slovaronline.com> (дата обращения: 11.12.2022).
7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 21.11.2022) // СПС «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699.
8. Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» от 30.06.2015. № 29 URL: <https://www.vsrfl.ru/documents/own/8439> (дата обращения: 11.12.2022).
9. Смыслова В. Н. Дискуссионные вопросы наделяния специальным правовым статусом участников уголовного судопроизводства из числа лиц с физическими и (или) психическими недостатками // Право и государство: теория и практика. 2021. № 5 (197). С. 190–193. DOI: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_5_190. EDN: <https://www.elibrary.ru/jxffej>.
10. Веденеева Н. В. Философско-исторические и социокультурные аспекты «Инвалидности» и «Реабилитации» // Омский научный вестник. 2010. № 6 (92). С. 91–94. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-istoricheskie-i-sotsiokulturnye-aspekty-invalidnosti-i-reabilitatsii>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16341506>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ntpqqp>.
11. Эксперт: расстройствами психики в России страдают около 3,9 млн людей // РИА НОВОСТИ. 20.05.2022. URL: <https://ria.ru/20220520/psikhika-1789729191.html?ysclid=lbjdu1c2c9379725227> (дата обращения: 11.12.2022).
12. Здравоохранение в России. 2017: статистический сборник / ред. кол.: Г. К. Оксенойт, С. Ю. Никитина и др. Москва: Росстат, 2017. 170 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/zdrav17.pdf>.
13. Декларация о правах инвалидов: принята Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1975. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml (дата обращения: 11.12.2022).
14. Курбатова С. М. Лица с ограниченными возможностями как социально уязвимые участники уголовно-процессуальных отношений // Актуальные психолого-педагогические, философские, экономические и юридические проблемы современного российского общества: коллективная монография. Ульяновск: Зебра, 2021. С. 84–103. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46504048>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pfzlcg>.
15. Курбатова С. М. Некоторые особенности участия лиц с ограниченными возможностями в уголовном судопроизводстве // Уголовная политика в сфере обеспечения прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства и использования современных технологий: материалы Всероссийской (национальной) научно-практической конференции, Красноярск, 13–14 ноября 2020 года. Красноярск: Красноярский ГАУ, 2021. С. 62–65. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44798279>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rjdbsl>.
16. Курбатова С. М. О сущности понимания социального государства как средства обеспечения реализации правового статуса лиц с ограниченными когнитивными способностями (на примере уголовно-процессуального права) // Право и политика. 2019. № 8. С. 119–129. DOI: <http://doi.org/10.7256/2454-0706.2019.8.30413>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wwnllj>.
17. Брылева Е. А. Несовершеннолетние участники уголовного судопроизводства и их специальный правовой статус // Юридическая наука: история и современность. 2016. № 10. С. 90–103. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29276904>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yqrihr>.
18. Мищенко Е. В. Специальный правовой статус несовершеннолетних и лиц, в отношении которых ведется производство о применении принудительных мер медицинского характера // Известия Оренбургского государственного аграрного университета. 2011. № 2 (30). С. 293–296. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16395707>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nuumbd>.
19. Бертовский Л. В. К вопросу о получении вербальной информации от лиц с особенностями когнитивного развития // Современная молодежь и вызовы экстремизма и терроризма в России и за рубежом: сборник материалов Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции, Горно-Алтайск, 16–18 мая 2019 года / под ред. Х. П. Пашаева. Горно-Алтайск: Горно-Алт. гос. ун-т, 2019. С. 125–128. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37642317>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pojuxt>.

20. Мананкова Р. П. Специальный правовой статус как критерий классификации субъектов правоотношений // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2009. № 1 (7). С. 17–21. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnyy-pravovoy-status-kak-kriteriy-klassifikatsii-subektov-pravootnosheniy>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12160364>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kgctbb>.
21. Патюлин В. А. Субъективные права граждан: основные черты, стадии, гарантии реализации // Советское государство и право. 1971. № 6. С. 24–32.
22. Витрук Н. В. Правовой модус личности: содержание и виды // Проблемы государства и права: тр. науч. сотрудников и аспирантов Института государства и права АН СССР. Вып. 9. Москва, 1974. С. 43–50.
23. Ровный В. В. О категории «правовой модус» и ее содержании // Государство и право. 1998. № 4. С. 86–88. URL: <https://studylib.ru/doc/3746468/o-kategorii--pravovoj-modus--i-ee-soderzhanii>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25586047>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vnxjvh>.
24. Тихонов Д. В. Видовое многообразие специального правового статуса личности // Пробелы в российском законодательстве. 2015. № 4. С. 25–28. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24914188>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uzfdbz>.
25. Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. Москва: Норма, 2008. 447 с. URL: <https://reallib.org/reader?file=630776>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21552722>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sdqpgl>.
26. Тихонов Д. В. Конституционно-правовое гарантирование специальных социально-детерминированных статусов в России // Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 5. С. 176–189. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-garantirovanie-spetsialnyh-sotsialno-determinirovannyh-statusov-v-rossii>.
27. Ижнина Л. П., Абазалиев И. М. Структурный анализ процессуального положения участника уголовного судопроизводства // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 130–135. URL: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2018_-_2_unicode/14.pdf.
28. Елисеенко С. Процессуальный статус эксперта: отличия процессуальных статусов эксперта и специалиста в уголовном процессе // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 5–3 (68). С. 22–24. DOI: <http://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-5-3-22-24>.
29. Стройкова А. С. К вопросу о процессуальном статусе защитника обвиняемого в российском уголовном процессе // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2008. № 2. С. 211–214. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-protsessualnom-statuse-zaschitnika-obvinyaemogo-v-rossiyskom-ugolovnom-protseste>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12051208>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kdsqhz>.
30. Клепов М. Н. Теория и практика становления процессуального статуса подозреваемого в российском уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2002. 226 с. URL: <https://lawtheses.com/teoriya-i-praktika-stanovleniya-protsessualnogo-statusa-podozrevaemogo-v-rossiyskom-ugolovnom-sudoproizvodstve>.
31. Телигисова С. С. Процессуальный статус следователя как субъекта уголовно-процессуальных отношений // Вестник Оренбургского государственного университета. 2012. № 3 (139). С. 199–207. URL: http://vestnik.osu.ru/2012_3/43.pdf.
32. Санников А. С. Соотношение обязанностей стороны обвинения и прав иных участников уголовного судопроизводства // Правоохранительные органы: теория и практика. 2013. № 1. С. 102–103.
33. Фадеев П. В. К вопросу о защите прав участников уголовного судопроизводства // Уголовное судопроизводство: современное состояние и стратегия развития: сб. научн. тр. Междунар. научно-практич. конф., Москва, 12 ноября 2021 года / под ред. О. В. Химичевой. Москва: Московский университет МВД РФ им. В. Я. Кикотя, 2022. С. 170–171. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49201220&pff=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xbozea>.
34. Мельников В. Ю. Защита и охрана прав и свобод участников уголовного судопроизводства // Российский судья. 2010. № 1. С. 17–21. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/34986-zashhita-okhrana-prav-svobod-uchastnikov-ugolovnogogo-sudoproizvodstva>.
35. Mukhamadyeva G. N., Yergali A. M. Appealing procedural actions and decisions of bodies conducting criminal prosecution as a guarantee of securing the rights of participants in criminal proceedings // Journal of Actual Problems of Jurisprudence. 2018. Vol. 87, № 3. P. 144–152. URL: <https://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/download/1428/1379>.
36. Виноградова С. Л. Аудио- и видеозапись как дополнительная гарантия защиты прав участников уголовного судопроизводства // Российский следователь. 2022. № 9. С. 3–8. URL: <https://old.lawinfo.ru/catalog/16473/rossijskij-sledovatel/9>.
37. Тарнавский О. А. Обеспечение прав и частных интересов участников уголовного судопроизводства: монография. Москва: Юрлитинформ, 2011. 191 с.
38. Курбатова С. М. Теоретические основы уголовно-процессуального статуса лиц с ограниченными возможностями: проблемы теории и практики: монография. Красноярск: Красноярский ГАУ, 2021. 168 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46711741>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wqkspj>.

References

1. *Minimal'nye standartnye pravila Organizatsii Ob"edinennykh Natsii, kasayushchiesya otpravleniya pravosudiya v otnoshenii nesovershennoletnikh (Pekinskie pravila): prinyaty rezolyutsiei 40/33 General'noi Assamblei OON ot*

- 29.11.1985. [United Nations Standard Minimum Rules for the Administration of Juvenile Justice (Beijing Rules): adopted by UN General Assembly Resolution 40/33 as of 29.11.1985]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (accessed 11.12.2022) [in Russian].
2. *Deklaratsiya osnovnykh printsipov pravosudiya dlya zhertv prestuplenii i zloupotrebleniya vlast'yu: prinyata rezolyutsiei 40/33 General'noi Assamblei OON ot 29.11.1985 g.* [Declaration of Basic Principles of Justice for Victims of Crimes and Abuse of Power: adopted by UN General Assembly Resolution 40/33 as of 29.11.1985]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/power.shtml (accessed 11.12.2022) [in Russian].
3. *Printsipy i rukovodyashchie polozheniya Organizatsii Ob"edinennykh Natsii, kasayushchiesya dostupa k yuridicheskoi pomoshchi v sistemakh ugolovnogo pravosudiya 2012: prinyaty po dokladu Tret'ego komiteta A/67/458 General'noi Assamblei OON 20.12.2012 g.* [United Nations Principles and Guidelines on Access to Legal Aid in Criminal Justice Systems 2012: adopted on the report of the Third Committee A/67/458 by the UN General Assembly on 20.12.2012]. Available at: https://www.unodc.org/documents/justice-and-prison-reform/13-86672_e_book.pdf (accessed 11.12.2022) [in Russian].
4. *Ugolovno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ (red. ot 21.11.2022)* [Criminal Procedure Code of the Russian Federation № 174-FZ dated 18.12.2001 (as amended on 21.11.2022)]. Retrieved from legal reference system Consultant Plus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481 [in Russian].
5. Nedostatok [Flaw]. *Ozhegov S.I. Tolkovy slovar'* [Explanatory dictionary]. Available at: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/123194> (accessed 11.12.2022) [in Russian].
6. *Slovar' antonimov* [Dictionary of Antonyms]. Available at: <https://rus-antonyms-dict.slovaronline.com> (accessed 11.12.2022) [in Russian].
7. *Ugolovnyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 13.06.1996 № 63-FZ (red. ot 21.11.2022)*. Retrieved from legal reference system Consultant Plus. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699 [in Russian].
8. *Postanovlenie Plenuma Verkhovnogo Suda RF «O praktike primeneniya sudami zakonodatel'stva, obespechivayushchego pravo na zashchitu v ugolovnom sudoproizvodstve» ot 30.06.2015. № 29* [Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation «On the practice of application by courts of legislation ensuring the right to protection in criminal proceedings» dated 30.06.2015 № 29]. Available at: <https://www.vsr.ru/documents/own/8439> (accessed 11.12.2022) [in Russian].
9. Smyslova V. N. *Diskussionnye voprosy nadeleniya spetsial'nym pravovym statusom uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva iz chisla lits s fizicheskimi i (ili) psikhicheskimi nedostatkami* [Debatable issues of granting a special legal status to participants in criminal proceedings from among persons with physical and (or) mental disabilities]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika* [Law and State: The Theory and Practice], 2021, no. 5 (197), pp. 190–193. DOI: http://doi.org/10.47643/1815-1337_2021_5_190. EDN: <https://www.elibrary.ru/jxffej> [in Russian].
10. Vedeneeva N.V. *Filosofsko-istoricheskie i sotsiokul'turnye aspekty «Invalidnosti» i «Reabilitatsii»* [Philosophy-historical and sociocultural aspects invalids and rehabilitation]. *Omskii nauchnyi vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], 2010, no. 6 (92), pp. 91–94. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/filosofsko-istoricheskie-i-sotsiokulturnye-aspekty-invalidnosti-i-reabilitatsii>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16341506>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ntpqqp>. [in Russian].
11. *Ekspert: rasstroistvami psikhiki v Rossii stradayut okolo 3,9 mln lyudei* [Expert: about 3.9 million people suffer from mental disorders in Russia]. Retrieved from the official website of RIA NOVOSTI. 20.05.2022. Available at: <https://ria.ru/20220520/psikhika-1789729191.html?ysclid=lbjdu1c2c9379725227> (accessed 11.12.2022) [in Russian].
12. *Zdravookhranenie v Rossii. 2017: Statisticheskii sbornik / red. kol.: G. K. Oksenoit, S. Yu. Nikitina i dr.* [Oksenoit G. K., Nikitina S. Yu. et al. (Eds.) Healthcare in Russia. 2017: Statistical collection]. Moscow: Rosstat, 2017, 170 p. Available at: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/zdrav17.pdf> [in Russian].
13. *Deklaratsiya o pravakh invalidov: prinyata Rezolyutsiei General'noi Assamblei OON ot 09.12.1975* [Declaration on the Rights of Persons with Disabilities: adopted by the Resolution of the UN General Assembly on 09.12.1975]. Available at: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/disabled.shtml (accessed 11.12.2022) [in Russian].
14. Kurbatova S. M. *Litsa s ogranichennymi vozmozhnostyami kak sotsial'no uязvimye uchastniki ugolovno-protsessual'nykh otnoshenii* [Persons with disabilities as socially vulnerable participants in criminal procedural relations]. In: *Aktual'nye psikhologo-pedagogicheskie, filosofskie, ekonomicheskie i yuridicheskie problemy sovremennogo rossiiskogo obshchestva: kollektivnaya monografiya* [Actual psychological and pedagogical, philosophical, economic and legal problems of modern Russian society: multi-authored monograph]. Ulyanovsk: Zebra, 2021, pp. 84–103. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46504048>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pfzlcg> [in Russian].
15. Kurbatova S. M. *Nekotorye osobennosti uchastiya lits s ogranichennymi vozmozhnostyami v ugolovnom sudoproizvodstve* [Some features of the participation of persons with disabilities in criminal proceedings]. In: *Ugolovnaya politika v sfere obespecheniya prav i zakonnykh interesov uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva i ispol'zovaniya sovremennykh tekhnologii: materialy Vserossiiskoi (natsional'noi) nauchno-prakticheskoi konferentsii, Krasnoyarsk, 13–14 noyabrya 2020 goda* [Criminal policy in the sphere of ensuring the rights and legitimate interests of participants in criminal proceedings and the use of modern technologies: materials of the All-Russian (national) research and practical conference, Krasnoyarsk, November 13–14, 2020. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii GAU, 2021, pp. 62–65. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=44798279>. EDN: <https://www.elibrary.ru/rjdbsl> [in Russian].
16. Kurbatova S. M. *O sushchnosti ponimaniya sotsial'nogo gosudarstva kak sredstva obespecheniya realizatsii pravovogo statusa lits s ogranichennymi kognitivnymi sposobnostyami (na primere ugolovno-protsessual'nogo prava)* [On the essence of understanding of the social state as the means for ensuring legal status of individuals with limited

- cognitive abilities (on the example of criminal procedural law)]. *Pravo i politika* [Law and Politics], 2019, no. 8, pp. 119–129. DOI: <http://doi.org/10.7256/2454-0706.2019.8.30413>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wnnlj> [in Russian].
17. Bryleva E. A. *Nesovershennoletnie uchastniki ugolovnogo sudoproizvodstva i ikh spetsial'nyi pravovoi status* [Juveniles involved in criminal proceedings and their special legal status]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost'* [Juridical science: history and modernity], 2016, no. 10, pp. 90–103. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29276904>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yqrihr> [in Russian].
18. Mischenko Ye. V. *Spetsial'nyi pravovoi status nesovershennoletnikh i lits, v otnoshenii kotorykh vedetsya proizvodstvo o primenении prinuditel'nykh mer meditsinskogo kharaktera* [Special legal status of minors and persons subjected to compulsory measures of medical character]. *Izvestiya Orenburgskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Izvestia Orenburg State Agrarian University], 2011, no. 2 (30), pp. 293–296. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=16395707>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nuumbd> [in Russian].
19. Bertovskiy L. V. *K voprosu o poluchenii verbal'noi informatsii ot lits s osobennostyami kognitivnogo razvitiya* [On the issue of obtaining verbal information from persons with cognitive development characteristics]. In: *Sovremennaya molodezh' i vyzovy ekstremizma i terrorizma v Rossii i za rubezhom: Sbornik materialov Vserossiiskoi (s mezhdunarodnym uchastiem) nauchno-prakticheskoi konferentsii, Gorno-Altaysk, 16–18 maya 2019 goda. Pod red. Kh. P. Pashaeva* [Pashaev Kh. P. (Ed.) Modern youth and the challenges of extremism and terrorism in Russia and abroad: collection of materials of the All-Russian (with international participation) research and practical conference, Gorno-Altaysk, May 16–18 2019]. Gorno-Altaysk: Gorno-Alt. gos. un-t, 2019, pp. 125–128. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=37642317>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pojuxt> [in Russian].
20. Manankova R. P. *Spetsial'nyi pravovoi status kak kriterii klassifikatsii sub"ektov pravootnoshenii* [Special legal status as a criterion for the classification of subjects of legal relations]. *Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel'naya praktika* [Legal Science and Law Enforcement Practice], 2009, no. 1 (7), pp. 17–21. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsialnyy-pravovoy-status-kak-kriteriy-klassifikatsii-subektov-pravootnosheniy>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12160364>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kgctbb> [in Russian].
21. Patyulin V. A. *Sub"ektivnye prava grazhdan: osnovnye cherty, stadii, garantii realizatsii* [Subjective rights of citizens: main features, stages, guarantees of implementation]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo* [Soviet State and Law], 1971, no. 6, pp. 24–32 [in Russian].
22. Vitruk N. V. *Pravovoi modus lichnosti: sodержanie i vidy* [Legal mode of personality: content and types]. In: *Problemy gosudarstva i prava. Tr. nauch. sotrudnikov i aspirantov Instituta gosudarstva i prava AN SSSR* [Problems of state and law. Proceedings of research officers and postgraduate students of the Institute of State and Law of the Academy of Sciences of the USSR]. Issue 9. Moscow, 1974, pp. 43–50. [in Russian].
23. Rovnyi V. V. *O kategorii «pravovoi modus» i ee sodержanii* [About the category «legal mode» and its content]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 1998, no. 4, pp. 86–88. Available at: <https://studylib.ru/doc/3746468/o-kategorii-pravovoj-modus-i-ee-soderzhanii>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=25586047>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vnxjvh> [in Russian].
24. Tikhonov D. V. *Vidovoe mnogoobrazie spetsial'nogo pravovogo statusa lichnosti* [The variety of special legal the personality]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2015, no. 4, pp. 25–28. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24914188>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uzfdbz> [in Russian].
25. Vitruk N. V. *Obshchaya teoriya pravovogo polozheniya lichnosti* [General theory of the legal status of an individual]. Moscow: Norma, 2008, 447 p. Available at: <https://reallib.org/reader?file=630776>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=21552722>. EDN: <https://www.elibrary.ru/sdqpgl> [in Russian].
26. Tikhonov D. V. *Konstitutsionno-pravovoe garantirovanie spetsial'nykh sotsial'no-determinirovannykh statusov v Rossii* [Constitutional and law guarantee of special social and determined status in Russia]. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki* [The Humanities and social sciences], 2015, no. 5, pp. 176–189. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/konstitutsionno-pravovoe-garantirovanie-spetsialnykh-sotsialno-determinirovannykh-statusov-v-rossii> [in Russian].
27. Izhnina L. P., Abazaliev I. M. *Strukturnyi analiz protsessual'nogo polozheniya uchastnika ugolovnogo sudoproizvodstva* [Structural analysis of the procedural position of the criminal legal proceedings participant]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod University], 2018, no. 2, pp. 130–135. Available at: http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2018_-2_unicode/14.pdf [in Russian].
28. Eliseenko S. *Protsessual'nyi status eksperta: otlichiya protsessual'nykh statusov eksperta i spetsialista v ugolovnom protsesse* [Procedural status of the expert: differences in the procedural status of the expert and the specialist in the criminal procedure]. *Mezhdunarodnyi zhurnal humanitarnykh i estestvennykh nauk* [International Journal of Humanities and Natural Sciences], 2022, vol. 5–3 (68), pp. 22–24. DOI: <http://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-5-3-22-24> [in Russian].
29. Stroikova A. S. *K voprosu o protsessual'nom statuse zashchitnika obvinyaemogo v rossiiskom ugolovnom protsesse* [On the question of the procedural status of the defender of the accused in the Russian criminal process]. *Vestnik Adygeiskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1: Regionovedenie: filosofiya, istoriya, sotsiologiya, yurisprudentsiya, politologiya, kul'turologiya* [The Bulletin of the Adyghe State University, the series «Region Studies: Philosophy, History, Sociology, Jurisprudence, Political Sciences and Culturology»], 2008, no. 2, pp. 211–214. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-protsessualnom-statuse-zashchitnika-obvinyaemogo-v-rossiiskom-ugolovnom-protsesse>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=12051208>. EDN: <https://www.elibrary.ru/kdsqzh> [in Russian].
30. Klepov M. N. *Teoriya i praktika stanovleniya protsessual'nogo statusa podozrevaemogo v rossiiskom ugolovnom sudoproizvodstve: dis. ... kand. yurid. nauk* [Theory and practice of the formation of procedural status of a suspect in Russian criminal proceedings: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2002, 226 p. Available at: <https://>

lawtheses.com/teoriya-i-praktika-stanovleniya-protssessualnogo-statusa-podozrevaemogo-v-rossiyskom-ugolovnom-sudoproizvodstve [in Russian].

31. Teligisova S. S. *Protssessual'nyi status sledovatelya kak sub"ekta ugolovno protssessual'nykh otnoshenii* [Procedural status of an investigator as a subject of criminal procedural relations]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Orenburg State University], 2012, no. 3 (139), pp. 199–207. Available at: http://vestnik.osu.ru/2012_3/43.pdf [in Russian].

32. Sannikov A. S. *Sootnoshenie obyazannostei storony obvineniya i prav inykh uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva* [Relationship between the responsibilities of the prosecution and the rights of other participants in criminal proceedings]. *Pravookhranitel'nye organy: teoriya i praktika*, 2013, no. 1, pp. 102–103 [in Russian].

33. Fadeev P. V. *K voprosu o zashchite prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva* [On the issue of protecting the rights of participants in criminal proceedings]. In: *Ugolovnoe sudoproizvodstvo: sovremennoe sostoyanie i strategiya razvitiya: sb. nauchn. tr. Mezhdunar. nauchno-praktich. konf., Moskva, 12 noyabrya 2021 goda. Pod redaktsiei O. V. Khimichevoi* [Khimicheva O. V. (Ed.) Criminal proceedings: current state and development strategy: collection of scientific works of the International research and practical conference, Moscow, November 12, 2021]. Moscow: Moskovskii universitet MVD RF im. V. Ya. Kikotya, 2022, pp. 170–171. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=49201220&pff=1>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xbozea> [in Russian].

34. Melnikov V. Yu. *Zashchita i okhrana prav i svobod uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva* [Guard and defense rights and freedoms of participants of criminal trial]. *Rossiiskii sud'ya* [Russian Judge], 2010, no. 1, pp. 17–21. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/34986-zashhita-okhrana-prav-svobod-uchastnikov-ugolovnogo-sudoproizvodstva> [in Russian].

35. Mukhamadyeva G. N., Yergali A. M. Appealing procedural actions and decisions of bodies conducting criminal prosecution as a guarantee of securing the rights of participants in criminal proceedings. *Journal of Actual Problems of Jurisprudence*, 2018, vol. 87, no. 3, pp. 144–152. Available at: <https://bulletin-law.kaznu.kz/index.php/journal/article/download/1428/1379/> [in Russian].

36. Vinogradova S. L. *Audio- i videozapis' kak dopolnitel'naya garantiya zashchity prav uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva* [An Audio and Video Record as an Additional Guarantee of Protection of Rights of Parties to Criminal Proceedings]. *Rossiiskii sledovatel'* [Russian Investigator], 2022, no. 9, pp. 3–8. Available at: <https://old.lawinfo.ru/catalog/16473/rossijskij-sledovatel/9> [in Russian].

37. Tarnavskii O. A. *Obespechenie prav i chastnykh interesov uchastnikov ugolovnogo sudoproizvodstva: monografiya* [Securing the Rights and Private Interests of the Participants of Criminal Proceedings: a monograph]. Moscow: Yurlitinform, 2011, 191 p. [in Russian].

38. Kurbatova S. M. *Teoreticheskie osnovy ugolovno-protssessual'nogo statusa lits s ogranichennymi vozmozhnostyami: problemy teorii i praktiki: monografiya* [Theoretical foundations of the criminal procedural status of persons with disabilities: problems of theory and practice: a monograph]. Krasnoyarsk: Krasnoyarskii GAU, 2021, 168 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46711741>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wqkspj> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.11

Дата поступления: 22.12.2022
рецензирования: 11.02.2023
принятия: 28.02.2023

Перспективы модернизации апелляционного производства в уголовном процессе России: анализ зарубежного опыта

А. Д. Назаров

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация
E-mail: anazarov61@mail.ru

А. Г. Трофимик

Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Российская Федерация
E-mail: alektrof@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается проблема представления новых доказательств в апелляции. Подробно анализируется ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ. Дается сравнение российского и немецкого порядков и условий представления новых доказательств для обеспечения высокого стандарта отправления правосудия по уголовным делам. Выделяются и описываются характерные особенности немецкой уголовной апелляции, которые могут стать ориентиром для совершенствования российского производства в судах апелляционной инстанции. С учетом сказанного целью настоящего исследования стало выявление характеристик германского процессуального права в обозначенном отношении, а также формулирование выводов и предложений, направленных на модернизацию отечественной модели уголовного процесса на основе законодательного и доктринального опыта Германии. В этом отношении основной задачей выступает системный анализ апелляционного производства в Германии сквозь призму законодательства, доктрины и практики правоприменения и на этой основе сопоставление с отечественной моделью апелляции в уголовном судопроизводстве. В силу особенностей исследования методологическую основу определяет в большей степени именно сравнительно-правовой метод во всем многообразии его проявлений как комплексная многоаспектная система. В статье обосновываются идеи о «полной» апелляции и необходимости безусловного (свободного) представления новых доказательств на этой стадии уголовного процесса. Результатом исследования и анализа стали предложения по модернизации уголовно-процессуального права: процедура представления новых доказательств в апелляции должна быть упрощена.

Ключевые слова: уголовный процесс; апелляция; доказательства; судебное разбирательство; судебные ошибки; уголовный процесс Германии; доказывание.

Цитирование. Назаров А. Д., Трофимик А. Г. Перспективы модернизации апелляционного производства в уголовном процессе России: анализ зарубежного опыта // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 28–36. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-28-36>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Назаров А. Д., Трофимик А. Г., 2023

Александр Дмитриевич Назаров – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет, 199106, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, 22-я Линия Васильевского острова, 7.

Александр Геннадьевич Трофимик – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Сибирский федеральный университет, 660075, Российская Федерация, г. Красноярск, пр. Свободный, 79.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 22.12.2022
Revised: 11.02.2023
Accepted: 28.02.2023

Prospects for modernization of appeal proceedings in Russian criminal procedure: analysis of foreign experience

A. D. Nazarov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation
E-mail: anazarov61@mail.ru

A. G. Trofimik

Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russian Federation
E-mail: alektrof@mail.ru

Abstract: The article researches the problem of presenting new evidence on appeal. Part 6.1 of Article 389.13 of the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation is analyzed. A comparison is made between Russian and German procedures and conditions for the presentation of new evidence to ensure a high standard of administration of justice in

criminal cases. The characteristic features of the German criminal appeal are singled out and described, which can become a guideline for improving Russian proceedings in the courts of appeal. In view of the foregoing, the purpose of this study is to establish the essential features of foreign legal order in the indicated respect and to assess the possibility of formulating conclusions and proposals aimed at improving the domestic model of the criminal process based on the legislative and doctrinal experience of the related legal order. In this regard, at this stage, the main task is a systematic analysis of the appellate proceedings in Germany through the prism of legislation, doctrine and practice of law enforcement and, on this basis, an assessment of the domestic model of appeal in criminal proceedings. Due to the specifics of the study, the methodological basis is the comparative legal method in all its variety of manifestations as a complex methodological system. The study substantiates the ideas of a full-fledged appeal and the need for unconditional (free) presentation of new evidence in the Russian appeal. The result of the study and analysis were proposals for the modernization of criminal procedure law: the procedure for presenting new evidence in an appeal should be simplified.

Key words: criminal process; appeal; proof; trial; judicial errors; criminal process in Germany; proof.

Citation. Nazarov A. D., Trofimik A. G. *Perspektivy modernizatsii apellyatsionnogo proizvodstva v ugolovnom protsesse Rossii: analiz zarubezhnogo opyta* [Prospects for modernization of appeal proceedings in Russian criminal procedure: analysis of foreign experience]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 1, pp. 28–36. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-28-36> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Nazarov A. D., Trofimik A. G., 2023

Alexander D. Nazarov – Doctor of Laws, associate professor, professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Saint Petersburg State University, 7, 22nd Line of Vasilevsky Island, Saint Petersburg, 199106, Russian Federation.

Alexander G. Trofimik – Candidate of Legal Sciences, assistant professor of the Department of Criminal Process and Criminalistics, Siberian Federal University, 79, Svobodnyi Avenue, Krasnoyarsk, 660075, Russian Federation.

Производство в суде апелляционной инстанции в уголовном процессе России претерпело целый ряд преобразований с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса. Далеко не всегда изменения законодательства достигали желаемой цели и обеспечивали совершенствование уголовного судопроизводства, а также повышение эффективности правосудия по уголовным делам.

Практические итоги одних из последних новелл в законодательстве, в 2018 году положивших начало деятельности апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции в судебной системе России, а также изменивших порядок отечественного апелляционного и кассационного производств, в различных аспектах еще предстоит осмыслить.

На сегодняшний день на рассмотрении Государственной думы находятся законопроекты № 212392-8 «О внесении изменения в статью 389.2 УПК РФ», законопроект № 163784-7, предложенный Верховным Судом Российской Федерации и другие.

Проект Федерального закона № 163784-7, в частности, заслуживает особого внимания, поскольку содержит значимые предложения по регулированию судебного следствия в апелляции – дополнения и изменения вносятся в части 3 и 4 статьи 389.13 УПК РФ.

Современный этап развития уголовно-процессуального права характеризуется повышенным вниманием к качеству уголовного правосудия: большое значение имеет не только и не столько снижение общего числа судебных ошибок (на это уже были затрачены существенные усилия), сколько эффективное устранение судебных ошибок и их негативных последствий. В этой связи вопрос о модернизации контрольно-проверочных производств выходит на первый план.

Н. П. Кириллова отмечает, что «главным недостатком проводимой в государстве уголовно-процессуальной политики является отсутствие

концепции этой политики, обсужденной с научной общественностью, правоприменителями, принятой на законодательном уровне. Наличие такой концепции способствовало бы более последовательному законотворчеству и формированию следственной и судебной практики» [1, с. 50].

Мы соглашаемся с этой позицией и считаем необходимым выстраивать правовую политику в соответствии с научно обоснованными подходами к построению непротиворечивых правовых моделей, формулированию эффективных правовых институтов. Современная российская апелляция в уголовном судопроизводстве содержит элементы, чуждые концепции, положенной в основание рассматриваемого вида судебного производства.

Предметом действующей модели отечественной апелляции выступают законность, обоснованность и справедливость приговора, законность и обоснованность иного решения суда первой инстанции.

Суд второй инстанции имеет достаточно широкие полномочия по ведению судебного следствия. При этом судебное разбирательство в апелляции в силу правовой позиции Конституционного Суда РФ ошибки, допущенные судом первой инстанции, подлежат исправлению судом второй инстанции в процедурах, наиболее приближенных к производству в суде первой инстанции¹.

Однако, несмотря на широкое формулирование предмета апелляционного производства, а также наличие незначительных послаблений в части судебного следствия, к сожалению, нельзя утверждать, что российская апелляция лишена недостатков, ограничивающих возможности сторон по доказыванию обстоятельств, имеющих значение

¹ Постановление Конституционного Суда РФ по делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом президиума Курганского областного суда от 16 мая 2007 г. № 6-П // Вестник Конституционного Суда РФ. 2007. № 3.

для рассмотрения и разрешения уголовного дела, что, в свою очередь, не способствует повышению эффективности правосудия.

Для обеспечения предупреждения, выявления и исправления судебных ошибок нормативно-правовое регулирование апелляционного производства по уголовному делу должно позволять проводить полноценное судебное разбирательство, если из доводов апелляционной жалобы (представления) следует такая необходимость. Эта концепция получила название «модель полноценной апелляции» или «полной апелляции». Однако закрепление самой возможности повторения полноценного судебного разбирательства далеко не означает, что в каждом случае это будет происходить на практике.

Возможности полной апелляции должны дополнительно стимулировать «суд первой инстанции полно, всесторонне и объективно вести судебное разбирательство по уголовному делу, чтобы избежать судебных ошибок и стремления сторон выходить на новый, безусловно, затратный «дубль-процесс» по апелляции (повторение судебного разбирательства)», полагает А. Д. Назаров. А если «пересмотр состоится, то это будет не конвейер, а полноценный процесс, который призван гарантировать устранение судебных ошибок» [15, с. 277].

Современная научная уголовно-процессуальная мысль в Германии во многом направлена на построение эффективной, разветвленной системы устранения судебных ошибок и их последствий на контрольно-проверочных стадиях уголовного судопроизводства. Поэтому значительный интерес для российской юридической науки может представлять модель уголовной апелляции Германии [21, с. 5].

Сразу отметим особенность немецкой модели. Апелляция в уголовном процессе Германии – это производство в суде, заключающееся по общему правилу в пересмотре приговоров суда первой инстанции и вынесении решения по существу, оправданного необходимостью достижения истины по делу [2, с. 291–295, 21, с. 14].

Апелляция как средство защиты (Rechtsmittel) в Германии представляет собой ординарный (ordentliche) способ обжалования итоговых решений по уголовному делу [3, S. 453; 4, S. 653; 5 S. 585].

Немецкие суды апелляционной инстанции являются второй «полноценной» (полной) инстанцией по фактическим обстоятельствам (zweite Tatsacheninstanz) [6, Rn. 29, 875; 7]. Апелляция, если следовать терминологии уголовно-процессуального права Германии, «направлена против приговоров участкового суда» (AG). Апелляционная жалоба рассматривается судом *в правовом и фактическом отношениях*, то есть по вопросам права и факта (Tat- und Rechtsfrage) [8, S. 220; 3, S. 462].

Собранные доказательства должны быть повторно проверены и оценены судом по внутреннему убеждению, а новые доказательства, если в их использовании есть необходимость, должны без дополнительных условий быть допущены к исследованию в судебном разбирательстве.

Ввиду того что апелляция, по выражению немецких юристов, «открывает» новую инстанцию по

фактическим обстоятельствам, то доказательства и обстоятельства от стадии предания суду до судебного разбирательства в суде первой инстанции вновь в полном объеме подлежат полному, всестороннему и объективному исследованию для установления материальной истины по делу [9, S. 143].

Требование к качеству исследования обстоятельств в апелляционном производстве по уголовному делу закреплено §§ 244, 261 StPO с учетом их системной взаимосвязи в доктринальном и практическом истолковании [10, с. 124–132]. Буквально параграфы закрепляют принципы материальной истины (§ 244) и свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению (§ 261).

Уголовно-процессуальный закон Германии усиливает возможность апелляционного производства тем, что в § 323 III StPO дополнительно закреплено следующее: «новые доказательства допустимы» [11]. Никаких формальных или содержательных условий для исследования новых доказательств не закреплено. И независимо от наличия или отсутствия уважительных причин непредставления какого-либо доказательства в суд первой инстанции оно [новое доказательство] может быть получено и приобщено к материалам уголовного дела и, соответственно, исследовано коллегией судей и участниками уголовного судопроизводства [2, с. 291–295].

Параграф 323 III StPO в научной литературе Германии интерпретируется таким образом: исследование новых доказательств составляет одну из существенных *задач* апелляционного производства [12, § 323: Rn. 4, 5]. Нам представляется обоснованным вспомнить идеи российского дореволюционного ученого-юриста. В духе рассуждений И.Я. Фойницкого можно заметить, что без положения о новых доказательствах во многом терялся бы эффект «добавочной гарантии» правосудия.

В апелляционном производстве, в сущности, используется сконструированный уголовно-процессуальный механизм рассмотрения дела, характерный для суда первой инстанции. «Поэтому от того, насколько обоснованны и непротиворечивы правоприменение и нормативно-правовое регулирование производства в суде первой инстанции, какие качества и характеристики заданы процессуальной форме законодателем, тем эффективнее во многих аспектах должно быть повторное рассмотрение и уголовного дела в апелляционном производстве» [21, с. 99].

По общему правилу судебное следствие, оценка доказательств осуществляются полностью заново, за исключением отдельных послаблений. Содержание апелляционной жалобы может существенно ограничивать исследование фактических обстоятельств, поскольку производство осуществляется в пределах заявленных доводов. Эти два аспекта позволяют значительно ускорять производство в суде апелляционной инстанции, если необходимости в полном повторении рассмотрения всех без исключения аспектов уголовного дела нет.

Исключения в части доказывания касаются, например, допроса свидетелей. Допускается оглашение их предыдущих показаний без вызова в суд.

При этом приглашение допрошенных ранее свидетелей и экспертов в судебное заседание суда апелляционной инстанции для допроса только тогда может быть воспринято излишним, когда очевидно, что повторный допрос не приведет к разъяснению установленных или выяснению новых обстоятельств дела. Вместе с этим, если свидетель, а тем более свидетель защиты, явился в судебное заседание суда апелляционной инстанции, он должен быть допрошен [21, с. 99].

Законодательно в Германии закреплено следующее: согласно § 323 II StPO, вызова допрошенных в первой инстанции свидетелей и экспертов можно избежать только тогда, когда повторный допрос не представляется значимым для разъяснения и уточнения обстоятельств уголовного дела. Иными словами, по общему правилу как раз-таки предполагается вызов свидетелей в апелляцию для их допроса, так как суд должен непосредственно исследовать все доказательства.

Германский законодатель воплотил такую модель, которая не противоречит доктринальному представлению об апелляции как о полноценном, самостоятельном и независимом суде по вопросам права и факта.

Таким образом, ни в части представления новых доказательств, ни в части допроса свидетелей и оглашения их показаний *по общему правилу* нет ограничений самостоятельности и полноты исследования обстоятельств для суда апелляционной инстанции в Германии. Возможность использовать заложенный потенциал в конкретных случаях позволяет противостоять судебным ошибкам.

Рассмотренное правовое регулирование зарубежного правопорядка в обозначенной части, пожалуй, в некоторой степени можно считать обеспечивающим даже более высокие гарантии, чем те, которые выработаны Европейский судом по правам человека в контексте права на справедливое судебное разбирательство с позиции допроса свидетелей и оглашения их показаний в инстанциях, рассматривающих фактические обстоятельства и правовые вопросы².

Согласно действующему в правоприменительной практике толкованию параграфа 244 II StPO,

² См.: §§ 119, 126–128, 147 Аль-Хавая и Тахири против Соединенного Королевства [Al-Khawaja and Tahery v. the United Kingdom]: Постановление Европейского суда по правам человека от 15.12.2011. Жалоба № 26766/05. URL: [.](https://hudoc.echr.coe.int; Дамир Сибгатуллин против России [Damir Sibgatullin v. Russia]: Постановление Европейского суда по правам человека от 28.05.2014. Жалоба № 1413/05. URL: <a href=)

устанавливающего принцип материальной истины, суд в апелляционном производстве совершает все возможные следственные и иные процессуальные действия для собирания новых доказательств, а также проверки их наличия или отсутствия, а кроме того, вынужден удовлетворять ходатайство защиты о приобщении новых доказательств, если такое ходатайство не является явно не обоснованным [5, S. 601].

Анализ научно-практической литературы и правоприменительной практики Германии позволяет прийти к выводу о том, что формальное (количественное) приращение доказательств следует рассматривать как надлежащее выполнение задач по собиранию доказательств, а потому не является правильным применением принципа материальной истины. Новые доказательства позволяют выстраивать логические взаимосвязи между обстоятельствами дела, способствуют непосредственному доказыванию ранее не подтвержденных обстоятельств.

После качественного приращения доказательственного материала по уголовному делу, если это потенциально возможно, суд апелляционной инстанции в пределах заявленных доводов должен провести новое судебное следствие, в рамках которого должны быть допрошены свидетели, эксперты, подсудимый, исследуются письменные акты, в том числе протоколы, могут обзреваться, заслушиваться аудиовизуальные материалы, оглашаются показания [13, § 323: Rn. 7–10].

Из постановлений Верховного суда Германии можно выявить правовые позиции, касающиеся ошибок применения требования о достижении истины по делу.

По одному из дел Верховный суд Германии указал, что ошибочным является отказ в удовлетворении ходатайства о повторном допросе свидетеля, когда становится известной новая, относимая к делу информация, которая каким-либо образом касается такого свидетеля. В деле значимая информация возникла после опубликования записей личного дневника, в котором были записаны некоторые сведения об исследуемых обстоятельствах³.

Суд также отметил, что требование о достижении истины по делу предполагает необходимость проверять различные версии, в особенности в тех случаях, когда становятся известными новые фактические данные.

Тем самым было подчеркнуто, что возникновение новых взаимосвязей между исследованными и неисследованными обстоятельствами, о которых стало известно, возлагает на суд обязанность распространить судебное следствие на новые относимые обстоятельства.

Обязанность достигать истины по делу распространяется и на весьма специфические случаи. Так, согласно выработанной правовой позиции, суды по фактическим обстоятельствам (Tatsachengericht – первая и вторая инстанции)

³ BGH Beschluss vom 17.02.1994. 1 StR 723/93.

в случаях, недостаточно проверенных опытным путем или откровенно небесспорных научных методах экспертного исследования должны приложить усилия для того, чтобы осведомиться наилучшим образом о предмете этого научного спора и (или) положительных и отрицательных аспектах методологии экспертизы⁴.

Отступления от сформированных правовых позиций нижестоящими судами неизбежно приводят к отмене или изменению вынесенных приговоров. За единообразием судебной практики пристально следят кассационные суды, количество дел в которых благодаря этому неуклонно снижается год от года. В доктрине даже можно найти перечень судебных ошибок, подкрепленный множеством судебных решений, по которым кассационное обжалование было успешным.

Актуальная немецкая судебная практика развивает концепцию деятельного (активного) суда, стремящегося к справедливости и истине. Эта идея для процессуального права нового этапа развития в целом представляется обоснованной.

Параграф 244 II StPO предписывает суду по собственной инициативе в силу своего положения (*ex officio*) собирать доказательства, если из письменных или иных материалов уголовного дела в судебном разбирательстве обнаруживаются или могут стать известными обстоятельства, которые при разумной оценке способны породить обоснованное сомнение в правильности приговора, вынесенного на основе прошедшего судебного следствия⁵.

Таким образом, в уголовном процессе Германии суды первой и апелляционной инстанций равным образом ориентированы на истину, что закреплено в УПК ФРГ и оттаивается судебной практикой высших судов. Уголовно-процессуальное познание, осуществляемое в апелляционном производстве и производстве в суде первой инстанции, ничем не отличается в своем стремлении к правде и справедливости. Апелляция не должна быть ограничена в доказывании по сравнению с первой инстанцией.

Наш анализ практики Верховного суда Германии показал, что нередко случаи, когда правовые позиции совпадали бы по своему содержанию и с отечественным нормативно-правовым регулированием в части обоснования используемых доказательств, и с практикой правоприменения в России. Немецкий опыт во многих отношениях может быть полезен.

В рамках немецкой доктрины «неполную» апелляцию в уголовном процессе невозможно представить, поскольку это концептуально противоречило бы нормативно-правовому регулированию с учетом интерпретации высших судов. И законодательно, и доктринально апелляция в Германии по общему правилу является «полной». Это основа немецкой модели апелляции.

Обязанность исследовать истину по делу на основе внутреннего убеждения (§§ 241, 261 StPO)

характерна как для первой, так и для апелляционной инстанции. Но для апелляционного производства обязанность достигать истины (*Aufklärungspflicht*) конкретизируется, трансформируется в необходимость установить новые доказательства, если это потенциально возможно [21, с. 148–149].

Именно привлечение новых доказательств в апелляционное производство может служить убедительной «добавочной гарантией» законности, обоснованности и справедливости приговора, а не само право на апелляцию как таковую. Апелляционное рассмотрение лишь предполагает наличие возможности по полному самостоятельному и независимому пересмотру уголовного дела, но его реализация – это в первую очередь в уголовном судопроизводстве сфера ответственности судьи.

Таким образом, концептуально в Германии выстроена модель полной апелляции, не имеющей условностей в части исследования доказательств, которые характерны для отечественной апелляции.

Российская апелляция даже в свете изложенного тяготеет к *проверке*, а не к полноценному пересмотру. В отечественной научной литературе отмечается, что по своему характеру российская апелляция не является полной. Это делает ее похожей местами скорее на кассацию, чем на собственно апелляцию [14, с. 1119–1130, 1142–1145]. Что, однако, в известной мере предопределено историческими факторами становления апелляции и кассации в России.

Проблема слияния разных по природе и своим задачам контрольно-надзорных производств не является мнимой и имеет серьезные практические последствия.

Апелляция, предоставляя возможности по полному пересмотру уголовного дела, должна давать такую гарантию реализации права на вторую инстанцию по фактическим обстоятельствам, где у сторон не будет существенных ограничений по доказыванию обстоятельств, имеющих значение для рассмотрения и разрешения дела по существу. А кассация в контексте реализации задач стадии уголовного судопроизводства должна обеспечивать проверку законности вынесенных судебных актов и единообразие судебной практики. Однако для такой проверки необходимо прочное фактическое основание, не оставляющее разумных сомнений в его достоверности. Это основание должно быть заложено судами первых двух инстанций.

Сопоставление наиболее значимых элементов уголовно-процессуального механизма устранения ошибок в России и Германии позволяет подтвердить выводы об ограниченном характере отечественной апелляции и непоследовательности ее нормативной регламентации.

По нашему представлению, отечественное правовое регулирование в обозначенной части отдалает нашу апелляцию от ее классической модели, что само по себе может восприниматься нейтрально, однако с позиции эффективности являет собой известное упущение. С критикой недостатков

⁴ BGH Beschluss vom 12.01.1994. 5 StR 620/93.

⁵ BGH Urteil vom 21.07.2016. 2 StR 383/15.

российского апелляционного производства в его современной послереформенной интерпретации выступали многие ученые [15, с. 270–278; 16].

Причем с критикой, представленной в научном сообществе, трудно не согласиться. Во многом она является обоснованной и оправданной. Приводить подробную и логичную аргументацию многих авторов в настоящей статье мы не будем, поскольку это не входит в перечень задач, непосредственно относящихся к предмету исследования.

Действующая модель российской апелляции на нормативно-правовом и на правоприменительном уровнях содержит противоречия, способные снижать эффективность механизма предупреждения, выявления и исправления судебных ошибок. Поэтому важно в первую очередь устранить имеющиеся проблемы и недостатки, которые являются результатом смешения разных судебных стадий, так как их сохранение давно критикуется в науке и к настоящему моменту ничем не может быть оправдано.

Для целей модернизации апелляции в уголовном судопроизводстве и обеспечения высокого стандарта рассмотрения и разрешения уголовных дел, представляется обоснованным, в том числе на основе анализа зарубежного опыта, отказаться от ограничений, связанных с привлечением в дело новых доказательств, а также, вероятно, стимулировать суд к умеренной инициативности в части собирания доказательств.

Сказанное вполне согласуется с уже воспринятой в уголовно-процессуальной науке позицией Н. П. Кирилловой о том, что «при отсутствии инициативы стороны обвинения в представлении доказательств суд вправе истребовать и исследовать доказательства обвинительного характера лишь для проверки и оценки по своему внутреннему убеждению уже имеющихся в деле доказательств» [17, с. 16].

При этом «слепая» рецепция иностранного права для модернизации нормативно-правового регулирования, по нашему представлению, не требуется, ведь российская юридическая наука выработала свои надежные и эффективные подходы к законодательной технике.

В силу ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ доказательства, которые не были исследованы судом первой инстанции (новые доказательства), принимаются судом, если лицо, заявившее ходатайство об их исследовании, обосновало невозможность их представления в суд первой инстанции по причинам, не зависящим от него, и суд признает эти причины уважительными [18].

Приведенное законоположение вызывает некоторое недоумение, во-первых, логикой построения и своим непростым формулированием, во-вторых, количеством самих ограничений для представления новых доказательств, которые требуется преодолеть стороне при доказывании в суде апелляционной инстанции.

Новое доказательство представляется и исследуется в российском апелляционном производстве

по уголовному делу при выполнении следующих условий:

- заявлено ходатайство об исследовании новых доказательств;
- обоснована невозможность представления доказательств в суд первой инстанции;
- причины, в силу которых невозможно было представить доказательство, суд счел уважительными.

Критически стоит оценить столь непростое нагромождение условий представления доказательств в суд, который и должен исследовать вопросы установления обстоятельств, подлежащих доказыванию.

По нашему мнению, отсутствуют какие-либо разумные основания действующих законодательных ограничений приобщения и исследования новых доказательств в апелляции. Более того, на практике норма ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ почти полностью исключает возможность представления и исследования новых доказательств.

Порядок представления новых доказательств в силу названной статьи предполагает заявление ходатайства об их исследовании. Такой законодательный подход представляется не совсем некорректным, поскольку нарушается процессуальная логика: сведения, подтверждающие или опровергающие обстоятельства по делу, которые не были исследованы судом первой инстанции, уже законодательно именуются доказательствами, но при этом все равно могут быть проигнорированы судом апелляционной инстанции. Возможны и такие ситуации, при которых защита лишь осведомлена о наличии неисследованных сведений, способных послужить доказательствами и имеющих значение для разрешения дела по существу, но возможности их представить самостоятельно без участия суда стороны по-прежнему нет. В силу этого она должна ходатайствовать первоначально о собирании доказательства, а уже затем исследовании.

На основе изложенного для улучшения механизма устранения (элиминации) судебных ошибок в апелляции предлагается следующая редакция ч. 6.1 ст. 389.13 УПК РФ:

«Новые доказательства могут быть представлены при производстве в суде апелляционной инстанции. Суд апелляционной инстанции вправе содействовать в собирании доказательств по собственной инициативе».

О возможности упрощения правил доказывания в апелляции заметим следующее. Лица, обладающие правом апелляционного обжалования, не во всех случаях желают полного пересмотра: тогда разбирательство будет осуществляться в пределах заявленных доводов апелляционной жалобы. С этой позиции не требуется каких-либо изменений в законодательстве.

Сам же вопрос послаблений при доказывании обстоятельств в апелляционном производстве является допустимым. Но с позиции юридической техники решение этого вопроса не должно умалять какие-либо права осужденного, его защитника и

других лиц в части доказывания или обоснования своих доводов в суде апелляционной инстанции, а кроме этого, снижать эффективность правосудия и умалять авторитет судебной власти.

В научной литературе были высказаны мнения, что отечественная апелляция для максимальной результативности в части устранения судебных ошибок должна быть сконструирована по типу так называемой полной модели, соответствующей классическим представлениям об этом виде судебного производства, и была бы способна самостоятельно решать фактические и правовые аспекты уголовного дела.

По мнению М. Т. Аширбековой, судебное следствие в апелляции должно иметь широкий характер, проводиться без каких-либо изъятий по причине того, что предметом производства является не только сам приговор, а в известном смысле «все уголовное дело» [19, с. 158; 20, с. 22].

Рассуждая в дискурсе классического представления об апелляции как о повторном пересмотре уголовного дела, уместно привести категоричную, но совершенно верную позицию Л. В. Головки, согласно которой не может быть неполной апелляции – она всегда полная, и таков ее замысел, обеспечивающий защиту прав и законных интересов. Апелляция предполагает инициирование производства в суде второй инстанции по вопросам права и факта, как это было в суде первой инстанции. Только при таких условиях реализуется право на апелляцию [16].

Подчеркнем, что для Германии чужда даже сама идея о неполной апелляции. На доктриналь-

ном уровне едва ли можно встретить упоминание о том, что апелляция способна иметь некий ограниченный законодательно, а не доводами жалобы характер. Классификации моделей апелляции на полную и неполную просто не существует. Это, на наш взгляд, связано с тем, что апелляция воспринимается как пересмотр дела, поэтому для выявления и исправления судебной ошибки используется уголовно-процессуальный механизм рассмотрения и разрешения уголовного дела, установленный для суда первой инстанции.

С трудом можно представить в Германии вынесение постановления суда первой инстанции и о передаче уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции для восполнения пробелов в области фактических обстоятельств. В этом совершенно нет смысла: ведь, когда суд апелляционной инстанции обладает самостоятельными широкими полномочиями относительно предмета разбирательства, все необходимые действия в фактическом и правовом отношении суд может выполнить самостоятельно. Исключения составляют уголовные дела, рассмотренные с нарушением подсудности.

Правовое регулирование Германии, *хотя его во многих отношениях нельзя назвать совершенным*, лишено при этом таких внутренних противоречий, при которых апелляция представляет собой неясный симбиоз элементов апелляционного и кассационного производств.

Таким нам видится путь модернизации российского производства в суде апелляционной инстанции по уголовным делам.

Библиографический список

1. Кириллова Н. П. Концепция судебной реформы в России и особенности уголовно-процессуальной политики государства // Юридический вестник Самарского университета. 2016. Т. 2, № 3. С. 43–52. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29007469>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ykuaov>.
2. Трофимик А. Г. Правовая природа апелляции (Berufung) и ее значение для устранения судебных ошибок в Германии // Бизнес. Образование. Право. 2020. № 3 (52). С. 291–295. DOI: <http://doi.org/10.25683/VOLBI.2020.52.304>. EDN: <https://elibrary.ru/zsnwm>.
3. Roxin/Schünemann. Strafverfahrensrecht. 29. Aufl. München: Verlag C.H. Beck, 2017. 576 S.
4. Kühne H.-H. Strafprozessrecht. Eine systematische Darstellung des deutschen und europäischen Strafverfahrensrechts. Heidelberg: C.F. Müller Verlag, 2015, 838 S. URL: <https://books.google.by/books?id=eqyz9afRZOsC&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
5. Ranft O. Strafprozessrecht. Systematische Lehrdarstellung für Studium und Praxis. Richard Boorberg Verlag, 2005. 794 S.
6. Hellmann U. Strafprozessrecht. Berlin, Heidelberg: Springer, 2006. 387 S. Available at: <https://books.google.ru/book?id=qoofBAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false>.
7. Amelunxen C. Die Berufung in Strafsachen. Lübeck, 1982. 130 S.
8. Krey V. Deutsches Strafverfahrensrecht. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2006. 524 S. Available at: https://books.google.de/books?id=IQV_DwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false.
9. Eser A. Einführung in das Strafprozessrecht. München: Verlag C.H. Beck, 1983, 288 S. Available at: <https://freidok.uni-freiburg.de/data/6473>.
10. Трофимик А. Г. Нормативно-правовая основа механизма элиминации судебных ошибок в Германии: сравнительно-правовой аспект // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16, № 3. С. 124–132. DOI: <http://doi.org/10.17803/10.17803/1994-1471.2021.124.3.124-132>.
11. Strafprozeßordnung (StPO) in der letzten Fassung vom 3. März 2020 // BGBl. I. 7. April 1987. S. 1074, ber. S. 1319; BGBl. I – S. 431.

12. Münchener Kommentar zur Strafprozeßordnung. In 3 Bänden. 1. Aufl. München: Verlag C. H. Beck, 2016. 2472 S.
13. Löffelman/Krekeler/Sommer. Strafprozeßordnung. Deutscher Anwalt Verlag, 2010. 2000 S.
14. Курс уголовного процесса / под ред. Л. В. Головки. Москва: Статут, 2022. 1280 с.
15. Назаров А. Д. Следственные и судебные ошибки и уголовно-процессуальный механизм их устранения: концептуальные основы: дис. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2017. 745 с. URL: https://law.sfu-kras.ru/data/method/e-library-kup/Mono/nazarov-a-d_disser.pdf.
16. Головки Л. В. Новеллы УПК РФ: прогресс или институциональный хаос? // Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / под общ. ред. Н. А. Колоколова. Москва: Юрист, 2011. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/3354863/>.
17. Кириллова Н. П. Процессуальные функции профессиональных участников состязательного судебного разбирательства уголовных дел в суде первой инстанции: автореф. ... д-ра юрид. наук. Санкт-Петербург, 2008. 50 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004294887.pdf.
18. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 24.12.2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921. URL: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&year=2001&article=4921&sort=date&page=1&limit=50&docid=99&valid=1002001052000>.
19. Аширбекова М. Т. Принцип публичности в судебном производстве по уголовным делам. Волгоград, 2008. 240 с.
20. Аширбекова М. Т. Новые доказательства в суде апелляционной инстанции // Российская юстиция. 2013. № 5. С. 22–24. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/69889-novye-dokazatelstva-sude-apellyacionnoj-instancii>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19062169>. EDN: <https://elibrary.ru/qbdotl>.
21. Трофимик А. Г. Уголовно-процессуальный механизм устранения судебных ошибок в апелляции и кассации Германии: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2022. 517 с. URL: https://disser.spbu.ru/files/2022/disser_trofimik.pdf.

References

1. Kirillova N. P. *Kontseptsiya sudebnoi reformy v Rossii i osobennosti ugolovno-protsessual'noi politiki gosudarstva* [Concept of judicial reform in Russia and special aspects of criminal procedure policy of the state]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2016, vol. 2, no. 3, pp. 43–52. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29007469>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ykuaov> [in Russian].
2. Trofimik A.G. *Pravovaya priroda apellyatsii (Berufung) i ee znachenie dlya ustraneniya sudebnykh oshibok v Germanii* [The concept of appeal (Berufung) and its significance for eliminating miscarriages of justice in Germany]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Right], 2020, no. 3 (52), pp. 291–295. DOI: <http://doi.org/10.25683/VOLBI.2020.52.304>. EDN: <https://elibrary.ru/zsnwm> [in Russian].
3. Roxin/Schünemann. *Strafverfahrensrecht*. 29. Aufl. München: Verlag C.H. Beck, 2017. 576 S. [in German].
4. Kühne H.-H. *Strafprozessrecht. Eine systematische Darstellung des deutschen und europäischen Strafverfahrensrechts*. Heidelberg: C.F. Müller Verlag, 2015, 838 S. Available at: <https://books.google.by/books?id=eqyz9afRZOsc&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> [in German].
5. Ranft O. *Strafprozessrecht. Systematische Lehrdarstellung für Studium und Praxis*. Richard Boorberg Verlag, 2005. 794 S. [in German].
6. Hellmann U. *Strafprozessrecht*. Berlin, Heidelberg: Springer, 2006, 387 S. Available at: <https://books.google.ru/books?id=qoofBAAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> [in German].
7. Amelunxen C. *Die Berufung in Strafsachen*. Lübeck, 1982, 130 S. [in German].
8. Krey V. *Deutsches Strafverfahrensrecht*. Stuttgart: W. Kohlhammer Verlag, 2006, 524 S. Available at: https://books.google.de/books?id=1QV_DwAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false [in German].
9. Eser A. *Einführung in das Strafprozessrecht*. München: Verlag C.H. Beck, 1983, 288 S. Available at: <https://freidok.uni-freiburg.de/data/6473> [in German].
10. Trofimik A. G. *Normativno-pravovaya osnova mekhanizma eliminatsii sudebnykh oshibok v Germanii: sravnitel'no-pravovoi aspekt* [Legal Framework of the Mechanism for the Elimination of Judicial Errors in Germany: A Comparative Legal Aspect]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2021, vol. 16, no. 3, pp. 124–132. DOI: <http://doi.org/10.17803/10.17803/1994-1471.2021.124.3.124-132>. [in Russian].
11. *Strafprozeßordnung (StPO) in der letzten Fassung vom 3. März 2020. BGBl. I. 7. April 1987. S. 1074, ber. S. 1319; BGBl. I – S. 431* [in German].
12. Münchener Kommentar zur Strafprozeßordnung. In 3 Bänden. 1. Aufl. München: Verlag C. H. Beck, 2016, 2472 S. [in German].
13. Löffelman/Krekeler/Sommer. *Strafprozeßordnung*. Deutscher Anwalt Verlag, 2010. 2000 S. [in German].
14. *Kurs ugolovnogo protsesssa. Pod red. L. V. Golovko* [Golovko L. V. (Ed.) Course of criminal proceedings]. Moscow, 2017, 1280 p. [in Russian].

15. Nazarov A. D. *Sledstvennye i sudebnye oshibki i ugovolno-protsessual'nyi mekhanizm ikh ustraneniya: kontseptual'nye osnovy: dis. ... d-ra yurid. nauk* [Investigative and judicial errors and criminal procedure mechanism for their elimination: conceptual foundations: Doctoral of Legal Sciences thesis]. Saint Petersburg, 2017, 745 p. Available at: https://law.sfu-kras.ru/data/method/e-library-kup/Mono/nazarov-a-d_disser.pdf [in Russian].
16. Golovko L.V. *Novelly UPK RF: progress ili institucional'nyj haos*. In: *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelly GPK RF i UPK RF. Pervyi opyt kriticheskogo osmysleniya. Pod obshch. red. N. A. Kolokolova* [Novelties in the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: progress or institutional chaos? In: Kolokolov N. A. (Ed.) Appeal, cassation, supervision: novelties in the Code of Civil Procedure of the Russian Federation, Code of Criminal Procedure of the Russian Federation. First experience of critical re-evaluation]. Moscow: Yurist, 2011. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/3354863> [in Russian].
17. Kirillova N. P. *Protsessual'nye funktsii professional'nykh uchastnikov sostyazatel'nogo sudebnogo razbiratel'stva ugovolnykh del v sude pervoi instantsii: avtoref. ... d-ra yurid. nauk* [Procedural functions of professional participants in the adversarial court proceedings of criminal cases in the court of the first instance: author's abstract of Doctoral of Laws thesis]. Saint Petersburg, 2008, 50 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004294887.pdf [in Russian].
18. Ugovolno-protsessual'nyi kodeks Rossiiskoi Federatsii ot 18.12.2001 № 174-FZ [Criminal Procedure Code of the Russian Federation as of 18.12.2001 № 174-FZ]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 24.12.2001, no. 52 (part I), Article 4921. Available at: <https://www.szrf.ru/list.html#editions=e100&year=2001&article=4921&sort=-date&page=1&limit=50&docid=99&volid=1002001052000> [in Russian].
19. Ashirbekova M. T. *Printsip publichnosti v sudebnom proizvodstve po ugovolnym delam* [Principle of publicity in judicial proceedings in criminal cases]. Volgograd, 2008, 240 p. [in Russian].
20. Ashirbekova M. T. *Novye dokazatel'stva v sude apellyatsionnoi instantsii* [New evidence in the court of appeal]. *Rossiiskaya yustitsiya* [Russian Justice], 2013, no. 5, pp. 22–24. Available at: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/69889-novye-dokazatelstva-sude-apellyacionnoj-instancii>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=19062169>. EDN: <https://elibrary.ru/qbdotl> [in Russian].
21. Trofimik A. G. *Ugovolno-protsessual'nyi mekhanizm ustraneniya sudebnykh oshibok v apellyatsii i kassatsii Germanii: dis. ... kand. yurid. nauk* [Criminal procedure mechanism for eliminating judicial errors in appeal and cassation in Germany: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Saint Petersburg, 2022, 517 p. Available at: https://disser.spbu.ru/files/2022/disser_trofimik.pdf [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-1-37-45

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.14

Дата поступления 20.11.2022
рецензирования: 23.12.2022
принятия: 28.02.2023

Средства доказывания в уголовном судопроизводстве

С. Б. Росинский

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва, Российская Федерация
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена уяснению сущности и рассмотрению системы средств уголовно-процессуального доказывания, то есть полезных активов, подлежащих использованию для установления обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, обоснования позиций сторон и правоприменительных решений. В этой связи аргументируется приоритет узкого доктринального подхода к пониманию средств доказывания, а также раскрываются присущие ему шероховатости. Отмечается первостепенное значение доказательств как важнейших средств уголовно-процессуального доказывания, основанных на восприятии материальных и идеальных следов-отображений объективной реальности. Наряду с этим раскрывается роль формальных средств доказывания: презумпций, преюдициальных, общеизвестных, notorious и других фактов. Особое внимание уделяется так называемым субъективным средствам доказывания: общеизвестным и юридическим познаниям, правосознанию, правопониманию, правовой культуре, чувству профессиональной ответственности, нравственности, совести, профессиональному и жизненному опыту. И наконец, высказывается предположение о существовании еще одной группы полезных ресурсов – так называемых справочно-вспомогательных средств доказывания.

Ключевые слова: доказательства; доказывание; обоснованность уголовно-процессуальных решений; справочно-вспомогательные средства доказывания; средства доказывания; субъективные средства доказывания; формальные средства доказывания.

Цитирование. Росинский С. Б. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 37–45. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-37-45>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Росинский С. Б., 2023

Сергей Борисович Росинский – доктор юридических наук, доцент, главный научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии, Институт государства и права Российской академии наук, 119019, Российская Федерация, г. Москва, ул. Знаменка, 10.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 20.11.2022

Revised: 23.12.2022

Accepted: 28.02.2023

Means of proving in criminal proceedings

S. B. Rossinskiy

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation
E-mail: s.rossinskiy@gmail.com

Abstract: The article is devoted to understanding the essence and consideration of the system of means of criminal procedural proof, that is, useful assets to be used to establish circumstances relevant to a criminal case, substantiate the positions of the parties and law enforcement decisions. In this regard, the priority of the narrow doctrinal approach to understanding the means of proof is argued, and its inherent roughness is revealed. The paramount importance of evidence is noted as the most important means of criminal procedural proof, based on the perception of material and ideal traces-images of objective reality. Along with this, the role of formal means of proof is revealed: presumptions, prejudicial, well-known, notorious and other facts. Particular attention is paid to the so-called subjective means of proof: well-known and legal knowledge, legal awareness, legal understanding, legal culture, sense of professional responsibility, morality, conscience, professional and life experience. And, finally, it is suggested that there is another group of useful resources – the so-called reference and auxiliary means of proof.

Key words: evidence; proof; validity of criminal procedural decisions; reference and auxiliary means of proof; means of proof; subjective means of proof; formal means of proof.

Citation. Rossinskiy S. B. *Sredstva dokazyvaniya v уголовном судопроизводстве* [Means of proving in criminal proceedings]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 1, pp. 37–45. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-37-45> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Rossinskiy S. B., 2023

Sergey B. Rossinskiy – Doctor of Laws, associate professor, chief researcher of the sector of criminal law, criminal procedure and criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, 10, Znamenka Street, Moscow, 119019, Russian Federation.

Среди всего множества доктринальных, законодательных и практических проблем, традиционно присущих уголовно-процессуальному доказыванию, особое место принадлежит вопросам, связанным с сущностью, свойствами, системой, порядком собирания, проверки и оценки так называемых средств доказывания, обеспечивающих накопление полезных для уголовного дела сведений, а затем превращающихся в соответствующие аргументационные ресурсы (логические аргументы, доводы, силлогистические посылки), подлежащие использованию для обоснования свойственных уголовной юстиции применительных решений, в первую очередь приговоров, а также устных или письменных позиций сторон. Ввиду сложности и прямой зависимости от общих противоречий теории доказывания многие из данных вопросов еще далеки от разрешения, характеризуются «белыми пятнами» и не предполагают единообразия в понимании целого ряда правовых феноменов, в том числе, казалось бы, очевидных, используемых в каждом учебнике по уголовному процессу и материалах любого уголовного дела процессуальных категорий.

В частности, на сегодняшний день в доктрине даже не существует четко выработанной и разделяемой подавляющим большинством ученых точки зрения о том, что именно надлежит подразумевать под средствами уголовно-процессуального доказывания. Авторы сходятся только в самом поверхностном, буквальном понимании этого феномена – как неких средств, используемых для нужд доказывания. В остальном их воззрения предполагают множество вариативных позиций, отличающихся друг от друга различными оттенками.

Вместе с тем содержащиеся в научных публикациях позиции все-таки поддаются некоторой систематизации. По крайней мере, их можно условно разделить на два укрупненных подхода: широкий и узкий.

Приверженцы широкого подхода обычно относили и продолжают относить к средствам доказывания: а) некие имеющие отношение предмету доказывания информационные активы (главным образом, сами доказательства и (или) их источники); б) процессуальные приемы, связанные с накоплением (собираем), исследованием и проверкой указанных активов, то есть следственные и судебные действия, судебные экспертизы и пр. [1, с. 91; 2, с. 202; 3, с. 145; 4, с. 13]. Такой подход представляется не вполне удачным. Он размывает содержание средств доказывания, фактически отождествляя их совокупность со всей системой уголовно-процессуального регулирования, за исключением отдельных действий, не связанных с доказыванием, а имеющих иное предназначение.

Кроме того, нельзя забывать, что современные доктринальные представления о доказывании вообще не ограничиваются пониманием этого процесса как особой разновидности познания окружающей реальности. В подавляющем большинстве

публикаций доказывание рассматривается как многогранная и многоаспектная система, предполагающая как накопление, так и умственную обработку полезных сведений, то есть включающая познавательно-удостоверительные приемы и аргументационно-логические операции, позволяющие устанавливать необходимый круг имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и на их основе выносить законные, обоснованные и разумные (справедливые) правоприменительные решения [5, с. 84]. Однако сторонники широкого подхода, относя к подобным средствам различные процессуальные и другие приемы, обеспечивающие накопление (собираем), исследование и проверку информационных активов, почему-то игнорируют существование второго, аргументационно-логического компонента доказывания, предполагающего умственную обработку полученных сведений, а также доведение позиций сторон до субъектов правоприменения. Исходя из подобного подхода, к средствам доказывания наряду со следственными и судебными действиями, судебными экспертизами и т. д. надлежало бы отнести прения сторон, обжалование, направление возражений, оценку доказательств, обдумывание дознавателем, следователем, судьей подлежащих вынесению правоприменительных актов, в том числе совещание суда перед постановлением приговора и т. д., – все эти действия также способствуют достижению целей доказывания. Тем более что некоторые ратовавшие за широкий подход авторы, фактически вступая в диссонанс с самими собой, одновременно писали об этапе обоснования решений как об одном из обязательных и необходимых компонентов доказывания [1, с. 8; 2, с. 208].

Конечно, было бы не совсем корректным упрекать советских классиков в подобных промахах и противоречиях. В конце концов, они во многом исходили из модной в те годы кибернетической (информационной) теории, предполагающей ряд выявленных гораздо позднее недостатков – полное игнорирование аргументационно-логического компонента доказывания, отрицание роли доказательственных фактов и сведение всей деятельности по установлению имеющих значение для уголовного дела обстоятельств к информационному процессу [6, с. 62].

К тому же, если внимательно ознакомиться с содержанием соответствующих работ, становится понятно, что указанные авторы упоминали о средствах доказывания как бы вскользь, сильно не углубляясь в рассмотрение и осмысление подлинной сущности этого процессуального феномена.

Гораздо большее недоумение вызывают некоторые современные публикации, авторы которых, по всей вероятности, не желая глубоко погружаться в поднимаемые научные проблемы, принимая за основу широкий подход к пониманию средств доказывания, тоже забывают как о мыслительных операциях, направленных на обоснование правоприменительных решений, так и о формах процессуального поведения, позволяющих участникам

уголовного судопроизводства доводить свои позиции до адресата, в первую очередь суда. Ввиду усиления состязательных начал уголовного судопроизводства, предполагающих более активную роль сторон в установлении имеющих значение для уголовного дела обстоятельств, подобная «забывчивость» выглядит достаточно странной. Хотя существуют и приятные исключения. Например, один из сторонников широкого подхода – И. А. Груднин – включает в систему средств доказывания индивидуальную мыслительную деятельность, расценивая ее как некий двигатель общего механизма установления имеющих значение для уголовного дела обстоятельств [4, с. 15].

Тогда как самой неудачной на этом фоне представляется позиция В. Ю. Стельмаха, относящего к средствам доказывания только сами действия, предполагающие собирание доказательственных сведений: процессуальные и проверочные действия, оперативно-розыскные мероприятия, формы представления предметов и документов невластными субъектами уголовного судопроизводства, а также познавательного-удостоверительные приемы, отнесенные к иным направлениям правоприменительной практики [7; 18–19]. Иными словами, автор применяет указанный подход в несколько усеченном варианте, исключает из системы средств доказывания даже сами доказательства, чем полностью обесценивает значение, в первую очередь аргументационно-логический потенциал, накапливаемых активов, то есть, по сути, отождествляет доказывание не более чем с техническим собиранием исходного материала.

Поэтому большую доктринальную распространенность все же приобрел иной, узкий подход к пониманию средств доказывания. Его сторонники считали и продолжают считать таковыми лишь сами информационные активы, подлежащие использованию для установления имеющих значение для уголовного дела обстоятельств и обоснования приговоров или иных правоприменительных актов. Причем в качестве основных, важнейших средств доказывания назывались и продолжают называться именно доказательства, то есть предусмотренные процессуальным законом относимые, допустимые и достоверные сведения (в более ранних публикациях – фактические данные), либо, как вариант, источники таких сведений (фактические данные).

Так, М. С. Строгович и В. М. Галкин писали о средствах доказывания как об акцессорном, резервном наименовании доказательств, то есть как о носителях полезных сведений, способствующих установлению обстоятельств, имеющих значения для уголовного дела [8, с. 290; 9, с. 6]. В. Я. Дорохов, будучи одним из авторов известной коллективной монографии по теории доказательств, тоже обращал внимание на идентичность, тождественность категорий «доказательства» и «средства доказывания» [10, с. 212–213]. Близкие позиции содержатся и в ряде других публикаций [11, с. 25; 12, с. 154–155 и др.].

Подобный подход представляется более правильным и перспективным. Он предполагает автономность средств доказывания, выделяет их из всего массива других объектов уголовно-процессуального регулирования, придает им большую определенность, более четкий смысл. Кстати, как справедливо пишет Н. С. Расулова, приемлемость использования такого подхода косвенно подтверждается законодателем, но не в УПК РФ, а в положениях другого источника процессуального права – Гражданского процессуального кодекса РФ, регламентирующего схожий с уголовным процессом порядок установления юридических фактов [13, с. 23]. В статье 60 ГПК РФ отмечается, что «обстоятельства дела, которые в соответствии с законом должны быть подтверждены определенными средствами доказывания, не могут подтверждаться никакими другими доказательствами».

Вместе с тем указанный подход тоже не лишен отдельных недостатков. В частности, как уже было отмечено выше, в подавляющем большинстве монографий, статей, диссертаций под средствами доказывания в подобном узком истолковании понимаются лишь сами доказательства. Другими словами, совокупность этих средств ограничивается лишь информационными активами, прямо предусмотренными ч. 2 ст. 74 УПК РФ (в более ранних публикациях – соответствующими положениями прежних кодексов).

Согласиться с указанной точкой зрения достаточно сложно. Доказательства – действительно основные, в определенном смысле важнейшие, вне всяких сомнений, наиболее известные и «раскрученные» средства уголовно-процессуального доказывания. По всей вероятности, именно поэтому они и являются объектом столь пристального внимания ученых, а связанные с ними доктринальные, нормативно-правовые и практические проблемы – предметом многочисленных научных исследований и хорошей почвой для множества споров и дискуссий.

Однако подобная популярность доказательств вовсе не подразумевает их исключительности, их единственности для использования в качестве средств доказывания. Ведь, по своей сути, уголовно-процессуальные доказательства являются не более чем «следовыми» средствами доказывания. Они представляют собой информационные продукты, предопределенные «следами преступления», то есть возникающими ввиду способности материи к отражению следами-отображениями (следами в широком смысле) – материальными или идеальными объектами ретроспективного познания, появляющимися и изменяющимися под воздействием различных фрагментов объективной реальности: как юридических фактов, непосредственно входящих в предмет доказывания, так и связанных с ними предшествующих, сопутствующих либо последующих обстоятельств.

Тогда как современное уголовно-процессуальное законодательство позволяет, а иногда и прямо предписывает использовать для обоснования

правоприменительных решений принципиально другие, как бы «неследовые» средства, обязанные своим возникновением не способности материи к отражению, а другим причинам. В частности, предусматривается возможность прибегать к помощи так называемых формальных средств доказывания – неких полезных ресурсов, не возникающих в ходе восприятия и фиксации «следов преступления», а «принимаемых на веру», то есть приобретающих способность к использованию в уголовном процессе на основании общепризнанности, неоспоримости и (или) прямого указания в законе. Существование таких ресурсов обуславливается свойственными современному обществу социально-правовыми, в том числе «судебными», ценностями, а также хорошо апробированными и неоднократно подтвержденными результатами многолетних наблюдений и исследований окружающей реальности. На сегодняшний день в силу ряда причин наибольшую известность среди формальных средств доказывания получили презумпции и преюдиции.

Так, презумпция (от лат. *praesumptio* – «предположение») – это формальное признание какого-либо возможного (иногда вероятного) факта вплоть до его опровержения (доказанности обратного) в установленном порядке. Потребность в использовании презумпций в первую очередь предопределяется необходимостью юридического преодоления неуверенности в доказанности некоторых имеющих значение для уголовного дела обстоятельств – вполне обоснованных сомнений, детерминированных весьма скромными, к тому же сильно ограниченными требованиями процессуальной формы познавательными способностями дознавателя, следователя, суда, то есть возникающих ввиду практической невозможности установления абсолютно всех подробностей, всех мельчайших деталей произошедшего. Подобные формальные средства восполняют неизбежные пробелы в предмете доказывания, выступают в роли паллиативных аргументационных ресурсов, неких информационных суррогатов при отсутствии достаточной совокупности соответствующих доказательств, в том числе когда определенные сведения вообще не подлежат установлению в силу закона либо признаются непригодными к использованию. Кроме того, использование презумпций способствует обеспечению эффективности уголовного судопроизводства, процессуальной экономии и т. д.

Ввиду современных подходов к уголовному судопроизводству в целом и доказательственному праву в частности особое внимание уделяется прямо предусмотренной ст. 14 УПК РФ презумпции невиновности. Однако из смысла закона фактически вытекают и другие, так называемые неписаные презумпции, использование которых предопределяется многолетними традициями предварительного расследования и судебного разбирательства уголовных дел, а также устоявшейся правоприменительной практикой, том числе презумпция

добросовестности поведения органов государственной власти и должностных лиц, презумпция психической вменяемости (психического здоровья) и т. д. А отдельные авторы относят к презумпциям обстоятельства, подразумевающие весьма высокую степень вероятности (практически достоверность) и поэтому подлежащие включению в общий массив аргументационных ресурсов без необходимости подтверждения другими средствами доказывания, как бы принятию «на веру», – так называемые общеизвестные факты (факты здравого смысла) [14, с. 43–46].

Под преюдицией (от лат. *praejudicialis* – «имеющий отношение к предыдущему судебному акту») – понимается еще одно формальное средство уголовно-процессуального доказывания, предполагающее освобождение от бремени повторного установления обстоятельств, ранее уже установленных по какому-либо иному судебному делу и отраженных в вынесенном посредством уголовного, административного, гражданского либо арбитражного судопроизводства и вступившем в законную силу судебном акте (ст. 90 УПК РФ). При правильном использовании, исключая стремление правоприменителя к уклонению от надлежащего исполнения обязанностей, этот ресурс также представляется весьма эффективным – он способствует процессуальной экономии, сокращению сроков уголовного судопроизводства, продуктивности дознавательской, следственной, прокурорской и судебной практики, усилению правовой определенности, достижению иных общественно полезных целей [15, с. 479–480].

В ряде публикаций перечень формальных средств уголовно-процессуального доказывания вполне справедливо дополняется другими аргументационными ресурсами. Так, в работах А. В. Смирнова помимо презумпций и преюдиций в качестве таковых рассматриваются: а) ноторные факты (от лат. *nota* – «буква») – сведения, вытекающие из общедоступных источников: справочников, календаря, и т. п.; б) юридические фикции – факты, схожие по правовой природе с презумпциями, но отличающиеся от них принципиальной невозможностью опровержения; в) доказательственные субституции – особые правовые конструкции, предполагающие замену одного юридического факта другим [14, с. 210, 220, 226].

Итак, попадая в распоряжение дознавателя, следователя, прокурора, суда, невластных участников уголовного судопроизводства, «следовые» (доказательства) и «неследовые» (формальные) средства уголовно-процессуального доказывания в своей совокупности подлежат умственной обработке, становятся объектами мыслительных операций либо используются сторонами для устного или письменного обоснования своих позиций, то есть превращаются в соответствующие аргументационные ресурсы – в классические логические аргументы, доводы, силлогистические посылки. На данное обстоятельство уже неоднократно обращалось внимание в научных публикациях, по-

священных содержанию и логическим основам процесса доказывания. В частности, оценка доказательств рассматривалась как совокупность логических операций, предполагающих осмысление простейших понятий, формирование суждений и построение на их основе умозаключений [6, с. 126; 16, с. 123; 17, с. 50]. Однако к аргументационным ресурсам, подпитывающим логику доказывания, ученые, как правило, относили и продолжают относить лишь сами доказательства, то есть показания, экспертные заключения, документы и др. Например, таких взглядов придерживался один из самых известных специалистов в этой сфере – А. А. Эйсмана [18, с. 12]; схожие мнения высказывались и другими авторами.

В целом данные позиции не вызывают никаких возражений. Однако они представляются далеко не универсальными, не охватывающими всех нюансов, проводимых субъектами доказывания умственных операций, не отражающими всего множества доводов, аргументов, силлогистических посылок, используемых при обосновании правоприменительных решений или позиций сторон. По сути, они в очередной раз касаются лишь одной, хотя и наиболее известной группы аргументационных ресурсов – самих доказательств. По крайней мере, эти позиции не учитывают рассмотренных выше формальных средств доказывания: презумпций, преюдиций, ноторных фактов и т. д. Хотя, справедливости ради, подобное упущение с учетом времени выхода в свет большинства соответствующих публикаций, в том числе работ А. А. Эйсмана, не представляется таким уж серьезным – в конце концов, в указанный период законодателя и научную доктрину вообще несильно заботили формальные средства доказывания, в частности, ныне легализованные презумпция невиновности и преюдиция даже не входили в сферу уголовно-процессуального регулирования.

Гораздо хуже другое – то, что в подавляющем большинстве работ практически не уделяется внимания принципиально иным, как бы субъективным «внутренним», ресурсам, также играющим весьма важную, если даже не ключевую роль при построении умозаключений, формулировании соответствующих позиций и, как следствие, обосновании правоприменительных решений. Ведь и сами доказательства, и подавляющее большинство формальных средств доказывания характеризуются «внешним» источником происхождения, то есть поступают к соответствующему субъекту извне, посредством умелого использования способностей познания объективной реальности, обеспечивающего возможность накопления соответствующих сведений. Например, как уже отмечалось выше, доказательства обязаны своим возникновением непосредственному или опосредованному (производному) процессуальному взаимодействию дознавателя, следователя, суда с материальными либо идеальными «следами преступления». Работа с формальными средствами доказывания, как правило, тоже (хотя и не всегда!)

сопряжена с изучением каких-либо внешних источников – преюдициальных судебных актов, календарей, справочников и т. д.

Вместе с тем для надлежащего проведения умственных операций, построения умозаключений, формулирования соответствующих позиций, обоснования приговоров и прочих правоприменительных актов одних только «внешних» аргументационных ресурсов явно недостаточно. Помимо них необходимы и принципиально другие доводы, аргументы, силлогистические посылки – ресурсы предполагающие субъективный источник происхождения, предопределенные взаимодействием субъекта доказывания с собственным «Я», его обращением, к «внутреннему голосу», то есть к своим знаниям, право- и жизнепониманию, опыту, другим позитивным свойствами личности, позволяющим правильно обработать накопленные сведения, оценить относимость, допустимость и достоверность каждого из них в отдельности, а также их совокупную достаточность, на основании которой сформулировать определенную правовую позицию и (или) принять определенное процессуальное решение.

Формирование судейского убеждения, писал известный ученый-процессуалист Ю. М. Грошевой, – это не просто результат влияния совокупности доказательств на сознание судьи. Не соглашаясь со своими коллегами, он совершенно справедливо отрицал возможность примитивного понимания такого убеждения – как простого впечатления от исследованных доказательств. Одновременно автор обращал внимание на зависимость принимаемых решений от уровня правосознания судей, их ценностных ориентиров, психологических особенностей личности и других внутренних факторов [19, с. 24–25]. Схожую позицию ранее занимали дореволюционные процессуалисты В. Д. Спасович и И. Я. Фойницкий. Первый говорил о двух основных источниках судейского познания: опыте и разуме [20, с. 6], а второй – об обусловленности доводов и аргументов (в терминологии тех лет – больших посылок) наличным запасом опыта и приобретенными знаниями [21, с. 194].

Вообще подобные субъективные ресурсы в той или иной степени присущи каждому разумному человеку (*homo sapiens*), хотя их качество и содержание сугубо индивидуальны, поскольку зависят от целого ряда факторов, сопутствующих формированию и развитию личности. Именно такие ресурсы создают условия и ориентиры для рационального мышления как одной из высших психических функций, отличающих людей от иных представителей земной фауны, в частности от человекообразных приматов, кстати, тоже вполне способных к «техническому» восприятию внешних источников информации. Будучи накопленными посредством процессуальных действий либо иных способов познания объективной реальности, «следовые» (доказательства) и формальные средства доказывания соотносятся в сознании субъекта доказывания с «внутренними» аргументацион-

ными ресурсами, вступают с ними в своеобразную мыслительную реакцию, в логическое взаимодействие, в результате чего выстраиваются умозаключения и формулируются позиции, составляющие основу процессуальных решений либо подлежащие доведению сторонами до правоприменителей в целях оказания влияния на принятие таких решений.

Весьма примечательно, что на использовании в доказывании подобных субъективных ресурсов настаивает и законодатель, прямо предписывая судьям, присяжным заседателям, прокурорам, следователям и дознавателям формировать свое внутреннее убеждение на основе совокупности всех имеющихся в уголовном деле доказательств и руководствоваться при этом именно законом и совестью (ст. 17 УПК РФ). По всей вероятности, под знанием закона (читай – надлежащим уровнем юридической грамотности) и совестью в данном случае как раз и понимаются субъективные средства, подлежащие использованию в ходе обоснования правоприменительных решений.

Хотя справедливости ради все же следует обратить внимание на некоторую неразумность и ограниченность такого нормативного предписания, не учитывающего всех полезных качеств и свойств личности, влияющих на внутреннее убеждение правоприменителя как на основной инструмент оценки средств доказывания. В частности, нельзя поддержать законодателя в стремлении сделать упор именно на совесть дознавателя, следователя, прокурора, судьи, то есть на чувство их нравственной ответственности за свое поведение. Скорее стоит согласиться с Ю. К. Орловым, утверждавшим о неприемлемости полного исключения из числа инструментов оценки доказательств ранее предусмотренного законом правосознания (ст. 71 УПК РСФСР 1960 г.). Предлагая компромиссный вариант решения возникшей проблемы, предполагающий нормативное закрепление обоих субъективных ресурсов – и совести, и правосознания, – автор совершенно справедливо писал об оценке доказательств как о весьма далекой от нравственности логической деятельности, прежде всего опирающейся на надлежащее понимание закона [6, с. 124–125]. В этой связи представляется, что если совесть и оказывает решающее влияние на содержание правоприменительных решений, то лишь в части работы присяжных заседателей – судей факта, непрофессиональных субъектов доказывания, во многом прислушивающихся именно к своему опыту, жизнепониманию и нравственным установкам. Тогда как судьям, прокурорам, следователям, дознавателям помимо совести надлежит обращаться и к другим внутренним ресурсам, в первую очередь предопределенным наличием высшего юридического образования.

Ю. М. Грошевой в свое время писал о четырех подобных инструментах, содействующих служителям уголовной юстиции в формировании субъективных убеждений и принятии законных, обоснованных и справедливых процессуальных решений.

К таковым автор относил: а) идейно-политические и нравственные ориентиры судьи; б) его интеллектуальные и морально-волевые качества; в) степень его профессионального правосознания; г) степень его профессионального мастерства [19, с. 25–26]. Ввиду вполне понятных причин, обусловленных современными социально-политическими стандартами российской государственности, такую позицию вряд ли можно признать совершенно верной, не подлежащей адаптации к нынешним реалиям развития уголовной юстиции. Вместе с тем сама идея, увязывающая доброкачественность правоприменительных решений с целым рядом полезных свойств и качеств личности, заслуживает безусловной поддержки.

Итак, с учетом всего вышеизложенного субъективными средствами уголовно-процессуального доказывания можно признать следующие полезные ресурсы, подлежащие использованию в ходе умственной обработки накопленных сведений, имеющих прямое либо косвенное отношение к уголовному делу:

а) глубокие юридические познания, то есть знания законодательства, подзаконных нормативных правовых актов, интерпретационных разъяснений Пленума Верховного Суда, решений Конституционного Суда РФ и правоприменительной практики, которые приобретаются в ходе профильной подготовки будущих дознавателей, следователей, прокуроров, судей, адвокатов, а также их дальнейшего профессионального развития, в частности систематического самообразования и периодического повышения квалификации. Посредством использования подобных ресурсов обеспечивается возможность надлежащей оценки «внешних» средств доказывания, правильной квалификации доказанных юридических фактов и формулирования соответствующих выводов (позиций), подлежащих отражению в правоприменительных актах и иных процессуальных документах. Кроме того, эти же познания способствуют надлежащему распоряжению формальным потенциалом писанных и неписанных юридических презумпций;

б) общеизвестные, в том числе обыденные знания, предполагающие определенную эрудированность субъекта доказывания в сугубо бытовых и тому подобных нюансах окружающей реальности, достигаемую в ходе развития и социализации человека – посредством среднего и дополнительного образования, семейного и общественного воспитания, посещения учреждений культуры, чтения, получения различных сведений из средств массовой информации и т. д.;

в) качества, формируемые и вырабатываемые в результате надлежащего правового воспитания юриста, в частности правовую культуру, правосознание, правопонимание, чувство профессиональной ответственности, правовую нравственность и совесть;

г) профессиональный и жизненный опыт – полезные ресурсы, обуславливающие так называ-

емый здравый смысл, влияющий на выбор наиболее рациональной и разумной позиции в сложившейся ситуации.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного под средствами уголовно-процессуального доказывания надлежит понимать прямо предусмотренные законом либо вытекающие из его смысла, предрасположенные к использованию в качестве логических аргументов, доводов, силлогистических посылок полезные ресурсы, позволяющие дознавателю, следователю, суду устанавливать имеющие значение для уголовного дела обстоятельства и обосновывать правоприменительные решения, а сторонам – пытаться влиять на характер и содержание таких решений. Тогда как различные познавательные-удостоверительные действия, осуществляемые в целях накопления доказательственной информации, а также приемы, позволяющие сторонам доводить свои позиции до субъектов правоприменения, намного правильнее называть не средствами, а способами доказывания.

При этом в качестве средств доказывания могут использоваться:

а) сами доказательства – прямо предусмотренные ч. 2 ст. 74 УПК РФ информационные продукты, предопределенные «следами преступления», то есть возникающими ввиду способности материи к отражению следами-отображениями (следами в широком смысле) – материальными или идеальными объектами ретроспективного познания, появляющимися и изменяющимися под воздействием различных фрагментов объективной реальности: как юридических фактов, непосредственно

входящих в предмет доказывания, так и связанных с ними предшествующих, сопутствующих либо последующих обстоятельств;

б) формальные средства доказывания: презумпции, преюдициальные, общеизвестные и ноторные факты, юридические фикции, доказательственные субституции.

в) субъективные средства уголовно-процессуального доказывания: общеизвестные и юридические познания, правосознание, правопонимание, правовая культура, чувство профессиональной ответственности, нравственность, совесть, профессиональный и жизненный опыт.

И наконец, в завершение необходимо обратить внимание, что в современных условиях существуют объективные предпосылки для выделения еще одной, особой группы полезных ресурсов – так называемых справочно-вспомогательных средств доказывания, то есть «внешних» сведений, восполняющих пробелы в собственном понимании субъектами доказывания различных обстоятельств, попавших в предмет исследования по конкретному уголовному делу. На сегодняшний день эти проблемы уже получили некоторое освещение в научных публикациях, в частности были затронуты в недавно защищенной под руководством автора настоящей статьи кандидатской диссертации Н. С. Расуловой [13, с. 34–41]. В связи с этим хочется выразить надежду на продолжение изысканий в данном направлении и научное признание указанных ресурсов, которое позволит им занять достойное место в общей системе средств уголовно-процессуального доказывания.

Библиографический список

1. Фаткуллин Ф. Н. Общие проблемы процессуального доказывания. 2-е изд. Казань: Казанский госуниверситет, 1976. 206 с. URL: https://libweb.kpfu.ru/z3950/full_fond/law/knigi/fatkulin_o_p/fatkulin_o_p.pdf.
2. Горский Г. Ф., Кокорев Л. Д., Элькинд П. С. Проблемы доказательств в советском уголовном процессе. Воронеж: Воронежский госуниверситет, 1978. 303 с.
3. Зинатуллин З. З., Егорова Т. З., Зинатуллин Т. З. Уголовно-процессуальное доказывание: концептуальные основы. Ижевск: Детектив-Информ, 2002. 228 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19997344>. EDN: <https://elibrary.ru/qvprqsqsd>.
4. Грудинин И. А. Средства доказывания в уголовном судопроизводстве: система, содержание, гносеологические аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2012. 26 с. URL: https://new-dissert.ru/_avtoreferats/01005490206.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=30365284>. EDN: <https://elibrary.ru/zomopj>.
5. Россинский С. Б. Доказывание по уголовному делу: познание или обоснование? // Законы России: опыт, анализ, практика. 2020. № 5. С. 80–87. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43127357>. EDN: <https://elibrary.ru/ylxndw>.
6. Орлов Ю. К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. Москва: Юристъ, 2009. 174 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19781240>. EDN: <https://elibrary.ru/qqrwxmf>.
7. Стельмах В. Ю. Система средств доказывания в досудебных стадиях уголовного процесса: проблемы теории, нормативного регулирования и практики: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2021. 522 с. URL: <https://www.dissertcat.com/content/sistema-sredstv-dokazyvaniya-v-dosudebnykh-stadiyakh-ugolovno-go-protsessa-problemy-teorii>.
8. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. Москва: Наука, 1968. 470 с. URL: http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf.
9. Галкин В. М. Средства доказывания в уголовном процессе. Ч. 1. Москва: ЦНИИСЭ, 1967. 50 с.
10. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. Москва: Юрид. лит., 1973. 736 с. URL: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=96>.

11. Карнеева Л. М. Доказательства и доказывание при производстве расследования. Горький: Горьковская высшая школа МВД СССР, 1977. 44 с.
12. Зажицкий В. И. Доказательства и доказывание по УПК РФ. Санкт-Петербург: Юридический центр – Пресс, 2015. 439 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25759970>. EDN: <https://elibrary.ru/vrsiqf>.
13. Расулова Н. С. Заключение специалиста как средство доказывания в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Академия управления МВД России, 2022. 237 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/zaklyuchenie-spetsialista-kak-sredstvo-dokazyvaniya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve>.
14. Смирнов А. В. Формальные средства доказывания в уголовном праве и процессе. Москва: Норма, 2019. 240 с. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/p/upp/upp7-7.htm>.
15. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. Москва: Статут, 2016. 1276 с. URL: <https://be5.biz/pravo/u010/index.html>.
16. Ларин А. М. Доказывание на предварительном следствии в советском уголовном процессе: дис. ... канд. юрид. наук. Москва: Всесоюзный институт по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности Прокуратуры СССР, 1961. 347 с.
17. Мухин И. И. Важнейшие проблемы оценки судебных доказательств в уголовном и гражданском судопроизводстве. Ленинград: Ленинградский госуниверситет, 1974. 108 с.
18. Эйсман А. А. Логика доказывания. Москва: Юрид. лит., 1971. 110 с. URL: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=18>.
19. Грошевой Ю. М. Проблемы формирования судебного убеждения в уголовном судопроизводстве. Харьков: Вища школа, 1975. 144 с.
20. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. Москва: ЛексЭст, 2001. 93 с. URL: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=78>.
21. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2 / под ред. А. В. Смирнова. Санкт-Петербург: Альфа, 1996. 607 с. URL: <http://kalinovsky-k.narod.ru/b/foinitsky/t-2>.

References

1. Fatkullin F. N. *Obshchie problemy protsessual'nogo dokazyvaniya. 2-e izd.* [General problems of procedural proof. 2nd edition]. Kazan: Kazanskii gosuniversitet, 1976, 206 p. Available at: https://libweb.kpfu.ru/z3950/full_fond/law/knigi/fatkulin_o_p/fatkulin_o_p.pdf [in Russian].
2. Gorskiy G. F., Kokorev L. D., Elkind P. S. *Problemy dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse* [Problems of evidence in the Soviet criminal process]. Voronezh: Voronezhskii gosuniversitet, 1978, 303 p. [in Russian].
3. Zinatullin Z. Z., Egorova T. Z., Zinatullin T. Z. *Ugolovno-protsessual'noe dokazyvanie: kontseptual'nye osnovy* [Criminal procedural evidence: conceptual foundations]. Izhevsk: Detektiv-Inform, 2002, 228 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19997344>. EDN: <https://elibrary.ru/qvpsqd> [in Russian].
4. Grudin I. A. *Sredstva dokazyvaniya v ugolovnom sudoproizvodstve: sistema, sodержание, gnoseologicheskie aspekty: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Means of proof in criminal proceedings: system, content, epistemological aspects: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Yekaterinburg: Ural'skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya, 2012, 26 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01005490206.pdf; <https://elibrary.ru/item.asp?id=30365284>. EDN: <https://elibrary.ru/zomopj> [in Russian].
5. Rossinskiy S. B. *Dokazyvanie po ugolovnomu delu: poznanie ili obosnovanie?* [Evidence in a criminal case: cognition or justification?]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika*, 2020, no. 5, pp. 80–87. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43127357>. EDN: <https://elibrary.ru/ylxndw> [in Russian].
6. Orlov Yu. K. *Problemy teorii dokazatel'stv v ugolovnom protsesse* [Problems of the theory of evidence in criminal proceedings]. Moscow: Yurist, 2009, 174 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=19781240>. EDN: <https://elibrary.ru/qqrxf> [in Russian].
7. Stelmakh V. Yu. *Sistema sredstv dokazyvaniya v dosudebnykh stadiyakh ugolovnogo protsessa: problemy teorii, normativnogo regulirovaniya i praktiki: dis. ... d-ra yurid. nauk* [System of means of proof in the pre-trial stages of the criminal process: issues of theory, regulation and practice: Doctoral of Laws thesis]. Yekaterinburg: Ural'skii yuridicheskii institut MVD Rossii, 2021, 522 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/sistema-sredstv-dokazyvaniya-v-dosudebnykh-stadiyakh-ugolovnogo-protsessa-problemy-teorii> [in Russian].
8. Strogovich M. S. *Kurs sovetskogo ugolovnogo protsessa. T. 1* [Course of Soviet Criminal process. Vol. 1]. Moscow: Nauka, 1968, 470 p. Available at: http://kalinovsky-k.narod.ru/b/strogovich/Strogovich_1.pdf [in Russian].
9. Galkin V. M. *Sredstva dokazyvaniya v ugolovnom protsesse. Ch. 1* [Means of evidence in the criminal process. Part 1]. Moscow: TsNIIE, 1967, 50 p. [in Russian].
10. *Teoriya dokazatel'stv v sovetskom ugolovnom protsesse. Otv. red. N. V. Zhogin* [Zhogin N. V. (Ed.) Theory of evidence in Soviet criminal process]. Moscow: Yurid. lit., 1973, 736 p. Available at: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=96> [in Russian].
11. Karneeva L. M. *Dokazatel'sta i dokazyvanie pri proizvodstve rassledovaniya* [Evidences and proving in the course of an investigation]. Gorky: Gor'kovskaya vysshaya shkola MVD SSSR, 1977, 44 p. [in Russian].

12. Zazhitskiy V. I. *Dokazatel'stva i dokazyvanie po UPK RF* [Evidence and proof under the Criminal Procedure Code of the Russian Federation]. Saint Petersburg: Yuridicheskii tsentr – Press, 2015, 439 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=25759970>. EDN: <https://elibrary.ru/vrsiq> [in Russian].
13. Rasulova N. S. *Zaklyuchenie spetsialista kak sredstvo dokazyvaniya v уголовном судопроизводстве: dis. ... kand. yurid. nauk* [Conclusion of a specialist as a means of proof in criminal proceedings: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow: Akademiya upravleniya MVD Rossii, 2022, 237 p. Available at: <https://www.dissercat.com/content/zaklyuchenie-spetsialista-kak-sredstvo-dokazyvaniya-v-ugolovnom-sudoproizvodstve> [in Russian].
14. Smirnov A. V. *Formal'nye sredstva dokazyvaniya v уголовном праве i protsesse* [Formal means of proof in criminal law and procedure]. Moscow: Norma, 2019, 240 p. Available at: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/p/upp/upp7-7.htm> [in Russian].
15. *Kurs ugolovnogo protsessa. Pod red. L. V. Golovko* [Golovko L. V. (Ed.) Course of criminal process]. Moscow: Statut, 2016, 1276 p. Available at: <https://be5.biz/pravo/u010/index.html>. [in Russian].
16. Larin A. M. *Dokazyvanie na predvaritel'nom sledstvii v sovetskom уголовном protsesse: dis. ... kand. yurid. nauk* [Evidence at the preliminary investigation in the Soviet criminal process: Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow: Vsesoyuznyi institut po izucheniyu prichin i razrabotke mer preduprezhdeniya prestupnosti Prokuratury SSSR, 1961, 347 p. [in Russian].
17. Mukhin I. I. *Vazhneishie problemy otsenki sudebnykh dokazatel'stv v уголовном i grazhdanskom судопроизводстве* [The most important problems of assessing forensic evidence in criminal and civil proceedings]. Leningrad: Leningradskii gosuniversitet, 1974, 108 p. [in Russian].
18. Eisman A. A. *Logika dokazyvaniya* [Logic of proof]. Moscow: Yurid. lit., 1971, 110 p. Available at: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=18> [in Russian].
19. Groshevoy Yu. M. *Problemy formirovaniya sudeiskogo ubezhdeniya v уголовном судопроизводстве* [Problems of formation of judicial persuasion in criminal proceedings]. Kharkov: Vishcha shkola, 1975, 144 p. [in Russian].
20. Spasovich V. D. *O teorii sudebno-ugolovnykh dokazatel'stv v svyazi s sudoustroistvom i судопроизводством* [On the theory of forensic criminal evidence in connection with the judiciary and legal proceedings]. Moscow: LeksEst, 2001, 93 p. Available at: <http://biblio.crimlib.info/www/showBook.php?id=78> [in Russian].
21. Foinitskiy I. Ya. *Kurs ugolovnogo судопроизводства. T.2. Pod red. A. V. Smirnova* [Course of criminal justice. Vol. 2; Smirnov A. V. (Ed.)]. Saint Petersburg: Al'fa, 1996, 607 p. Available at: <http://kalinovskiy-k.narod.ru/b/foinitskiy/t-2> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.132

Дата поступления: 05.01.2023
рецензирования: 08.02.2023
принятия: 28.02.2023

Привлечение специалиста в современной адвокатской практике по уголовным делам

А. А. Тарасов

Уфимский университет науки и технологий, г. Уфа, Российская Федерация;
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: aatar@mail.ru

Аннотация. Совершенствование нормативно-правовых основ привлечения специалиста к участию в производстве по уголовным делам по инициативе стороны защиты и иных участников процесса, не обладающих властными полномочиями, обоснованно рассматривается в теории и на практике как расширение состязательных начал в процедурах использования специальных знаний. Вместе с тем наблюдающийся в современной адвокатской практике заметный перекос в сторону использования заключений и показаний специалиста в интересах доверителей в ущерб адвокатской активности в официальных процедурах назначения и производства судебных экспертиз нельзя признать оправданным. Обращение к помощи специалиста – это не равноценная замена участию в судебно-экспертной деятельности по уголовным делам, а скорее мера вынужденная, когда попытки адвоката участвовать в назначении и производстве экспертиз были невозможны, либо предпринимались, но не удались.

Ключевые слова: уголовный процесс; уголовное судопроизводство; доказывание по уголовным делам; специальные знания; судебно-экспертная деятельность по уголовным делам; эксперт; специалист; назначение судебной экспертизы; заключение и показания эксперта; заключение и показания специалиста.

Цитирование. Тарасов А. А. Привлечение специалиста в современной адвокатской практике по уголовным делам // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 46–53. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-46-53>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Тарасов А. А., 2023

Александр Алексеевич Тарасов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Институт права, Уфимский университет науки и технологий, 450076, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, 32; профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Юридический институт, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 05.01.2023
Revised: 08.02.2023
Accepted: 28.02.2023

Involvement of a specialist in modern criminal law practice

A. A. Tarasov

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russian Federation;
Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: aatar@mail.ru

Abstract: The improvement of regulatory framework for attracting a specialist to participate in criminal proceedings on the initiative of the defense and other participants in the process who do not have authority is reasonably considered in theory and in practice as an extension of the adversarial principles in the procedures for the use of special knowledge. At the same time, the noticeable bias observed in modern law practice towards the use of expert opinions and testimony in the interests of principals to the detriment of lawyer activity in official procedures for the appointment and production of forensic examinations cannot be considered justified. Seeking the help of a specialist is not an equivalent substitute for participation in forensic expert activities in criminal cases, but rather a forced measure when attempts by a lawyer to participate in the appointment and production of examinations were impossible, or were undertaken, but failed.

Key words: criminal procedure; criminal proceedings; proving in criminal cases; special knowledge; forensic expert activity in criminal cases; expert; specialist; appointment of forensic examination; expert opinion and testimony; specialist opinion and testimony.

Citation. Tarasov A. A. *Privlechenie spetsialista v sovremennoi advokatskoi praktike po ugovolnym delam* [Involvement of a specialist in modern criminal law practice]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 1, pp. 46–53. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-46-53> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Tarasov A. A., 2023

Alexander A. Tarasov – Doctor of Laws, professor, head of the Department of Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Ufa University of Science and Technology, 32, Zaki Validi Street, Ufa, Republic of Bashkortostan, 450076, Russian Federation; professor of the Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Institute of Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Появление в июле 2003 года в действующем уголовно-процессуальном законе дополнительного пункта 3.1 «заключение и показания специалиста», расширившего перечень доказательств по уголовному делу, с самого начала было воспринято и в науке, и в адвокатском сообществе исключительно позитивно – как расширение возможностей стороны защиты в доказывании обстоятельств дела, требующем специальных знаний. Это новое тогда доказательство было воспринято как возможность преодоления фактической монополии стороны обвинения в судебно-экспертной деятельности по уголовным делам. Отныне специалист перестал быть только «научно-техническим помощником следователя», как он безоговорочно воспринимался в советские годы [1, с. 74], а его профессиональное мнение получило доказательственное значение. Основания для позитивного восприятия этого нового института были с самого начала, во многом они сохраняют свою актуальность и в настоящее время, хотя практика внесла свои коррективы в его применение. Заключение и показания специалиста стали достаточно широко использоваться следователями и дознавателями, а возможность проведения специалистами исследований, первоначально бывшая предметом острых научных дискуссий [2, с. 115–117], теперь уже воспринимается как обыденность [3, с. 167]. И то и другое постепенно получило отражение в законе (ч. 1 ст. 144, п. 3 ч. 3 ст. 226.5 УПК РФ).

Адвокатская практика отреагировала на законодательное закрепление «заключений и показаний специалиста» мгновенно: задолго до июля 2003 года адвокаты-защитники и представители добивались приобщения к уголовным делам разного рода «консультационных заключений», «консультаций специалиста», «рецензий на заключения экспертов» и т. п. Теперь надобность в таких ухищрениях отпала, и постепенно обнаружился весьма заметный крен в сторону использования заключений специалистов в ущерб адвокатской активности в официальных процедурах назначения и производства судебных экспертиз. То, что раньше использовалось как вынужденный способ решения правозащитных задач, как ответ на необоснованное отстранение главным образом стороны защиты от судебно-экспертной деятельности, результаты которой прямо затрагивали интересы доверителей (подозреваемых, обвиняемых и «свидетелей», в отношении которых фактически собирались доказательства виновности в совершении преступления).

Полностью или почти полностью делая выбор средств и способов защиты в пользу обращения к услугам специалистов, адвокаты обычно, иногда,

на наш взгляд, просто «по инерции» ссылаются на негативное в целом отношение должностных лиц, представляющих сторону обвинения, к любым проявлениям адвокатской активности при назначении и производстве экспертиз. Эти ссылки не лишены оснований. Однако, во-первых, нередко они делаются даже без предварительных попыток эту активность проявить, а во-вторых, без должного понимания того, что перевес в сторону «заключений и показаний специалистов» по сути представляет собой подмену надежных процессуальных форм защиты представляемого правового интереса суррогатными.

Попытаемся доказать, что эффективность адвокатской деятельности в процедурах использования специальных знаний в уголовном процессе прямо зависит от понимания системности имеющихся в распоряжении адвокатов процедурных средств проявления процессуальной активности и способности адаптировать эти средства к особенностям конкретных процессуальных правоотношений и решаемых в данный момент правозащитных задач. При таком подходе неразумно отделять взаимодействие адвоката со специалистом от активности этого же адвоката в процедурах судебно-экспертной деятельности. Привлечение адвокатом специалиста к участию в уголовном деле только тогда способно дать позитивные результаты, когда с помощью его «заключений и показаний» или «разъяснений вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию», не пытаются «перебить» заключение эксперта, а получают сведения, необходимые для оценки всех доказательств по делу, в том числе и заключений экспертов. Общая схема правоотношений при использовании специальных знаний и эксперта, и специалиста традиционна – это система корреспондирующих друг другу прав, обязанностей и принудительных мер. Знание всех этих составляющих конкретных процедур и приспособление к ним адвокатских ходатайств и жалоб может решить проблему состязательности в процедурах использования специальных знаний, чем автор многократно пользовался в собственной адвокатской практике.

Прежде чем обратиться к анализу конкретных форм адвокатской активности, заметим, что представления о возможности «параллельного адвокатского расследования» [4, с. 122], равно как и об универсальности принципа состязательности как для судебного, так и для досудебного производства, не способствуют решению реальных проблем эффективной адвокатской защиты в любой континентально-европейской правовой системе. Напротив, подобные представления уводят в сторону от создания и использования специальных компенсацион-

ных механизмов, способных сгладить процессуальное неравенство сторон. В последние годы анализ таких механизмов привлекает все большее внимание в научных исследованиях [5; 6, с. 213].

В числе имитаций состязательных начал в использовании специальных знаний в доказывании, как полагаем, можно назвать нормативно-правовую регламентацию привлечения специалиста к участию в следственных действиях по инициативе стороны защиты. Среди так называемых «полномочий защитника»¹ (ст. 53 УПК РФ) прямо названо его право «привлекать специалиста в соответствии со ст. 58 настоящего Кодекса», что, на первый взгляд, способно создать иллюзию, будто бы сам защитник может привлечь специалиста к участию в процессуальных (в первую очередь – следственных) действиях, которых он сам, как известно, не производит и ответственности за законность которых не несет. На деле это совсем не так. Право привлекать любого участника следственного действия – это полномочие властвующего субъекта, указанного в протоколе в качестве лица, его производящего. Это касается и специалиста, в отношении привлечения которого применяются совокупные правила ст. 58, 71, 164 и 168 УПК РФ. Эти правила не оставляют сомнений в том, что так называемое «право привлекать специалиста» применительно к защитнику трансформируется в «право заявить ходатайство» об этом, которое, как верно отмечалось в литературе, вовсе не обязательно для удовлетворения следователем [7, с. 46; 8, с. 101] (здесь и далее подразумевается также и дознаватель, в производстве которого находится уголовное дело). И едва ли эту ситуацию целесообразно менять, особенно если представить, что в каком-то следственном действии участвуют несколько лиц с несовпадающими интересами, каждый из которых будет требовать привлечения «своего» сведущего лица. В более поздней литературе право не только стороны защиты, но и потерпевшего и его представителя, участвующих в производстве следственного действия, заявить ходатайство о привлечении специалиста к участию в этом же следственном действии предлагается специально закрепить в законе, однако по-прежнему без прямо предписанной обязанности следователя это ходатайство удовлетворить [9, с. 66].

Законодательные решения, направленные на ограничение властного усмотрения в отношении ходатайств подобного рода, не выглядят радикальными. Часть 2.1 ст. 58 УПК, введенная в 2017 году, обеспечивает такое ограничение весьма условно: «Стороне защиты не может быть отказано в

удовлетворении ходатайства о привлечении к участию в производстве по уголовному делу в порядке, установленном настоящим Кодексом, специалиста для разъяснения вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, за исключением случаев, предусмотренных ст. 71 УПК РФ». В приведенной норме нет привязки к конкретному процессуальному действию, а сказано о производстве по уголовному делу вообще, то есть, не допуская специалиста к участию, например, в производстве обыска, следователь может разъяснить защитнику, что он имеет право ходатайствовать о допросе специалиста, получать его заключение с последующим заявлением ходатайства о приобщении его к материалам дела, наконец, вызвать этого специалиста в суд. Во всех этих случаях нельзя будет сказать, что следователь отказал стороне защиты в ходатайстве о привлечении специалиста к участию в уголовном судопроизводстве. И едва ли это будет неправильно по существу. Свобода властного усмотрения в определении порядка производства того действия, за которое отвечает данное должностное лицо, – это необходимая часть собственно властных полномочий и персональной ответственности следователя за судьбу уголовного дела и за обеспечение реализации прав всех его участников. Как бы внешне привлекательно ни выглядела идея приглашения нескольких носителей специальных знаний к участию в одном процессуальном действии с точки зрения обеспечения равной защиты несовпадающих процессуальных интересов, ее практическая реализация грозит превращением этого следственного действия в профессиональную дискуссию между несколькими сведущими лицами, причем нередко по вопросам, не имеющим отношения ни к данному процессуальному действию, ни даже к данному уголовному делу. У автора есть опыт участия в рассмотрении гражданского дела, когда подобная дискуссия развернулась между четырьмя специалистами, приглашенными обеими сторонами, вне предмета иска, приобрела крайне напряженные формы, с взаимными обвинениями в некомпетентности, граничащими с личными оскорблениями. Судья была вынуждена прервать эту дискуссию как не имеющую отношения к данному делу.

Вопрос о заключении специалиста и об использовании его в правозащитных целях – один из самых спорных и сложных в контексте анализируемой проблематики. Радикальные сомнения в целесообразности законодательного обозначения такого доказательства, которое по первоначальному предположению мало чем отличалось от «иногo документа», представляемого защитником, появились почти сразу же после введения в ч. 2 ст. 74 УПК РФ пункта 3.1 «заключение и показания специалиста» [8, с. 105]. Однако «оптимистов» среди адвокатов оказалось значительно больше, и практика использования заключений специалистов получила весьма широкое распространение.

С помощью заключений специалистов либо по тем же вопросам, которые были поставлены

¹ Термин «полномочия» в прямом смысле употребим только в отношении уполномоченных органов государства, и традиционно он всегда означал меру одновременно и должного, и возможного поведения властвующего субъекта – должностного лица, то есть одновременно и его право, и обязанность. У защитника все иначе в подавляющем большинстве случаев, поэтому он обладает вовсе не полномочиями, а правомочиями. Или просто правами и обязанностями.

перед экспертами, либо в виде аналитических документов типа «Рецензий на заключения экспертов», оформляемых тоже как указанное в законе «Заключение специалиста» (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), адвокаты как до июля 2003 года, так и после этого пытались и пытаются оспорить уже состоявшееся, но не устраивающее их заключение эксперта. Повторимся, что происходит это нередко после того, как по результатам ознакомления с постановлением следователя о назначении судебной экспертизы был просто подписан протокол и никакие ходатайства не заявлялись.

Положительный опыт использования заключений специалистов для опровержения выводов экспертов, описанный в литературе [10, с. 17–22] и выявляемый при изучении адвокатской практики в разных регионах России, способен помочь утвердиться в мысли о равноценности доказательств под названием «заключение эксперта» и «заключение специалиста». В самом деле, описанные опытным адвокатом, кандидатом юридических наук С. А. Соловьевым случаи выявления специалистом-почерковедом грубых ошибок в методике проведения исследований – например, описание совпадений в исполнении знаков при отсутствии этих знаков в сравниваемых образцах – это красноречивые сведения, дающие основания для критической оценки заключения эксперта. То же касается выявленных автором настоящей статьи случаев обнаружения специалистом пятикратно уменьшения количества исследуемых образцов почерка в сравнении с рекомендованными количествами в принятых для аналогичных объектов методиках. То же можно сказать и о случае выявления специалистом факта ошибочной констатации в заключении эксперта несуществующего перелома лучевой кости черепа при легко выявляемой очевидности того, что в прилагаемых к самому этому заключению эксперта рентгенограмме и компьютерной томограмме такой перелом отсутствует. Такие результаты, как правило, вдохновляют на расширение практики привлечения специалистов для оценки уже состоявшегося заключения экспертов. Это и неудивительно: если специалистом сформулированы профессиональные аргументы, которые нельзя игнорировать, то никакое должностное лицо, юридически ответственное за данное уголовное дело, руководствующееся интересами этого дела или хотя бы просто инстинктом самосохранения, не рискнет игнорировать эти аргументы. Трудно в такой ситуации продолжать настаивать в тексте приговора, например, на том, что перелом кости есть, хотя на самом деле его нет, а проверить это любому внешнему профессиональному наблюдателю не составляет труда.

Однако осмелимся утверждать, что случаи столь очевидных, легко выявляемых в судебном следствии с участием обеих сторон ошибок в заключениях экспертов – это все-таки скорее исключение, чем правило. Правилom же является то, что возможность проверить достоверность и обоснованность выводов эксперта можно лишь путем

новых (повторных или дополнительных) экспертных исследований. Права профессор В. А. Лазарева, утверждающая, что «доказательственное значение критики экспертного заключения со стороны других экспертов существенно отличается от ценности аналогичной критики, высказанной специалистом, не имеющим статуса эксперта» и далее «правовая регламентация статуса эксперта гарантирует полноту, объективность и непредвзятость его исследования и заключения» [11, с. 265].

Назначение повторных и дополнительных экспертиз в судебном заседании законодательно обусловлено невозможностью устранить неясности и противоречия в заключении эксперта, исследованном в судебном заседании, путем допроса эксперта с участием сторон (ст. 283 УПК РФ). Противоположные оценочные суждения специалиста по тем же вопросам, на которые ответил эксперт в своем заключении, сами по себе не дают оснований для переоценки заключения эксперта, каким бы именитым ни был специалист, сколь бы категоричными ни были отрицательные оценки этим специалистом работы экспертов в части использования рекомендованных методик экспертных исследований. Для современной практики случаи такого рода нередки: приглашенные адвокатами специалисты критикуют чужую работу, доказывая, что их уровень профессиональной квалификации выше, чем у экспертов.

Искреннее возмущение адвокатов, а вслед за ними и некоторых исследователей тем, что суды не прислушиваются к суждениям привлеченных ими специалистов, отдавая предпочтение выводам экспертов, нередко обусловлено ссылками адвокатов на внешние, формальные признаки якобы более высоких профессиональных кондиций. Среди таковых – ученые степени, ученые и почетные звания, принадлежность к известным научным и учебным учреждениям, сертификаты о дополнительном образовании или повышении квалификации, длительность стажа экспертной работы и т. д. Этот путь аргументации, на наш взгляд, – тупиковый и никакого интереса для профессионального анализа не представляет.

Профессиональный интерес представляет вопрос о заведомой ущербности заключения специалиста в сравнении с заключением эксперта. Появление в УПК РФ в 2003 году специальной нормы о заключениях и показаниях специалиста как об особом виде доказательств (п. 3.1 ч. 2 ст. 74 УПК РФ), попавшем в их перечень наравне с заключением и показаниями эксперта, создало иллюзию действительного равенства между этими двумя личными доказательствами по юридической силе. Формально это так, поскольку ни одно из доказательств не имеет заранее установленной силы (ст. 17 УПК РФ). Никем из исследователей не оспаривался тот факт, что этот новый вид доказательств изначально появился для обеспечения состязательности в процедурах использования специальных знаний, то есть как инструмент, прежде всего предназначенный для использования

стороной защиты. Однако более пристальный профессиональный анализ нового института доказательственного права позволил выявить некоторые детали, существенно отличающие его от заключений и показаний эксперта.

Обращаясь на договорной основе к специалисту, адвокат не может не учитывать, что материальная зависимость от стороны – это основание отвода как специалиста (ст. 71 УПК РФ), так и эксперта (ст. 70 УПК РФ). Только если официально назначенный эксперт получает материальное вознаграждение из обезличенного федерального бюджета, то привлеченный частным лицом специалист получает вознаграждение лично от него. Процедура получения заключения эксперта подробно урегулирована и предусматривает хотя бы потенциальную возможность участия противоположной стороны и контроля со стороны властвующего субъекта с удостоверением его личности, профессиональной компетентности и с предупреждением об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Процедура получения стороной заключения специалиста не урегулирована никак, а значит, и гарантий таких даже в потенции не содержит. Иными словами, формальные основания отвергнуть заключение специалиста, содержанием которого являются критика экспертного заключения и противоположные ответы на поставленные перед экспертом вопросы, будут всегда. Утверждения о недопустимости считать факт оплаты услуг специалиста доказательством его заинтересованности в исходе дела [12, с. 195], о чем даже предлагается сделать специальную оговорку в законе [9, с. 137–138], по самому большому счету верны. Однако, во-первых, они не ликвидируют названного выше основания отвода специалиста, а во-вторых, сами по себе не делают суждения этого специалиста более убедительными. Как уже отмечалось, отвергнуть трудно и неразумно только собственно профессиональные аргументы (констатация очевидно отсутствующего перелома, сравнение с образцом, которого нет, и т. п.) в критике специалистом заключения эксперта. Оценочные же суждения в заключении специалиста аргументированно отвергнуть при желании не составляет труда.

Возьмем на себя смелость утверждать, что ходатайство об официальном допросе специалиста, производимом следователем или в судебном заседании, – это более эффективное средство обеспечения состязательности процедур использования специальных знаний, нежели ходатайство о приобщении к делу «заключения специалиста» с ожиданием, что оно само по себе произведет ожидаемый ходатаем процессуальный эффект. Суждения специалиста, имеющие доказательственное значение, названы в уголовно-процессуальном законе «заключение и показания», как и в отношении эксперта. По содержанию они различаются применительно к обеим процессуальным фигурам, что формально определено в разных частях ст. 80 УПК РФ. Показания эксперта связаны с ранее данным

этим экспертом заключением и являются как бы составной частью этого заключения или его продолжением. Здесь внимание на заключении и показаниях эксперта намеренно не сосредотачивается. Показания специалиста – это его суждения, сообщенные им на официальном допросе с выяснением личности специалиста и его профессиональной квалификации, а также с предупреждением этого специалиста об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний в соответствии со ст. 307 УК РФ. Заключение специалиста – это письменный документ, полученный стороной вне процессуальных форм и вне контроля властвующего субъекта, а также без даже потенциальной возможности какого-либо участия противоположной стороны.

Отдельного внимания заслуживает вопрос об уголовной ответственности специалиста за заведомо ложные заключения или показания, который в отношении эксперта решен давно и однозначно: эксперт в случае заведомой лжи, что в заключениях, что в показаниях, несет уголовную ответственность. На появление 4 июля 2003 года в УПК РФ нормы о новом доказательстве – заключении и показаниях специалиста – уголовный закон отреагировал не сразу: словом «специалист» статья была дополнена спустя почти полгода – 8 декабря 2003 года. В литературе необходимость такого дополнения была отмечена сразу же после появления нового доказательства [13, с. 52], причем Л. Г. Татянина тогда прозрачно предложила именовать уголовно наказуемое деяние специалиста самой общей формулировкой «заведомо ложная информация специалиста», вероятно, имея в виду разные формы использования его специальных знаний в уголовно-процессуальных отношениях [13, с. 53]. Статья 307 УК РФ в редакции Федерального закона от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ содержит противоречие между ее названием и диспозицией. В названии («Заведомо ложные показания, заключение эксперта, специалиста или неправильный перевод») на равных основаниях предполагается уголовная ответственность специалиста за заведомо ложные *и* заключение, *и* показания, а в диспозиции части первой этой же статьи («Заведомо ложные показания свидетеля, потерпевшего либо заключение или показания эксперта, показания специалиста, а равно заведомо неправильный перевод в суде либо в ходе досудебного производства») – только за заведомо ложные показания [14, с. 109]. Заложил ли законодатель в это несоответствие какую-то глубокую мысль либо это была лишь редакционная неточность, сейчас остается только гадать. Как бы то ни было, но отсутствие в УК РФ нормы об уголовной ответственности специалиста за дачу заведомо ложного заключения в совокупности с отсутствием в УПК РФ специального указания на возможность такой ответственности и на предупреждение о ней как на юридическую гарантию достоверности этого доказательства С. П. Жданов, например, склонен считать одной из серьезных проблем практики участия специалиста в производстве по уголовным делам [9, с. 139].

Есть принципиальная разница в процедурном механизме разрешения ходатайства о допросе специалиста на предварительном расследовании и в судебном заседании. Как и любое другое ходатайство, ходатайство адвоката о допросе специалиста разрешается следователем или дознавателем на основе собственного усмотрения относительно того, имеют ли его показания значение для дела (ч. 2 ст. 159 УПК РФ). Вот здесь для обоснования ходатайства, а именно для подтверждения относимости показаний специалиста к обстоятельствам данного дела и значимости их для установления этих обстоятельств лучшую службу сослужит письменное заключение специалиста. Безотносительно к содержанию самих суждений специалиста в его заключении обоснованно отказать в удовлетворении ходатайства о его допросе следователю в таких случаях практически невозможно. Важно заметить, что ходатаю в этих допросах необходимо участвовать лично в соответствии с правилом п. 5 ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

Отказывать в допросах специалистов по ходатайству адвокатов-защитников следователям и дознавателям при действующем УПК РФ стало невыгодно еще по одной причине: в соответствии с ч. 4 ст. 271 УПК РФ ходатайство о допросе в качестве специалиста лица, явившегося в суд по инициативе стороны, подлежит удовлетворению независимо от мнения других участников судебного разбирательства и усмотрения самого суда. Эта норма в специальной литературе всегда рассматривалась как наиболее надежная гарантия состязательности в процедурах использования специальных знаний [7, с. 46], как компенсационный механизм процессуального неравенства сторон в досудебном производстве [6, с. 213]. Встречающиеся в судебной практике случаи иного толкования проверочными судебными инстанциями этой нормы² заслуживают самостоятельного научного анализа, но в целом воспринимаются нами как недоразумение и в контексте настоящей статьи не рассматриваются.

Положение ч. 4 ст. 271 УПК РФ открывает перед адвокатом дополнительные правозащитные возможности, особенно если к моменту начала судебного следствия он запасся подготовленным заранее заключением этого специалиста и заявил ходатайство об исследовании его в судебном за-

седании. Специалист, приглашенный в суд адвокатом, будет непременно допрошен об обстоятельствах, изложенных им в заключении. И ценность его показаний существенно возрастет после очень тщательного и подробного допроса эксперта с активным участием адвоката, привлечшего этого специалиста и осведомленного о содержании данного им заключения. Более того, последующий допрос специалиста в зависимости от обстоятельств дела, может быть, целесообразно проводить с участием ранее допрошенного эксперта с возможностью вновь вернуться к постановке вопросов перед ними обоими. Для такого допроса с элементами очной ставки в специфичных для судебного следствия условиях и с участием всех заинтересованных лиц и суда от адвоката потребуется дополнительное ходатайство перед судом о том, чтобы эксперт не покинул зал судебного заседания либо впоследствии был вызван повторно в конкретный момент. Такая процедура получения показаний обоих сведущих лиц в гласной и состязательной процедуре судебного разбирательства куда продуктивнее, чем монолог «заслуженного специалиста», пришедшего в суд, чтобы расставить оценки другим сведущим лицам, попытаться навязать суду собственное мнение как единственно правильное и тем самым отработать полученный гонорар. Описанная ситуация в современных судах не редкость, и такое участие специалистов способно принести только вред и правосудию, и интересам сторон в данном деле, и адвокатской репутации, которая, по большому счету, представляет наибольшую ценность для любого адвоката, поскольку рассчитана на долгосрочную перспективу.

Подводя итог сказанному, сформулируем главный вывод.

Развитие современной правоприменительной и правозащитной практики, появление новых сфер специальных знаний [15], активное внедрение цифровых технологий и связанная с этим частичная процедурная унификация разных отраслей правосудия [16, с. 160–161] предъявляют принципиально новые требования к уровню профессиональной подготовки и интеллектуального развития в целом ко всем практикующим юристам. В этих условиях обращение к специалистам, как правило, дорожающим своей профессиональной репутацией, – это очень ответственный элемент адвокатской деятельности, и прибегать к нему следует только в случае действительной необходимости и с полным пониманием всех последствий такого обращения.

² http://vkas.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srnum=1&name_op=doc&number=150655&delo_id=2450001&new=2450001&text_number=1 (дата обращения: 01.02.2023).

Библиографический список:

1. Шейфер С. А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. Москва: Юрид. лит., 1981. 128 с. URL: https://www.studmed.ru/view/sheyfer-sa-sledstvennye-deystviya-sistema-i-processualnaya-forma_87b4df0811c.html.
2. Принципы уголовного процесса: монография / под общ. ред. Г. С. Русман, С. М. Даровских. Москва: Проспект, 2022. 336 с. URL: <https://prior.studentlibrary.ru/ru/book/ISBN9785392362462.html>.
3. Дьяконова О. Г. Некоторые вопросы судебной экспертизы и их отражение в трудах С. А. Шейфера // Юридический вестник Самарского университета. 2019. Т. 5, № 4. С. 164–172. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-164-172>. EDN: <https://www.elibrary.ru/aovmdq>.

4. Лифанова М. В. Актуальные вопросы статуса защитника в уголовном судопроизводстве // Правовое государство: Теория и практика. 2022. № 1 (67). С. 116–129. DOI: <http://doi.org/10.33184/pravgos-2022.1.8>.
5. Соловьев С. А. Благоприятствование защите и дискреционные полномочия органа расследования при рассмотрении ходатайств защиты о дополнении материалов дела: теоретический и практический аспекты // III Московский юридический форум. Международная научно-практическая конференция, посвященная 95-летию профессора Полины Абрамовны Лупинской «Современные проблемы доказывания и принятия решений в уголовном процессе. Социальные технологии и правовые институты» (г. Москва, Университет имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 8 апреля 2016 г.): материалы конференции / отв. ред. С. Б. Россинский. Москва: Оригинал-макет, 2016. С. 440–443. URL: http://soslovie-ab.ru/images/15_Сборник_Проблемы%20доказывания_Соловьев%20С.А._+.pdf.
6. Максимов О. А. Ходатайства и жалобы как форма выражения назначения уголовного судопроизводства: монография / под ред. докт. юрид. наук, проф. В. Н. Григорьева. Москва: Юрлитинформ, 2022. 448 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48029228>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lyalyh>.
7. Кудрявцева А. В., Попов В. С. Участие адвоката-защитника в процессе доказывания на стадии предварительного расследования и в суде первой инстанции: монография. Челябинск: Полиграф-мастер, 2006. 202 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28900503>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yilegb>.
8. Кудрявцева А. В., Великосельский Ю. И. Функция защиты на стадии предварительного расследования: монография. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2006. 164 с. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24889616>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uyrdpf>.
9. Жданов С. П. Участие специалиста в правоохранительной деятельности: монография. Москва: Проспект, 2020. 272 с. DOI: <http://doi.org/10.31085/9785392310258-2019-272>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vhaoor>.
10. Соловьев С. А. Пределы судебного усмотрения при оценке заключения эксперта и мнения специалиста: гносеологический аспект // Адвокатская практика. 2017. № 4. С. 17–22. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29808131>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zchort>.
11. Лазарева В. А. Проблемы доказывания в современном уголовном процессе России: учеб. пособие; Федеральное агентство по образованию. Самара: Самарский университет, 2007. 303 с. URL: <https://repo.ssau.ru/handle/Uchebnye-izdaniya/Problemy-dokazyvaniya-v-sovremennom-ugolovnom-processe-Rossii-ucheb-posobie-Tekst-elektronnyi-90369>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20081949>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pfnffw>.
12. Белкин А. Р. УПК РФ: нужны ли перемены?: монография. Москва: Норма: Инфра-М, 2013. 416 с. URL: <http://anatbel.ru/nauka/peremen.pdf>.
13. Татьяна Л. Г. Рассмотрение уголовного дела в суде в отношении лиц, страдающих психическими недостатками: монография. Ижевск: Детектив-информ, 2003. 171 с. URL: <https://canbur.unatlib.ru/handle/123456789/1305>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20003300>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qvtaux>.
14. Тарасов А. А. Эксперт и специалист в уголовном процессе России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. Москва: Проспект, 2019. 128 с. URL: <https://paraknig.me/view/1697110>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22608117>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tatbpb>.
15. Аминев Ф. Г., Гарафутдинов Р. Р., Чемерис А. В. Геном человека от матери + геном человека от отца = персональные данные. Правовые вопросы ДНК-идентификации личности и ДНК-регистрации населения // Правовое государство: Теория и практика. 2022. Т. 80, № 4 (70). С. 121–127. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2022.4.16>.
16. Шарипова А. Р. Изолированное законодательное реформирование уголовного судопроизводства как препятствие на пути конвергенции процессуального права // Правовое государство: Теория и практика. 2022. № 1 (67). С. 156–165. DOI: <http://doi.org/10.33184/pravgos-2022.1.11>.

References

1. Sheifer S. A. *Sledstvennyye deistviya. Sistema i protsessual'naya forma* [Investigative actions. System and procedural form]. Moscow: Yurid. lit., 1981, 128 p. Available at: https://www.studmed.ru/view/sheyfer-sa-sledstvennyye-deystviya-sistema-i-processualnaya-forma_87b4df0811c.html [in Russian].
2. *Printsipy ugovnogo protsessa: monografiya. Pod obshch. red. G. S. Rusman, S. M. Darovskikh* [Rusman G. S., Darovskikh S. M. (Eds.) Principles of criminal procedure: a monograph]. Moscow: Prospekt, 2022, 336 p. Available at: <https://prior.studentlibrary.ru/ru/book/ISBN9785392362462.html> [in Russian].
3. D'yakonova O. G. *Nekotorye voprosy sudebnoi ekspertizy i ikh otrazhenie v trudakh S. A. Sheifera* [Some questions of forensic examination and their reflection in S. A. Sheyfer's works]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2019, vol. 5, no. 4, pp. 164–172. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2019-5-4-164-172>. EDN: <https://www.elibrary.ru/aovmdq> [in Russian].
4. Lifanova M. V. *Aktual'nye voprosy statusa zashchitnika v ugovnom sudoproizvodstve* [Current issues relating to the defender's status in criminal proceedings in modern Russia]. *Pravovoe gosudarstvo: Teoriya i praktika* [The rule-of-law state: theory and practice], 2022, vol. 18, no. 1 (67), pp. 116–129. DOI: <http://doi.org/10.33184/pravgos-2022.1.8> [in Russian].
5. Solov'ev S. A. *Blagopriyatstvovanie zashchite i diskretnionnye polnomochiya organa rassledovaniya pri rassmotrenii khodataistv zashchity o dopolnenii materialov dela: teoreticheskii i prakticheskii aspekty* [Favorable protection and discretionary powers of the investigation body when considering defense petitions to supplement the case materials:

- theoretical and practical aspects]. In: *III Moskovskii yuridicheskii forum. Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferentsiya, posvyashchennaya 95-letiyu professora Poliny Abramovny Lupinskoi «Sovremennye problemy dokazyvaniya i prinyatiya reshenii v уголовном protsesse. Sotsial'nye tekhnologii i pravovye instituty»* (g. Moskva, Universitet imeni O. E. Kutafina (MGYuA), 8 aprelya 2016 g.): *materialy konferentsii*. *Otv. red. S. B. Rossinskii* [Rossinskii S. B. (Ed.) III Moscow legal forum. International research and practical conference dedicated to the 95th anniversary of the professor Polina Abramovna Lupinskaya «Modern problems of proof and decision-making in criminal proceedings. Social technologies and legal institutions» (Moscow, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), April 8, 2016): conference proceedings]. Moscow: Original-maket, 2016, pp. 440–443. Available at: http://soslovie-ab.ru/images/15_Сборник_Проблемы%20доказывания_Соловьев%20С.А._.pdf [in Russian].
6. Maksimov O. A. *Khodataistva i zhaloby kak forma vyrazheniya naznacheniya ugovnogo sudoproizvodstva: monografiya*. *Pod red. dokt. yurid. nauk, prof. V. N. Grigor'eva* [Petitions and complaints as a form of expression of the appointment of criminal proceedings: a monograph; Grigoriev V.N. (Ed.)]. Moscow: Yurlitinform, 2022, 448 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48029228>. EDN: <https://www.elibrary.ru/lyalyh> [in Russian].
7. Kudryavtseva A. V., Popov V. S. *Uchastie advokata-zashchitnika v protsesse dokazyvaniya na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya i v sude pervoi instantsii: monografiya* [The participation of a lawyer-defender at the preliminary investigation stage and in the court of the first instance: a monograph]. Chelyabinsk: Poligraf-master, 2006, 202 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=28900503>. EDN: <https://www.elibrary.ru/yilegb> [in Russian].
8. Kudryavtseva A. V., Velikoselskiy Yu. I. *Funktsiya zashchity na stadii predvaritel'nogo rassledovaniya: monografiya* [Function of protection at a stage of preliminary investigation: a monograph]. Chelyabinsk: Poligraf-master, 2006, 164 p. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=24889616>. EDN: <https://www.elibrary.ru/uyrdpf> [in Russian].
9. Zhdanov S. P. *Uchastie spetsialista v pravookhranitel'noi deyatel'nosti: monografiya* [Participation of a specialist in law enforcement activity: a monograph]. Moscow: Prospekt, 2020, 272 p. DOI: <http://doi.org/10.31085/9785392310258-2019-272>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vhoaop> [in Russian].
10. Solov'yev S. A. *Predely sudebnogo usmotreniya pri otsenke zaklyucheniya eksperta i mneniya spetsialista: gnoseologicheskii aspekt* [Limits of Judicial Discretion at Evaluation of Expert Findings and Specialist Opinion: Gnoseological Aspect]. *Advokatskaya praktika* [Advocate's Practice], 2017, no. 4, pp. 17–22. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=29808131>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zchort> [in Russian].
11. Lazareva V. A. *Problemy dokazyvaniya v sovremennom ugovnom protsesse Rossii: ucheb. posobie; Federal'noe agentstvo po obrazovaniyu* [Problems of proof in the modern criminal process of Russia: textbook]. Samara: Samarskii universitet, 2007, 303 p. Available at: <https://repo.ssau.ru/handle/Uchebnye-izdaniya/Problemy-dokazyvaniya-v-sovremennom-ugovnom-protsesse-Rossii-ucheb-posobie-Tekst-elektronnyi-90369>; <https://elibrary.ru/item.asp?id=20081949>. EDN: <https://www.elibrary.ru/pfnffw> [in Russian].
12. Belkin A. R. *UPK RF: nuzhny li peremeny?: monografiya* [Code of Criminal Procedure of the Russian Federation: are changes needed?: a monograph]. Moscow: Norma: Infra-M, 2013, 416 p. Available at: <http://anatbel.ru/nauka/peremen.pdf>. [in Russian].
13. Tatyana L. G. *Rassmotrenie ugovnogo dela v sude v otnoshenii lits, stradayushchikh psikhicheskimi nedostatkami: monografiya* [Consideration of a criminal case in court against persons suffering from mental disabilities: a monograph]. Izhevsk: Detektiv-inform, 2003, 171 p. Available at: <https://eanbur.unatlib.ru/handle/123456789/1305>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=20003300>. EDN: <https://www.elibrary.ru/qvtaux> [in Russian].
14. Tarasov A. A. *Ekspert i spetsialist v ugovnom protsesse Rossii: monografiya. 2-e izd., pererab. i dop.* [Expert and specialist in the criminal process of Russia: a monograph. 2nd edition, revised and enlarged]. Moscow: Prospekt, 2019, 128 p. Available at: <https://paraknig.me/view/1697110>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=22608117>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tatbpp> [in Russian].
15. Aminev F. G., Garafutdinov R. R., Chemeris A. V. *Genom cheloveka ot materi + genom cheloveka ot ottsa = personal'nye dannye. Pravovye voprosy DNK-identifikatsii lichnosti i DNK-registratsii naseleniya* [Human genome from the mother + human genome from the father = personal data. Legal issues of DNA-identification and DNA-registration of the population]. *Pravovoe gosudarstvo: Teoriya i praktika* [The rule-of-law state: theory and practice], 2022, vol. 18, no. 4 (70), pp. 121–127. DOI: <https://doi.org/10.33184/pravgos-2022.4.16> [in Russian].
16. Sharipova A. R. *Izolirovannoe zakonodatel'noe reformirovanie ugovnogo sudoproizvodstva kak prepyatstvie na puti konvergentsii protsessual'nogo prava* [Isolated legislative reforms of criminal procedure as an obstacle to the convergence of procedural law]. *Pravovoe gosudarstvo: Teoriya i praktika* [The rule-of-law state: theory and practice], 2022, no. 1 (67), pp. 156–165. DOI: <http://doi.org/10.33184/pravgos-2022.1.11> [in Russian].

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.1

Дата поступления: 23.12.2022
рецензирования: 21.01.2023
принятия: 28.02.2023

Состязательные процедуры в уголовном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве: поиск необоснованных различий

А. Р. Шарипова

Институт права, Башкирский государственный университет, г. Уфа, Российская Федерация
E-mail: nord-wind23@mail.ru

Аннотация: Предпринята попытка оценки содержания и реализации принципа состязательности в уголовном процессе с позиций сопоставления конкретных норм и институтов с их отраслевыми аналогами в других процессуальных отраслях. Предложено заменить идеологически насыщенную дискуссию о пользе и вреде состязательности для уголовного процесса оценкой состояния его конкретных институтов. Выявлено, что несостязательный характер имеет ряд институтов уголовного процесса, среди них – меры пресечения, возвращение уголовного дела судом прокурору, денежное взыскание, судебная экспертиза, прекращение уголовного дела в связи с примирением сторон, апелляционное и кассационное обжалование, пересмотр дела по вновь открывшимся и новым обстоятельствам и др. Предложены отдельные заимствования норм из арбитражного, гражданского и административного судопроизводства, носящих ярко выраженный состязательный характер, для коррекции выявленных проблем уголовного процесса.

Ключевые слова: уголовный процесс; судебное право; конвергенция; состязательность; цивилистический процесс; арбитражный процесс; гражданский процесс.

Цитирование. Шарипова А. Р. Состязательные процедуры в уголовном, гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве: поиск необоснованных различий // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 54–59. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-54-59>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шарипова А. Р., 2023

Алия Рашитовна Шарипова – кафедра уголовного права и процесса, Институт права, Башкирский государственный университет, 450005, Российская Федерация, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Достоевского, 131.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: 23.12.2022
Revised: 21.01.2023
Accepted: 28.02.2023

Adversarial procedures in criminal, civil, arbitration and administrative proceedings: the search for unreasonable differences

A. R. Sharipova

Institute of Law, Bashkir State University, Ufa, Russian Federation
E-mail: nord-wind23@mail.ru

Abstract: An attempt has been made to assess the content and implementation of the adversarial principle in the criminal process from the standpoint of comparing specific norms and institutions with their sectoral counterparts in other procedural sectors. It is proposed to replace the ideologically saturated discussion about the benefits and harms of competitiveness for the criminal process with an assessment of the state of its specific institutions. It was revealed that a number of institutions of the criminal process have a non-competitive nature, among them are preventive measures, the return of the criminal case by the court to the prosecutor, monetary recovery, forensic examination, termination of the criminal case in connection with the reconciliation of the parties, appeal and cassation appeal, review of the case on newly opened and new circumstances, etc. Separate borrowings of norms from arbitration, civil and administrative proceedings, which are of a pronounced adversarial nature, are proposed to correct the identified problems of the criminal process.

Key words: criminal process; judicial law; convergence; competition; civil process; arbitration process; civil process.

Citation. Sharipova A. R. *Sostyazatel'nye protsedury v ugolovnom, grazhdanskom, arbitrazhnom i administrativnom sudoproizvodstve: poisk neobosnovannykh razlichii* [Adversarial procedures in criminal, civil, arbitration and administrative proceedings: the search for unreasonable differences]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 1, pp. 54–59. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-54-59> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Sharipova A. R., 2023

Aliya R. Sharipova – Candidate of Legal Sciences, associate professor, Department of the Criminal Law and Procedure, Institute of Law, Bashkir State University, 131, Dostoevsky Street, Ufa, 450005, Republic of Bashkortostan, Russian Federation.

Состязательность сторон как принцип уголовного процесса с момента закрепления в УПК и до настоящего времени остается предметом острых дискуссий. Вокруг этой темы сформировались целые группы мнений разного свойства, от абсолютизации ее значения в праве вообще [1] и на всех стадиях уголовного процесса, в частности [2, с. 40–58] до аргументации необходимости немедленного законодательного отказа от соответствующего принципа [3].

Значительно более привычна и естественна состязательность сторон для науки цивилистического процесса [4], которой, по крайней мере, не приходится «примирять» состязательность с досудебным производством в силу его отсутствия.

Изобилие научного внимания за годы споров по поводу уголовно-процессуальной состязательности не привело к качественному прорыву, позиции оппонентов друг к другу не приблизились, законодательные, праворазъяснительные и правоприменительные тенденции остались противоречивыми [5].

Исследуя в сравнительном ключе отдельные универсальные для судебного процесса институты в их отраслевом закреплении, мы обнаруживаем, что арбитражный, гражданский и административный процессы являются более состязательными, чем уголовный. Но это различие мало кого убеждает в необходимости реформирования последнего, поскольку принятым считается мнение о чрезвычайной особенности и обособленности уголовного процесса и цивилистического [6].

По этой причине мы решили рассмотреть конкретные процедурные различия уголовного, с одной стороны, и арбитражного, гражданского и административного процессов, с другой стороны, в максимальном приближении, отказавшись от идеологических аргументов.

Абстрагируясь от полномасштабной дискуссии о состязательности, мы предлагаем сопоставить отдельные универсальные для всех процессуальных отраслей институты в целях обнаружения различающихся норм и предполагаем, что набор этих различий и приводит в целом к очень разной «состязательности» в уголовном и цивилистическом процессах. Насколько же необходимы и неизбежны эти различия?

1. Сходство института мер уголовно-процессуального принуждения с обеспечительными мерами в арбитражном процессе, мерами предварительной защиты в административном процессе и мерами обеспечения – в гражданском, достаточно для того, чтобы в крупных структурных элементах они были подобны. Однако уголовный процесс, в отличие от остальных, не знает понятия встречного обеспечения, т. е. принятия мер, минимизирующих вред для ответчика, от мер, принятых по просьбе истца. Разумеется, нужно учитывать практически абсолютную, в сравнении с частными лицами, участвующими в цивилистическом процессе, «кредитоспособность» государства: часто меры встречного обеспечения призваны «заморо-

зить», защитить от расходования средства, за счет которых в будущем может быть компенсирован причиненный вред. Применительно к государству в целом такой необходимости нет, однако многообразие последствий применения к лицам мер принуждения, в частности мер пресечения и особенно – заключения под стражу, должно предполагать хотя бы возможность встречных мер, призванных гарантировать защиту обвиняемого или иных лиц от причинения чрезмерного или неоправданного вреда (например, наложение запрета на распространение информации о факте избрания по отношению к конкретному лицу заключения под стражу).

2. Состязательность сторон автоматически исключает из участия в состязании арбитра – суд, поэтому оценивать следует также и судебные полномочия в свете рассматриваемой проблемы. Так, ст. 308 УПК среди вопросов, разрешаемых в обвинительном приговоре, названо «решение о мере пресечения в отношении подсудимого до вступления приговора в законную силу» (п. 10 ч. 1). Этот вопрос является обязательным, он не стоит в зависимости от наличия уже принятой меры пресечения или от заявления нового ходатайства обвинителем о ее назначении. И практика применения данной нормы действительно такая: суд назначает меру пресечения при вынесении обвинительного приговора по собственной инициативе, причем в случае назначения наказания в виде лишения свободы (с отбыванием в исправительных учреждениях, кроме колонии-поселения) этой мерой пресечения всегда бывает только заключение под стражу [7].

Активность в избрании меры пресечения по собственной инициативе суда – проявление обвинительного уклона, разрушающего состязательность сторон. Для сравнения аналогичные полномочия суда в административном судопроизводстве сформулированы иначе: в резолютивной части решения должно быть указание «на сохранение или отмену действия примененных мер предварительной защиты по административному иску», что полностью соответствует роли арбитра.

Подчеркнем, само по себе удовлетворение требований истца (обвинения) не должно означать применения новых обеспечительных мер (мер пресечения) к ответчику (обвиняемому) без отдельно мотивированного ходатайства об их применении. Иное означает фактический перенос момента вступления приговора в законную силу и обращение назначенного наказания к немедленному исполнению.

3. Важнейшее познавательное действие – судебная экспертиза – в уголовном процессе не является в действительности «судебной». Подавляющее большинство заключений экспертов, которые суды сочли достаточными доказательствами обвинения, были составлены по результатам исследований, назначенных и проведенных еще в ходе предварительного расследования, по инициативе

и под контролем органов уголовного преследования. Принятие результатов досудебных экспертиз лишь на основании отсутствия при их проведении каких-то явных дефектов характерно только для уголовного процесса, но не для арбитражного, гражданского и административного. При этом придание силы судебных «несудебным» экспертизам никаким образом не распространяется на исследования, проведенные по инициативе стороны защиты. Вывод очевиден – стороны обвинения и защиты не равноправны в доказывании, сопряженном с проведением исследований, и не состязаются перед судом в таком доказывании.

4. Уголовный процесс – единственный судебный процесс, на официальном уровне отдающий предпочтение государственным экспертам перед негосударственными. Соответствующая позиция высказана Верховным Судом РФ в п. 5 Постановления Пленума от 21 декабря 2010 г. № 28 «О судебной экспертизе по уголовным делам». Для сравнения Пленум Высшего Арбитражного Суда РФ прямо запрещал такое предпочтение (п. 1 Постановления от 4 апреля 2014 г. № 23 «О некоторых вопросах практики применения арбитражными судами законодательства об экспертизе»). К слову, заметим, что в самом УПК РФ не содержится никаких положений, позволяющих по-разному относиться к государственным и негосударственным экспертам и экспертным учреждениям.

Административная связь государственных экспертных учреждений с правоохранительными органами, их готовность проводить исследования по назначению последних, но фактическая недоступность того же по запросам стороны защиты – еще один фактор, не позволяющий состязаться в доказывании защите с обвинением.

5. Несостязательным мы считаем институт возвращения уголовного дела судом прокурору. Все существующие отличия между современным его состоянием и первоначальной редакцией УПК 2001 г. направлены на дополнение возможностей стороны обвинения в сравнении с защитой. Если исключить из оснований возвращения дела судом прокурору эти дополнения, то получится институт, аналогичный гражданскому возвращению искового заявления. Назначение подобного института – в возможности окончить производство по делу, если обращение в суд не может быть разрешено по существу, при сохранении возможности нового обращения.

Только то, что лишает в принципе суд возможности рассматривать дело, может быть основанием для возвращения дела прокурору с сохранением состязательной процедуры. Если по делу можно было вынести оправдательный приговор, но суд воспользовался ст. 237 УПК, значит, настоящей состязательности в процессе не было.

6. Для «состязющихся» в суде по одним правилам стороны обвинения и защиты предусмотре-

ны разные санкции за невыполнение этих правил. Согласно ч. 2 ст. 111 УПК, денежное взыскание может быть наложено только на потерпевшего, свидетеля, гражданского истца, гражданского ответчика, эксперта, специалиста, переводчика и понятого. Ни АПК, ни ГПК, ни КАС не ограничивает лиц, на которых может быть наложен судебный штраф, участниками производства по делу вообще, тем более какой-то их частью. На любое лицо, совершающее то, что является основанием ответственности, может быть наложен судебный штраф, независимо от процессуального статуса или его отсутствия.

Причины кажущейся «невостребованности» возможности налагать денежное взыскание на прокуроров и адвокатов, участвующих в процессе, а также на всех иных лиц, которые могут проявить неуважение к суду, не безобидны. Полагаем, что невозможность даже предположить, что прокурор может «вредить» процессу, – издержки обвинительного уклона, реализованного в УПК, презумпции совпадения интересов обвинителя и суда, следствие представления о правоохранительных органах как венце государственного творения, неподсудного самому суду. Мотивы адвокатского «иммунитета» от наложения денежного взыскания, вероятно, производны от прокурорского, он уравнивает последний ради своеобразного понимания состязательности и процессуального паритета.

7. Видеоконференцсвязь – удобная замена личному участию в деле, по-разному используемая в уголовном и гражданском процессе [8]. Арбитражный процесс, начавший ее применять раньше других, вслед за ним гражданский и административный, предполагают в основе избрания данного способа коммуникации участника судопроизводства с судом – его желание. Именно ходатайство участника об участии в заседании посредством ВКС ставит вопрос о ее использовании, причем независимо от инстанции: если лицо вправе участвовать в заседании, то возможности личного участия лишить его нельзя.

В уголовном процессе действуют примерно такие же диспозитивные правила участия для свидетелей и потерпевшего и другие – для подсудимого. Независимо от его воли в суде первой инстанции он участвует только лично, а в случае его осуждения и заключения под стражу в апелляционном и кассационном суде – только с использованием ВКС. Возможности ходатайствовать о том или другом способе участия для подсудимого и осужденного не предусмотрено; суд сам оценивает целесообразность какого-то выбора. Эта целесообразность говорит сама за себя: суд вправе требовать личного участия осужденного при рассмотрении апелляционной и кассационной жалобы, но никогда не пользуется этим правом. Инсайдерская информация подтверждает, что помехи в работе ВКС во время выступления осужденного не вли-

ают на распорядок работы суда: задача суда – дать осужденному выступить, а не услышать его.

8. Примирение обвиняемого с потерпевшим – основание прекращения уголовного дела, имеющее сущностное сходство с договорными отношениями, с цивилистическим мировым соглашением. Соответствующий ему уголовно-процессуальный механизм называется в науке конвенциональной формой производства по делу [9, с. 3], «простой медиацией» [10] и т. п. Цивилистические аналогии еще больше должны подчеркнуть равноправие сторон (как составную состязательности) при достижении ими соглашения о примирении. И если в самом общем виде обвиняемый и потерпевший действительно власти ни друг над другом, ни над кем-то другим не имеют и в этом плане «равно-бесправны», то в процедурном отношении фактическое отсутствие регламентации примирения сторон играет против обвиняемого. Подчеркнем: УПК регулирует прекращение дела в связи с примирением сторон, но не само примирение, являющееся непроцессуальным действием.

В отличие от ГПК, АПК и КАС УПК не предписывает в случае примирения сторон:

- облечь его в письменную форму;
- предусмотреть какие-либо обязательные и дополнительные элементы (какими в цивилистическом процессе являются сведения об условиях, размере и сроке исполнения обязательств, с одной стороны, и сведения о распределении судебных расходов, об отсрочке или о рассрочке исполнения обязательств, об уступке прав требования, о полном или частичном прощении либо признании долга и санкции, об обязательствах, не являвшихся предметом спора, но связанных с ним, – с другой);

- утвердить соглашение судом;
- исполнить его принудительно и т. д.

Последнее названное отличие обусловлено тем, что примирение в уголовном процессе предполагает удовлетворение интересов потерпевшего до заявления суду о примирении, что делает это обстоятельство больше похожим на прощение, а не на примирение, ведь обвиняемый односторонне, без гарантий для себя надеется заслужить снисхождение потерпевшего. Заглаживание вреда как главное обстоятельство, приводящее к примирению сторон, должно произойти до прекращения дела, обязательство загладить вред в будущем не имеет юридического значения. Хотя с учетом того, как сильно в случае осуждения обвиняемого в реальности страдают имущественные интересы потерпевшего (как в силу удовлетворения требований судом в меньшем объеме, чем они были заявлены, так и в силу отсутствия у осужденного имущества, на которое может быть обращено взыскание), рискуем предположить, что часть потерпевших была бы заинтересована в прощении обвиняемого «авансом», то есть в примирении с ним с расчетом на получение компенсаций в будущем. Разумеется, жизнеспособ-

ность такой возможности может обеспечиваться только принудительным исполнением.

9. Предусмотренное ст. 389.1, 401.2 УПК право апелляционного и кассационного «обжалования» реализуется согласно детализирующим нормам посредством представлений (прокурором) и собственноручно жалоб (всеми остальными). Полагаем, что такое терминологическое различие, оставшееся в наследство от содержательного неравенства прав сторон в советском уголовном процессе, отрицательно сказывается на состязательности и сейчас.

Этот пример демонстрирует специфическое отношение к прокуратуре, которое в целом характерно для нашей науки, практики и даже закона. Оно предполагает адаптацию судебных требований под прокуратуру, а не наоборот. Между тем, что бы собой ни представляла прокуратура в широком смысле, в судебном процессе она только одна из сторон по делу, которой надлежит выполнять процессуальные требования, если она ожидает от суда каких-то действий.

Содержательного различия между жалобами и представлениями ни в апелляционном, ни в кассационном, ни в надзорном пересмотрах нет. С позиций требований состязательности сторон разные наименования одинаковых по существу документов в зависимости от адресата нецелесообразны.

10. Универсальный для всех видов судебного процесса институт пересмотра по вновь открывшимся и новым обстоятельствам имеет в уголовно-процессуальном варианте исполнения очень сомнительную с точки зрения состязательности норму о порядке обращения с соответствующим заявлением. Логичной нормой, воплощенной в ГПК, АПК и КАС об обращении с просьбой о пересмотре в суд, противостоит УПК, который предусматривает возбуждение производства прокурором по «сообщениям граждан, должностных лиц, а также данным, полученным в ходе предварительного расследования и судебного рассмотрения других уголовных дел» (ст. 415).

Возбуждение производства по собственной инициативе прокурора еще относительно приемлемо, но каковы причины необходимости обязывания иных заинтересованных лиц (которыми, как правило, является осужденный, но может быть и его защитник, и потерпевший, и их близкие родственники) обращаться не в суд, а к своему недавнему процессуальному оппоненту? По УПК прокурор – это участник процесса со стороны обвинения (глава 6), орган уголовного преследования (ст. 37), и какой бы объективностью он ни обладал, ее недостаточно для решения вопроса пересмотра судебных актов.

Содержательно норма о порядке возбуждения производства не изменилась в УПК РФ в сравнении с УПК РСФСР, который, однако, предусматривал во многом другие полномочия прокурора, обязывая его в том числе провести расследование перед обращением в суд (ст. 386, 387); теперь такой воз-

возможности у него нет, однако его промежуточное положение между заявителем и судом почему-то сохранилось.

Резюмируем сказанное. Развитие принципа состязательности в уголовном процессе – задача для конкретных институтов и норм. Важным ориенти-

ром в их законодательной коррекции и правоприменении может служить состояние универсальных и аналогичных им институтов и норм арбитражного, гражданского и административного судопроизводства, в которых принцип состязательности на современном этапе реализован более последовательно.

Библиографический список

1. Якупова Р. А. Состязательность в праве: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Москва, 2010. 30 с. URL: <https://lawtheses.com/sostyazatelnost-v-prave-teoretiko-pravovoe-issledovanie>.
2. Теория уголовного процесса: состязательность: монография / под ред. Н. А. Колоколова. Ч. I. Москва, 2013. 368 с. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23155903>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tmssyn>.
3. Победкин А. В. Традиции доказывания в отечественном уголовном процессе (почему состязательность не принцип уголовного процесса) // Природа российского уголовного процесса и принцип состязательности: к 125-летию со дня рождения М. С. Строговича: материалы конференции (Москва, 24–25 октября 2019 г.). Москва, 2020. С. 78–83. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42217789>. EDN: <https://www.elibrary.ru/btzdqe>.
4. Томина А. П. Состязательность в гражданском судопроизводстве: история, тенденции развития. Оренбург, 2019. 166 с. URL: http://www.oimsla.edu.ru/sites/default/files/sostyazatelnost_v_grazhdanskom_sudoproizvodstvemonografiya_2019_tomina.pdf.
5. Баранов А. М. Состязательность в российском уголовном процессе: желаемое и действительность // Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № 34. С. 44–52. DOI: <https://doi.org/10.17223/22253513/34/4>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ndxkdh>.
6. Арендаренко И. А. Доказательственное право уголовного судопроизводства в его соотношении с нормами, регулирующими доказывание в гражданском, арбитражном процессах и производстве по делам об административных правонарушениях: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2011. 30 с. URL: <https://kubsau.ru/upload/iblock/243/243e0d01b0d7d6649b79c215b0d9bd07.pdf>.
7. Филатьев В. А. Решение о заключении под стражу как часть приговора: проблема детерминированности // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15, № 1. С. 124–132. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.110.1.124-132>.
8. Колоколов Н. А. Палочка-выручалочка – видеоконференцсвязь // Правовые вопросы связи. 2011. № 1. С. 4–8. URL: <https://wiselawyer.ru/poleznoe/53216-palochka-vyruchalochka-videokonferentsvyaz>.
9. Маткина Д. С. Конвенциональная форма судебного разбирательства: история, современность и перспективы развития: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Оренбург, 2009. 27 с. URL: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004291280.pdf.
10. Головкин Л. В. Освобождение от уголовной ответственности и освобождение от уголовного преследования: соотношение понятий // Государство и право. 2000. № 6. С. 41–51. URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/3640177/>.

References

1. Yakupova R.A. *Sostyazatel'nost' v prave: teoretiko-pravovoe issledovanie: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Competitiveness in law: theoretical and legal research: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Moscow, 2010, 30 p. Available at: <https://lawtheses.com/sostyazatelnost-v-prave-teoretiko-pravovoe-issledovanie> [in Russian].
2. *Teoriya ugolovnogo protsessa: sostyazatel'nost': monografiya. Pod red. N. A. Kolokolova. Ch. I* [Kolokolov N. A. (Ed.) Theory of criminal process: competitiveness: a monograph. Part I]. Moscow, 2013, 368 p. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23155903>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tmssyn> [in Russian].
3. Pobedkin A.V. *Traditsii dokazyvaniya v otechestvennom ugolovnom protsesse (pochemu sostyazatel'nost' ne printsip ugolovnogo protsessa)* [Traditions of evidence in the domestic criminal process (why competitiveness is not a principle of criminal procedure)]. In: *Priroda rossiiskogo ugolovnogo protsessa i printsip sostyazatel'nosti: k 125-letiyu so dnya rozhdeniya M. S. Strogovicha: materialy konferentsii (Moskva, 24–25 oktyabrya 2019 g.)* [Nature of the Russian criminal process and the principle of competitiveness: on the 125th anniversary from the date of birth of M. S. Strogovich: conference materials (Moscow, October 24–25, 2019)]. Moscow, 2020, pp. 78–83. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42217789>. EDN: <https://www.elibrary.ru/btzdqe> [in Russian].
4. Tomina A. P. *Sostyazatel'nost' v grazhdanskom sudoproizvodstve: istoriya, tendentsii razvitiya* [Competitiveness in civil proceedings: history, development trends]. Orenburg, 2019, 166 p. Available at: http://www.oimsla.edu.ru/sites/default/files/sostyazatelnost_v_grazhdanskom_sudoproizvodstvemonografiya_2019_tomina.pdf [in Russian].
5. Baranov A. M. *Sostyazatel'nost' v rossiiskom ugolovnom protsesse: zhelaemoe i deistvitel'nost'* [An adversarial system in the Russian criminal procedure: desired and true things]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*.

Pravo [Tomsk State University Journal of Law], 2019, no. 34, pp. 44–52. <https://doi.org/10.17223/22253513/34/4>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ndxkdh> [in Russian].

6. Arendarenko I. A. *Dokazatel'stvennoe pravo ugolovnogogo sudoproizvodstva v ego sootnoshenii s normami, reguliruyushchimi dokazyvanie v grazhdanskom, arbitrazhnom protsessakh i proizvodstve po delam ob administrativnykh pravonarusheniyakh: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Evidential law of criminal proceedings in its relation to the norms governing evidence in civil, arbitration proceedings and proceedings in cases of administrative offenses: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Krasnodar, 2011, 30 p. Available at: <https://kubsau.ru/upload/iblock/243/243e0d01b0d7d6649b79c215b0d9bd07.pdf> [in Russian].

7. Filatyev V. A. *Reshenie o zaklyuchenii pod strazhu kak chast' prigovora: problema determinirovannosti* [Remand in Custody as Part of a Sentence: Problem of Determination]. *Aktual'nye problemy rossiiskogo prava* [Actual Problems of Russian Law], 2020, vol. 15, no. 1, pp. 124–132. DOI: <http://doi.org/10.17803/1994-1471.2020.110.1.124-132> [in Russian].

8. Kolokolov N. A. *Palochka-vyruchalochka – videokonferencyaz'* [Magic wand – videoconferencing]. *Pravovye voprosy svyazi*, 2011, no. 1, pp. 4–8. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16399388>; <https://wiselawyer.ru/poleznoe/53216-palochka-vyruchalochka-videokonferencyaz>. EDN: <https://elibrary.ru/nuwomx> [in Russian].

9. Matkina D. S. *Konventsional'naya forma sudebnogo razbiratel'stva: istoriya, sovremennost' i perspektivy razvitiya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk* [Conventional form of trial: history, modernity and development prospects: author's abstract of Candidate's of Legal Sciences thesis]. Orenburg, 2009, 27 p. Available at: https://new-disser.ru/_avtoreferats/01004291280.pdf [in Russian].

10. Golovko L. V. *Osvobozhdenie ot ugolovnoi otvetstvennosti i osvobozhdenie ot ugolovnogogo presledovaniya: sootnoshenie ponyatii* [Exemption from criminal liability and exemption from criminal prosecution: correlation of concepts]. *Gosudarstvo i pravo* [State and Law], 2000, no. 6, pp. 41–51. Available at: <https://istina.msu.ru/publications/article/3640177> [in Russian].

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-1-60-65

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 343.123

Дата поступления: 21.12.2022
рецензирования: 23.01.2023
принятия: 28.02.2023**Нейроследователи: утопия или будущее****Л. А. Шестакова**Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: lyuboshestakova@yandex.ru

Аннотация: В статье исследуется один из видов сквозных цифровых технологий – нейротехнологии, дается их определение, приводятся классификация и объективные основания для внедрения в различные сферы деятельности. Автор статьи оценивает правовые и этические риски использования нейротехнологий в работе следователя и дознавателя. Автор полагает, что использование нейротехнологий представляется перспективным направлением научной организации труда для следователей, дознавателей, трудовая нагрузка на которых чрезмерна, и приводит ряд аргументов в обоснование своей позиции.

Ключевые слова: уголовный процесс; цифровые технологии; нейротехнологии; искусственный интеллект; следователь; предварительное расследование; доказывание; тайм-менеджмент.

Цитирование. Шестакова Л. А. Нейроследователи: утопия или будущее // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 60–65. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-60-65>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Шестакова Л. А., 2023

Любовь Александровна Шестакова – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара. Московское шоссе, 34,

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 21.12.2022
Revised: 23.01.2023
Accepted: 28.02.2023**Neural investigators: utopia or future****L. A. Shestakova**Samara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: lyuboshestakova@yandex.ru

Abstract: The article explores neurotechnologies, gives their definition, provides their classification and objective grounds for implementation. The author of the article, thinking prospectively, assesses the legal and ethical risks in the work of an investigator, interrogator with neuroimplants. The author of the article believes that the use of neotechnologies is a promising direction for solving the problems of investigators, interrogators, whose workload is excessive. This reduces the quality of crime investigation.

Key words: criminal process; digital technologies; neurotechnologies; artificial intelligence; investigator; preliminary investigation; proof process; time management.

Citation. Shestakova L. A. *Neirosledovateli: utopiya ili budushchee* [Neural investigators: utopia or future]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 1, pp. 60–65. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-60-65> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Shestakova L. A., 2023

Lyubov A. Shestakova – Candidate of Laws, assistant professor, Department of Criminal Procedure and Criminalistics, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Цифровизация, стирая границы между физической и цифровой реальностью, объединяя их в новые гибридные образования-среды [1], позволяет облегчить жизнь человека, освобождает его от физических и интеллектуальных нагрузок.

К началу XXI века в производство и сервис повсеместно внедрена вычислительная техника для

работы с информацией, выраженной в дискретной числовой форме [2, с. 25]. В последнее время расширяется объем внедрения так называемых сквозных цифровых технологий, которые комбинируют достижения различных наук и технологий для повышения эффективности их применения [3]. Среди таких технологий: искусственный интел-

лект, нейротехнологии, технологии виртуальной и дополненной реальности и т. д.

Необходимо признать, что распространение сквозных технологий имеет под собой объективные основания, общие для России и зарубежных стран, среди них:

- многократно возросшая информационная нагрузка на мозг, высокая стрессовость и техногенность жизни городского жителя, которая требует повышенной выносливости и большей скорости физиологических реакций на раздражители. Человеческому мозгу все сложнее обрабатывать новые знания и осваивать новые социальные роли без симбиоза с техносферой;

- общее старение населения планеты. С начала XXI века сохраняется тенденция сокращения ожидаемой продолжительности жизни на десять лет, пандемия COVID-19 выявила уязвимость стареющего населения и подтвердила общую тенденцию.

- увеличение числа лиц, имеющих инвалидность. Также увеличивается число лиц, заболевших в молодом возрасте болезнями, которые приводят к инвалидности. Отчасти из-за старения населения увеличилась распространенность некоторых заболеваний.

В рамках настоящей статьи объектом исследования выступают группы нейротехнологий, которые могут быть использованы в целях улучшения качества труда практических работников в сфере юриспруденции, в частности, предметом нашего рассмотрения станет оптимизация труда работников следственных органов.

Речь пойдет о нейротехнологиях, которые направлены как на развитие искусственного интеллекта (нейросети или нейросенсоры), так и на «биомедицинское улучшение человека», т. е. увеличение возможностей или качеств нормальных, здоровых людей, а также на создание человеко-машинного интеллекта.

Нейроустройства, направленные на усовершенствование человека, могут быть сгруппированы на:

- 1) Неинвазивные нейротехнические устройства, когда электроды, взаимодействуя с нервной системой, используют только электрическую активность мозга, отражающую работу нейронов;

- 2) Малоинвазивные нейротехнические устройства взаимодействуют только с периферической нервной системой (структурами вне головного и спинного мозга);

- 3) Инвазивные нейротехнические устройства уже имплантируются в определенные области мозга. В последнем случае требуется хирургическое вмешательство для внедрения и извлечения такого устройства из тела человека.

Последняя категория нейротехнических устройств образует тесные связи с организмом и может существенно влиять на эмоциональные, двигательные и когнитивные характеристики человека [4], поэтому она отнесена Европейской группой по этике в науке и новых технологиях к устройствам, используемым в военных целях.

Объединение физиологических возможностей человека и нейротехнологий уже привело к увеличению числа так называемых киборгов (людей, имеющих в теле электронные или механические компоненты) [4] и в целом к формированию тенденции к киборгизации населения. В этой связи специалисты в сфере конституционного права на самом высоком уровне превентивно обсуждают проблемы защиты прав киборгов и людей, прав человека на психическую неприкосновенность, прав на общение с живыми людьми, а не роботами и т. д.

Киборгизация как явление стала исследоваться с конца XX века и позднее сформировалась в междисциплинарное научное направление на стыке антропологии, нанотехнологий, медицины, философии и других наук [5]. Сегодня данное направление разрабатывается в университетах Бруклина, Торонто, Милана. В России этим направлением занимается институт философии РАН [3]. Важно отметить, что последние разработки нейротехнологов ориентированы не на компенсацию заболеваний или инвалидности, как некоторое время ранее, а на разработку улучшенной версии человека, человека со сверхспособностями [6, с. 46].

Уже сейчас стоит оценить правовые и этические риски в работе следователя, дознавателя с нейроимплантатами, обеспечивающими их качественное превосходство в трудовой деятельности, поскольку обсуждаемые технологии распространяются чрезвычайно быстро.

Несмотря на поступательное внедрение цифровых технологий в работу следственных органов, которые должны были бы сократить время расследования до минимума, следователи также ощущают физические перегрузки и моральное истощение, работают сверх нормы рабочего времени. По-прежнему на производительность труда следователя сильное влияние оказывают: 1) количество и характер преступлений, мало поддающихся прогнозированию; 2) строгая правовая регламентация сроков следственной деятельности; 3) личностные характеристики работника, способствующие или препятствующие его самоорганизации [7].

Выявленные проблемы в работе следователей и дознавателей уже многие годы решаются в основном экстенсивным способом, что не приводит к желаемым результатам.

В рамках исследования Н. Б. Нечаевой было проведено анкетирование следователей, которые отметили нежелание осваивать цифровые технологии и использовать их в следственной практике, т. к. это занимает много времени и замедляет основную работу. Автор приходит к выводу, что следователи в целом не склонны к творческой активности и освоению новых компетенций и навыков, во многом не способны правильно спланировать свой рабочий день, что снижает эффективность расследования преступлений [8].

В рамках исследования, проводимого сотрудниками кафедры уголовного процесса и криминалистики Самарского университета, также было проведено анкетирование 64 сотрудников след-

ственных органов, где почти 94 процента респондентов отметили, что им не хватает информационной компетентности для работы с компьютерной техникой, а для повышения квалификации им требуется прохождение специального обучения в сфере цифровых технологий. Более 30 процентов респондентов указали на отсутствие материально-технических условий для использования цифровых технологий при расследовании преступлений.

Оптимизация временных затрат в работе следователей и дознавателей многим исследователям видится в использовании в работе этих должностных лиц сквозных цифровых технологий, среди которых искусственный интеллект и нейротехнологии. Высказанные в литературе позиции, не претендуя на исчерпывающую классификацию, можно объединить в следующие направления:

1) Профессия следователя не имеет будущего, поскольку в скором времени следователя заменят цифровая платформа, робот, искусственный интеллект. Данная позиция имеет в своей основе концепцию электронного правительства (E-Government), где с помощью цифровых технологий автоматизированы все функции государственного управления, в том числе и расследование преступлений [9; 10]. Гражданин при таком подходе рассматривается как потребитель публичных услуг. Сторонники данной позиции предвидят расширение видеофиксации правонарушений, развитие проектов «умный город» или «цифровой город», где по аналогии с уже существующей сейчас фиксацией административных правонарушений, будут фиксироваться на видеорекамеры и преступления, что значительно упростит и автоматизирует процесс расследования преступлений, снизит сложность и значимость работы следователя или дознавателя [11; 12]. По мнению авторов, разделяющих позицию о вымирании профессии следователя, важным также является довод о вариативной работоспособности конкретного правоприменителя, как и всех остальных людей (биосоциальных существ), которая подвержена негативному влиянию широкого круга объективных и субъективных факторов. Компьютер или робот всегда выполняет работу одинаково хорошо, ему незнакомы болезни, плохое настроение или перегрузки. В этой связи делегирование некоторых рутинных полномочий искусственному интеллекту или компьютеру является оправданным [7];

2) Следователь как самостоятельный субъект расследования никогда не будет заменен роботом или искусственным интеллектом, а процесс расследования преступления автоматизирован. Причиной для такого вывода стал творческий, не поддающийся автоматизации характер самого расследования. Для качественного расследования преступления требуется эмоциональная компетентность следователя, которая позволяет выявлять и различать подлинные и мнимые интересы участников процесса, глубинные причины поведения человека [13]. Авторы данного направления, однако, допускают, что компьютерная программа

сможет выступить в роли помощника должностного лица (дознавателя, следователя), принимающего решения по уголовному делу [14].

В научной литературе сейчас активно обсуждаются проблемы внедрения технологии искусственного интеллекта в работу следователей, а также вопросы правового и этического регулирования этого нововведения. Однако вопросы использования нейротехнологий как сквозных цифровых технологий не получили самостоятельного освещения.

Следует согласиться с позицией профессора Л. А. Воскобитовой, которая полагает, что произвольная цифровизация уголовно-процессуальной деятельности недопустима, а исход судебного разбирательства – это не вопрос вероятностей, а реальная жизнь людей. Для рассмотрения уголовных дел по существу требуется эмоциональная компетентность правоприменителя [13]. В этой связи даже в самых смелых прогнозах цифровизация работы следователя и дознавателя ставится под сомнение.

Однако возможное внедрение в тело человека нейротехнологий ставит обозначенные выше вопросы под новым углом зрения, поскольку правоприменитель с внедренным нейроимплантом (подобные имплантаты фирмы Synchron стали тестироваться на добровольцах в США с 2021 г., имплантируются в мозг через яремную вену) остается человеком с присущими ему эмоциональным интеллектом и социальным опытом. Правоприменитель с усовершенствованными способностями, благодаря нейроимплантам, продолжает осуществлять взаимодействие на уровне «человек – человек», однако улучшается его скорость и производительность труда в единицу времени.

Правоприменитель, привлекая возможности нейросети, оптимизирует процесс поиска информации, которая является ориентирующей и доказательственной. Система, как и следователь, способна высчитывать и складывать взаимосвязи между преступлениями. Разница в том, что следователь находит информацию, основываясь на своей памяти и на своем опыте, а нейросеть строит связь исходя из заложенной в ней базы данных, которая имеет точность и более полное представление о преступлении. Нейросеть как помощник следователя должна реализовывать определенное направление его работы (как техническое, так и информационно-познавательное), заполнение процессуальных документов, поиск методических источников, определение связей между соучастниками, предэкспертное выявление подлога подписи и т. д. [15]. Нейросеть может быть адаптирована криминалистической наукой, которая уже располагает необходимым категориальным аппаратом. Следует разработать корректный набор данных и узкие гипотезы, по которым должно осуществляться функционирование интеллектуальной системы.

Благодаря нейросетям будет усовершенствована работа с процессуальными документами, реализована функция автозаполнения документов.

Использование в работе правоприменителей аудиоимплантов может улучшить слух и перевести речь допрашиваемых на разные языки; обонятельных имплантов – будет способствовать усилению переживания эмоций от запахов или предупреждения об опасностях (задымление, пожар, утечка газа); глазных модификаций – для улучшения зрения, увеличения масштаба изображения; других технологий – позволит осуществить непосредственное взаимодействие с компьютером и другой техникой.

В обозримом будущем также ожидается переход к так называемому машиночитаемому праву, предполагающему переход к машиночитаемым справочникам правовых терминов, автоматизированному правоприменению и разработке нормативно-правовых актов на основе узких алгоритмов действий для правоприменителей. Данные нововведения, как представляется, принципиально изменят сферу правоприменения, потребуют от должностных лиц государственных органов работать с еще большим объемом нормативной информации в единицу времени, при этом снизится острота этических и социальных вопросов в процессе уголовно-процессуальной деятельности.

В связи с вышеизложенным мы считаем перспективу киборгизации следователей реалистичной и предлагаем для обсуждения ряд этических вопросов, которые будут сопровождать процесс внедрения этих сквозных цифровых технологий в практическую сферу:

1) Киборгизация работника приведет к его физическому и интеллектуальному превосходству над обычными людьми с их естественными пределами, что создает условия для потенциальной дискриминации человека без цифровых улучшений.

В силу ряда усиленных за счет технологий киборги будут более востребованы на рынке труда [4];

2) При внедрении нейротехнологий в жизнь человека возникает проблема обеспечения безопасности граждан, использующих имплантаты, от кибератак, обеспечения сохранности персональных данных человека, корректной работы устройства (технические сбои), потери данных [16];

3) Существует недоверие населения к цифровым технологиям, порталам государственных услуг, роботам и т. д. Вопрос полноценного применения сквозных цифровых технологий в государственном управлении связан не столько с технической возможностью (технологическим прогрессом), сколько с низким уровнем общественного доверия к этим технологиям [17].

Сквозные цифровые технологии, которые дают возможности биологического улучшения человека, активно внедряются в различные сферы производства и потребления. Требуется создать для появившихся технологий правовое регулирование и осуществлять превентивное исследование рисков применения таких технологий. Использование нейротехнологий представляется перспективным направлением и для решения трудовых вопросов представителей юридических профессий, в частности следователей, дознавателей, трудовой нагрузки на которых чрезмерна, что снижает качество расследования преступлений и ставит под сомнение достижение назначения уголовного судопроизводства в каждом конкретном деле. Вопросы появления в качестве сотрудников органов расследования нейроследователей и нейродознавателей должны быть системно исследованы научной общественностью, а риски такого процесса обсуждены и нивелированы.

Библиографический список

1. Филипова И. А. Искусственный интеллект и нейротехнологии: потребности в конституционно-правовом регулировании // *Lex Russica*. 2021. Т. 74, № 9. С. 119–130. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.178.9.119-130>.
2. Зазулин А. И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09. Екатеринбург, 2018. 251 с. URL: <https://zakon.ru/Publication/Details/15820>.
3. Филипова И. А. Нейротехнологии: развитие, применение на практике и правовое регулирование // *Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право*. 2021. Т. 12, № 3. С. 502–521. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.302>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gviszl>.
4. Тихомиров Ю. А., Кичигин Н. В., Цомартова Ф. В., Бальхаева С. Б. Право и цифровая трансформация // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2021. № 2. С. 4–23. DOI: <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.2.4.23>.
5. Камалова Г. Г. Теоретико-правовые аспекты эволюции прав человека в условиях цифровизации и внедрения технологии искусственного интеллекта // *Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право»*. 2021. Т. 31, вып. 4. С. 662–668. DOI: <http://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-4-662-668>.
6. Агеев А. И., Логинов Е. Л., Шкута А. А. Нейроуправление: конвергентная интеграция человеческого мозга и искусственного интеллекта // *Экономические стратегии*. 2020. Т. 22, № 6 (172). С. 46–57. DOI: <http://dx.doi.org/10.33917/es-6.171.2020.46-57>.
7. Белоус В. В. Использование информационных технологий для преодоления дефицита времени в судебной следственной деятельности // *Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения*. 2013. № 1 (4). С. 127–136. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23300552>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tpxast>.
8. Нечаева Н. Б. Инновационная организационно-временная конструкция функционирования субъектов расследования // *Пробелы в российском законодательстве*. 2016. № 4. С. 212–216. URL: <https://www.urvak.ru/>

articles/probe-vypusk-4-innovatsionnaya-organizatsionno-vre; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26134807>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vzxpov>.

9. Нестеров А. В., Муромцев Г. И., Василенко А. С. О процессуальной роли компетентностного лица в цифровой среде // Административное и муниципальное право. 2019. № 1. С. 36–41. DOI: <http://doi.org/10.7256/2454-0595.2019.1.28622>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zbxud>.

10. Новицкая Н. П. Техника и технологии изменения человека и проблемы правового обеспечения информационно-психологической (психофизической) безопасности человека в сфере научно-исследовательских разработок // Международный научно-исследовательский журнал. 2020. № 2–2 (92). С. 99–111. DOI: <http://doi.org/10.23670/IRJ.2020.92.2.054>.

11. Artamonova E., Kornukov V., Ryabova L. Observance of the Rights of Accused in the Conditions of Digitalization of Criminal Proceedings // *Proceedings of the 1st International Scientific Conference «Legal Regulation of the Digital Economy and Digital Relations: Problems and Prospects of Development» (LARDER 2020). Advances in Economics, Business and Management Research*. 2021, 18 March. DOI: <https://doi.org/10.2991/aebmr.k.210318.022>.

12. Пшавя В. В., Соколов А. Б., Галдина Э. О. К вопросу о цифровизации уголовного процесса // Право и практика. 2022. № 2. С. 135–138. DOI: <http://doi.org/10.24412/2411-2275-2022-2-135-138>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gettgo>.

13. Воскобитова Л. А. Уголовное судопроизводство и цифровые технологии: проблемы совместимости // Lex Russica. 2019. № 5 (150). С. 91–104. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.150.5.091-104>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ntmdqmq>.

14. Федорович В. Ю., Химичева О. В., Андреев А. В. Внедрение технологий информатизации и искусственного интеллекта как перспективные направления развития современного уголовного судопроизводства // Вестник Московского университета МВД России. 2021. № 2. С. 205–210. DOI: <http://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-2-205-210>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ygagay>.

15. Бахтеев Д. В. О связи криминалистики и технологии искусственного интеллекта // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2022. № 1 (35). С. 88–93. DOI: <http://doi.org/10.17150/2411-6122.2022.1.88-93>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zjblij>.

16. Майоров А. В., Потапов А. Д., Волкова А. М. Синтез человека и технологий в XXI веке: основные вызовы и угрозы // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2017. № 2. С. 19–34. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29800484>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zcdfop>.

17. Мартынов А. В. Актуальные вопросы применения искусственного интеллекта при осуществлении контрольно-надзорной деятельности органов исполнительной власти // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 2. С. 175–186. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-pri-osuschestvlenii-kontrolno-nadzornoj-deyatelnosti-organov-ispolnitelnoy-vlasti>; http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2020_-_2_unicode/23.pdf.

References

1. Filipova I. A. *Iskusstvennyi intellekt i neirotehnologii: potrebnosti v konstitutsionno-pravovom regulirovanii* [Artificial Intelligence and Neurotechnologies: In Need for Constitutional and Legal Regulation]. *Lex Russica*, 2021, vol. 74, no. 9, pp. 119–130. DOI: <http://doi.org/10.17803/1729-5920.2021.178.9.119-130> [in Russian].
2. Zazulin A. I. *Pravovye i metodologicheskie osnovy ispol'zovaniya tsifrovoy informatsii v dokazyvanii po ugovnomu delu: dis. ... k.yu.n.: 12.00.09* [Legal and methodological bases for the use of digital information in proving in a criminal case: Candidate's of Legal Sciences thesis: 12.00.09]. Yekaterinburg, 2018, 251 p. Available at: <https://zakon.ru/Publication/Details/15820> [in Russian].
3. Filipova I. A. *Neirotehnologii: razvitie, primeneniye na praktike i pravovoe regulirovanie* [Neurotechnologies: development, practical application and regulation]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta. Pravo* [Vestnik of Saint Petersburg State University. Law], 2021, vol. 12, no. 3, pp. 502–521. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu14.2021.302>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gviszl> [in Russian].
4. Tikhomirov Y. A., Kichigin N. V., Tsomartova F. V., Balkhaeva S. B. *Pravo i tsifrovaya transformatsiya* [Law and Digital Transformation]. *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of the Higher School of Economics], 2021, no. 2, pp. 4–23. DOI: <http://doi.org/10.17323/2072-8166.2021.2.4.23> [in Russian].
5. Kamalova G. G. *Teoretiko-pravovye aspekty evolyutsii prav cheloveka v usloviyakh tsifrovizatsii i vnedreniya tekhnologii iskusstvennogo intellekta* [Theoretical and legal aspects of the evolution of human rights in the context of digitalization and the introduction of artificial intelligence technology]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Seriya «Ekonomika i pravo»* [Bulletin of Udmurt University. Series Economics and Law], 2021, vol. 31, issue 4, pp. 662–668. DOI: <http://doi.org/10.35634/2412-9593-2021-31-4-662-668> [in Russian].
6. Ageev A. I., Loginov E. L., Shkuta A. A. *Neiropravlenie: konvergentnaya integratsiya chelovecheskogo mozga i iskusstvennogo intellekta* [Neuromanagement: Convergent Integration of the Human Brain and Artificial Intelligence]. *Ekonomicheskie strategii* [Economic Strategies], 2020, vol. 22, no. 6 (172), pp. 46–57. DOI: <http://dx.doi.org/10.33917/es-6.171.2020.46-57>. EDN: <https://www.elibrary.ru/xgprfe> [in Russian].
7. Bilous V. V. *Ispol'zovanie informatsionnykh tekhnologii dlya preodoleniya defitsita vremeni v sudebno-sledstvennoi deyatel'nosti* [Employment of information technologies for overcoming the time shortage at judicial and investigative activities]. *Sibirskie ugovolno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings], 2013, no. 1 (4), pp. 127–136. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=23300552>. EDN: <https://www.elibrary.ru/tpxast> [in Russian].

8. Nechaeva N. B. *Innovatsionnaya organizatsionno-vremennaya konstruktziya funktsionirovaniya sub"ektov rassledovaniya* [Innovative organization and temporal structure of functioning of the subjects of the investigation]. *Probely v rossiiskom zakonodatel'stve* [Gaps in Russian Legislation], 2016, no. 4, pp. 212–216. Available at: <https://www.urvak.ru/articles/probe-vypusk-4-innovatsionnaya-organizatsionno-vre/>; <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=26134807>. EDN: <https://www.elibrary.ru/vzxpov> [in Russian].
9. Nesterov A. V., Muromtsev G. I., Vasilenko A. S. *O protsessual'noi roli kompetentnostogo litsa v tsifrovoi srede* [On the Procedural Role of a Competent Person in Digital Technologies]. *Administrativnoe i munitsipal'noe pravo* [Administrative and municipal law], 2019, no. 1, pp. 36–41. DOI: <http://doi.org/10.7256/2454-0595.2019.1.28622>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zbixud> [in Russian].
10. Novitskaya N. P. *Tekhnika i tekhnologii izmeneniya cheloveka i problemy pravovogo obespecheniya informatsionno-psikhologicheskoi (psikhofizicheskoi) bezopasnosti cheloveka v sfere nauchno-issledovatel'skikh razrabotok* [Technique and technology of human change and problems of legal support of information and psychological (psychophysical) human security in the field of research]. *Meždunarodnyj naučno-issledovatel'skij žurnal* [International Research Journal], 2020, no. 2–2 (92), pp. 99–111. DOI: <http://doi.org/10.23670/IRJ.2020.92.2.054>.
11. Artamonova E., Kornukov V., Ryabova L. Observance of the Rights of Accused in the Conditions of Digitalization of Criminal Proceedings // *Proceedings of the 1st International Scientific Conference «Legal Regulation of the Digital Economy and Digital Relations: Problems and Prospects of Development» (LARDER 2020). Advances in Economics, Business and Management Research*. 2021, 18 March. DOI: <http://doi.org/10.2991/aebmr.k.210318.022>.
12. Pshava V. V., Sokolov A. B., Galdina E. O. *K voprosu o tsifrovizatsii ugolovnogo protsessa* [On the issue of digitalization of the criminal process]. *Pravo i praktika* [The law and practice], 2022, no. 2, pp. 135–138. DOI: <http://doi.org/10.24412/2411-2275-2022-2-135-138>. EDN: <https://www.elibrary.ru/gettgo> [in Russian].
13. Voskobitova L. A. *Ugolovnoe sudoproizvodstvo i tsifrovye tekhnologii: problemy sovместимости* [Criminal Justice and Digital Technology: Compatibility Issue]. *Lex Russica*, 2019, no. 5 (150), pp. 91–104. DOI: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2019.150.5.091-104.0> EDN: <https://www.elibrary.ru/ntmdqm> [in Russian].
14. Fedorovich V. Yu., Khimicheva O. V., Andreev A. V. *Vnedrenie tekhnologii informatizatsii i iskusstvennogo intellekta kak perspektivnye napravleniya razvitiya sovremennogo ugolovnogo sudoproizvodstva* [Introduction of informatization and artificial intelligence technologies as prospective directions of development of modern criminal proceedings]. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2021, no. 2, pp. 205–210. DOI: <http://doi.org/10.24412/2073-0454-2021-2-205-210>. EDN: <https://www.elibrary.ru/ygagay> [in Russian].
15. Bakhteev D. V. *O svyazi kriminalistiki i tekhnologii iskusstvennogo intellekta* [On the connection between forensic science and artificial intelligence technology]. *Sibirskie ugolovno-protsessual'nye i kriminalisticheskie chteniya* [Siberian Criminal Procedure and Criminalistic Readings], 2022, no. 1 (35), pp. 88–93. DOI: <http://doi.org/10.17150/2411-6122.2022.1.88-93>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zjblij> [in Russian].
16. Mayorov A. V., Potapov A. D., Volkova A. M. *Sintez cheloveka i tekhnologii v XXI veke: osnovnye vyzovy i ugrozy* [Synthesis of man and technology in the XXI century: main challenges and threats]. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A. S. Pushkina* [Pushkin Leningrad State University Journal], 2017, no. 2, pp. 19–34. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29800484>. EDN: <https://www.elibrary.ru/zcdfop> [in Russian].
17. Martynov A. V. *Aktual'nye voprosy primeneniya iskusstvennogo intellekta pri osushchestvlenii kontrol'no-nadzornoj deyatel'nosti organov ispolnitel'noi vlasti* [Current issues of applying artificial intelligence in the implementation of control and oversight activities by executive authorities]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod], 2020, no. 2, pp. 175–186. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-voprosy-primeneniya-iskusstvennogo-intellekta-pri-osushchestvlenii-kontrolno-nadzornoj-deyatelnosti-organov-ispolnitelnoy/viewer>; http://www.unn.ru/pages/e-library/vestnik/19931778_2020_-2_unicode/23.pdf [in Russian].

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ
INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-1-66-69

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 341.1/8

Дата поступления: 22.12.2022
рецензирования: 27.01.2023
принятия: 28.02.2023**Концепция стратегической автономии Европейского союза
в политике соседства****Ю. В. Самович**Казанский филиал Российского государственного университета правосудия,
г. Казань, Российская Федерация
E-mail: juliasamovich@gmail.com**Е. Ю. Марухно**Кузбасский институт ФСИН России, г. Новокузнецк, Российская Федерация
E-mail: katja-marukhno@yandex.ru

Аннотация: Настоящая статья – результат исследования понятия «стратегической автономии Европейского союза», его значения в наднациональной деятельности международной региональной организации. Актуальность статьи обусловлена тем, что в российской и зарубежной научной литературе активно исследуется данное понятие при отсутствии его единого понимания. Концепция «стратегической автономии Европейского союза» используется в конкретных действиях международной организации при опоре на собственные возможности. Это означает сотрудничество с другими субъектами международного права в достижении европейских целей с сохранением при этом возможности для автономных действий. Целью публикации является определение понятия «стратегическая автономия» применительно к политике соседства. В статье использованы такие общенаучные методы исследования, как обобщение, анализ и синтез, конкретизация. В результате проведенного анализа научных публикаций, авторы пришли к выводу, что стратегическую автономию следует понимать как цель Европейского союза, охватывающую все внешние действия международной региональной организации.

Ключевые слова: стратегическая автономия; Европейский Союз; международное право; НАТО; региональные организации; безопасность; политика соседства.

Цитирование. Самович Ю. В., Марухно Е. Ю. Концепция стратегической автономии Европейского союза в политике соседства // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 66–69. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-66-69>.

Информация о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

© Самович Ю. В., Марухно Е. Ю., 2023

Юлия Владимировна Самович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин, Казанский филиал Российского государственного университета правосудия, 420088, Российская Федерация, Республика Татарстан, г. Казань, ул. 2-я Азинская, 7а.

Екатерина Юрьевна Марухно – майор внутренней службы, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин, Кузбасский институт ФСИН России, 654066, Российская Федерация, г. Новокузнецк, пр. Октябрьский, 49.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 22.12.2022
Revised: 27.01.2023
Accepted: 28.02.2023**Concept of strategic autonomy of the EU in the neighborhood policy****Yu. V. Samovich**Kazan Branch of the Russian State University of Justice, Kazan, Russian Federation
E-mail: juliasamovich@gmail.com**E. Yu. Marukhno**Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Novokuznetsk, Russian Federation
E-mail: katja-marukhno@yandex.ru

Abstract: This article is the result of a study of the concept of «strategic autonomy of the EU», its meaning in the supranational activities of an international regional organization. The relevance of the article is due to the fact that in the Russian and foreign scientific literature this concept is actively studied in the absence of its unified understanding. The concept of «strategic autonomy of the EU» is used in the specific actions of an international organization based on its own capabilities. This means cooperation with other subjects of international law in achieving European goals, while maintaining the possibility for autonomous actions. The purpose of the publication is to define the concept of «strategic autonomy» in relation to neighborhood policy. The article uses such general scientific research methods as generalization, analysis and synthesis, concretization. As a result of the analysis of scientific publications, the authors came to the conclusion that strategic autonomy should be understood as the EU goal, covering all external actions of an international regional organization.

Key words: strategic autonomy; European Union; international law; NATO; regional organizations; security; neighborhood policy.

Citation. Samovich Yu. V., Marukhno E. Yu. *Kontseptsiya strategicheskoi avtonomii Evropeiskogo soyuza v politike sosedstva* [Concept of strategic autonomy of the EU in the neighborhood policy]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 1, pp. 66–69. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-66-69> [in Russian].

Information about the conflict of interests: authors declare no conflict of interests.

© Samovich Yu. V., Marukhno E. Yu., 2023

Yulia V. Samovich – Doctor of Laws, professor, professor of the Department of State-legal Disciplines, Kazan branch of Russian State University of Justice, 7a, 2nd Azinskaya Street, Kazan, 420088, Republic of Tatarstan, Russian Federation.

Ekaterina Yu. Marukhno – internal services major, lecturer of the Department of Civil Disciplines, Kuzbass Institute of the Federal Penitentiary System of Russia, 49, Oktyabrsky Avenue, Novokuznetsk, 654066, Russian Federation.

Понятие «европейская стратегическая автономия» зачастую отождествляют с суверенитетом, независимостью, односторонностью, а иногда и автаркией. Этимология понятия «автономия» означает способность – autos – жить по своим законам – nomos. Правовая природа Европейского союза предполагает исключительно многосторонность международных отношений, данная черта является определяющей как для внутренней концепции стран ЕС, так и для внешней идентичности ЕС во взаимодействии с ООН, другими региональными организациями и отдельными государствами.

Европейская стратегическая автономия была впервые использована Советом ЕС по иностранным делам в декабре 2013 года в контексте обсуждения вопросов безопасности и обороны. Однако дебаты о «стратегической автономии» возникли после референдума по Брекситу при обсуждении Глобальной стратегии 2016 г., представленной Ф. Могерини. Несколько месяцев спустя в Плане по обеспечению безопасности и обороны ЕС было дано достаточно расплывчатое определение: стратегическая автономия – это способность ЕС действовать в области безопасности и обороны вместе с партнерами, когда это возможно, и в одиночку, когда это необходимо [1]. Так, по мере развития содержания европейской оборонной политики происходило и формулирование дефиниции «стратегическая автономия ЕС» [2].

С течением времени концепция, первоначально заимствованная из сферы обороны и применявшаяся к ней, проникла в другие области политики и стала использоваться взаимозаменяемо с понятием европейского суверенитета, провозглашенным президентом Франции Э. Макроном в 2017 г. в Сорбонне и поддержанным бывшим президентом Европейской комиссии Ж.-К. Юнкером в его обращении к государствам ЕС в 2018 г. [3].

Действительно, определение «автономии» созависимой, но все же международной регио-

нальной организации вызвало, с одной стороны, поддержку европейцев, с другой – недовольство со стороны трансатлантических союзников ЕС. Исследователь и аналитик М. Дрент поясняет: «с годами понятие стратегической автономии приобрело черты мантры: во многих документах повторяется ее необходимость, но никто на самом деле не уточняет, что означает данное понятие, и, таким образом, оно приобрело почти символический статус. Оставление двусмысленности понятий не является новым явлением для процессов, связанных с европейской интеграцией. Сохранение концепции «несколько расплывчатой» освобождает государства-члены от обязанности устранять различия в толковании по данному вопросу» [4].

Расширенное понимание автономии было принято «геополитической» комиссией президента У. фон дер Ляйен в 2019 г., которое впоследствии нашло отклик в достаточно агрессивном призыве верховного представителя ЕС по внешней политике и политике безопасности Дж. Борреля в 2020 г. «научиться использовать язык силы» в отношениях с остальными субъектами международного права. В докладе Немецкого института международных отношений и безопасности за 2019 г. стратегическая автономия определялась как способность ЕС устанавливать приоритеты и принимать решения в сфере внешней политики и безопасности, имея на то институциональные, материальные и политические основания, а также претворять решения в жизнь при помощи третьих стран или единолично [2]. Уже к осени 2020 г. после победы на президентских выборах в США Дж. Байдена оборонные аспекты стратегической автономии вызвали публичные дебаты между президентом Франции Макроном и министром обороны Германии А. Крампп-Карренбауэр, в которых последняя высказалась о позиции Макрона, назвав стратегическую автономию «иллюзией» [5].

Таким образом, стратегическая автономия воспринималась, с одной стороны, как необходимость для ЕС, с другой – как концептуальное препятствие для многих государств-членов. Не имея общей стратегической культуры, а наоборот, расходящиеся национальные внешнеполитические интересы, привели государства – члены ЕС пришли к недопониманию сущности концепции стратегической автономии. Действительно, первоначально идея французов о введении европейской стратегической автономии встретило немедленное сопротивление со стороны тех государств-членов, которые не хотят дальнейшего процесса интеграции ЕС по вопросам политики безопасности и обороны. По словам датских исследователей, «неправильное представление» содержания концепции вызвало токсичную риторику. Общее опасение политиков Европы заключалось в том, что усиление стратегической автономии могло быть истолковано как альтернатива НАТО и трансатлантическим отношениям: «поскольку ЕС никогда не будет автономным от НАТО и США, нет смысла предполагать, что ЕС должен иметь возможность действовать в одиночку на мировой арене» [6]. Так называемые «оговорки» представителей государств-членов о самостоятельности региональной международной организации принимать решения в области обороны и безопасности привели к дебатам о возможной конкуренции с компетенциями НАТО. Разногласия были смягчены введением термина «открытая стратегическая автономия». По словам П. Морильяса, в основе сотрудничества ЕС и его государств-членов лежит концепция мировой политики, которая выходит за рамки национальных границ, способствует экономическим связям и сотрудничеству и разрушает наследие вестфальской международной политики в пользу наднациональных схем сотрудничества, глобального управления и многосторонности [7].

Уже в феврале 2021 г. Европейская комиссия определяет приоритетные направления развития концепции открытой стратегической автономии, которая стала базироваться на принципах открытости ЕС как региональной организации в целях содействия восстановлению экономики посредством поддержки климатических и цифровых преобразований [8]. Важно отметить основные направления преобразований, которые определила Европейская комиссия. Во-первых, это укрепление многосторонности путем реформирования правил глобальной торговли. Во-вторых, это развитие новой торговой стратегии путем преобразования экономики ЕС в климатически нейтральную. Комиссар ЕС по торговле В. Домбровскис сказал: «Нам нужна открытая торговля, основанная на правилах, чтобы помочь восстановить экономический рост и создать рабочие места после COVID. В равной степени торговая политика должна полностью поддерживать климатические и цифровые преобразования экономики и возглавлять глобальные усилия по реформированию ВТО. Это также должно дать инструменты для самозащиты, когда

мы сталкиваемся с недобросовестной торговой практикой. Мы придерживаемся открытого, стратегического и напористого курса, подчеркивая способность ЕС делать свой собственный выбор и формировать окружающий мир посредством лидерства и участия, отражая наши стратегические интересы и ценности».

В целях реализации планов ЕС путем изменения курса от обороны и безопасности к глобальной экономике Европейская комиссия решает взять на себя реализацию проекта стратегической автономии посредством самого подходящего направления – политики соседства. В июле 2021 года Европейская комиссия и верховный представитель ЕС по иностранным делам и политике безопасности изложили предложение о продвижении приоритетов сотрудничества с восточными странами-партнерами с целью увеличения торговли, роста рабочих мест, инвестиций, укрепления демократических институтов и верховенства закона, поддержку зеленого и цифрового перехода и продвижение справедливых, равноправных и инклюзивных обществ.

С целью укрепления своего влияния в регионах стратегическая автономия в политике соседства ЕС имеет достаточно широкое географическое распространение. На сегодняшний день приоритетными программами являются следующие.

1. Поддержка сотрудничества между ЕС, Ираном и арабскими государствами Персидского залива, выраженная в Совместном соглашении о стратегическом партнерстве со странами Персидского залива (май 2022 г.). ЕС стал активно поддерживать региональную платформу для решения проблем климата, в качестве средства продвижения своих интересов в деэскалации. В настоящее время Соглашение включает положения об устойчивом развитии, трудовых правах, постепенной отмене экспортных пошлин и других мерах, которые влияют на торговлю и международные инвестиции.

2. Укрепление средиземноморского партнерства на основании Барселонской декларации 1995 г., которая положила начало Европееко-Средиземноморскому партнерству с целью создания зоны мира, общего процветания и человеческих и культурных обменов. Предполагается, что данное направление в политике соседства будет ключевым в повестке на заседании Европейского совета в декабре 2022 г.

3. Укрепление партнерства с Латинской Америкой и странами Карибского бассейна путем создания в 2023 г. глобального цифрового альянса.

Таким образом, концепция стратегической автономии ЕС в политике соседства выражается в создании альянсов и платформ сотрудничества для достижения определенных международной организацией целей для каждого региона, а также укрепления открытой стратегической автономии на территориях иностранных государств посредством заключения двусторонних партнерских соглашений. Необходимо отметить, что на

направление «Глобальная Европа: инструмент добрососедства, развития и международного сотрудничества» выделена самая большая доля внешних фондов с бюджетом в 79,5 млрд евро.

Таким образом, Концепция «стратегической автономии» стала собирательным термином для обсуждения того, как ЕС может обеспечить основы европейской интеграции, став при этом более эффективным игроком на международной арене. Задача ЕС – это постоянное урегулирование политического кризиса, оно расширило дискуссию и вывело ее за пределы безопасности и обороны на другие области политики, такие как промышленная политика, переход к «зеленым» технологиям, торговля, цифровизация, миграция, здравоохране-

ние. Однако здесь необходимо сделать оговорку. Намеченные Европейской комиссией глобальные изменения путем укрепления своих альянсов с соседними и не только странами в тандеме с трансатлантическим партнерством имеют чисто политическую цель – ликвидировать влияние России и Китая в различных регионах мира. На сегодняшний день мы наблюдаем явную трансформацию природы ЕС как международной региональной организации, которая долгое время выступала символом консенсуса, была эталоном защиты прав и свобод человека. На наш взгляд, по мере роста амбиций ЕС будет увеличиваться и конфликт между содержанием и риторикой о стратегической автономии ЕС.

Библиографический список

1. Council of the European Union, Implementation Plan on Security and Defence (14392/16), 14 November 2016. URL: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14392-2016-INIT/en/pdf> (дата обращения: 14.12.2022).
2. Самович Ю. В., Марухно Е. Ю. К вопросу об автономности правового порядка Европейского Союза // Теория и практика социогуманитарных наук. 2022. № 3 (19). С. 132–140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-avtonomnosti-pravoporyadka-evropeyskogo-soyuza> (дата обращения: 14.12.2022).
3. State of the Union 2018: The Hour of European Sovereignty. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_18_5808 (дата обращения: 14.12.2022).
4. Drent M. European strategic autonomy: Going it alone? URL: https://www.clingendael.org/sites/default/files/201808/PB_European_Strategic_Autonomy.pdf (дата обращения: 14.12.2022).
5. Europe still needs America. URL: <https://www.politico.eu/article/europe-still-needs-america> (дата обращения: 14.12.2022).
6. Nissen C., Larsen J. European strategic autonomy: from misconceived to useful concept what can we learn from the Northern outlook? URL: <https://www.diis.dk/en/research/european-strategic-autonomy-from-misconceived-to-useful-concept>.
7. Morillas P. An Architecture fit for Strategic Autonomy. *Policy brief. November 2021*. URL: https://feps-europe.eu/wp-content/uploads/downloads/publications/211125%20policy%20brief_strategic-autonomy2.pdf.
8. Commission sets course for an open, sustainable and assertive EU trade strategy, 18 February 2021. URL: https://www.eeas.europa.eu/delegations/world-trade-organization-wto/commission-sets-course-open-sustainable-and-assertive-eu_en (дата обращения: 14.12.2022).

References

1. Council of the European Union, Implementation Plan on Security and Defence (14392/16), 14 November 2016. Available at: <http://data.consilium.europa.eu/doc/document/ST-14392-2016-INIT/en/pdf> (accessed 14.12.2022).
2. Samovich Yu. V., Marukhno E. Yu. *K voprosu ob avtonomnosti pravoporyadka Evropeiskogo Soyuza* [On the issue of the autonomy of law and order of the European Union. *Teoriya i praktika sociogumanitarnykh nauk* [Theory and practice of socio-humanitarian studies], 2022, no. 3 (19), pp. 132–140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-avtonomnosti-pravoporyadka-evropeyskogo-soyuza> (accessed 14.12.2022) [in Russian].
3. State of the Union 2018: The Hour of European Sovereignty. Available at: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/SPEECH_18_5808 (accessed 14.12.2022) [in Russian].
4. Drent M. European strategic autonomy: Going it alone? Available at: https://www.clingendael.org/sites/default/files/201808/PB_European_Strategic_Autonomy.pdf (accessed 14.12.2022).
5. Europe still needs America. Available at: <https://www.politico.eu/article/europe-still-needs-america> (accessed 14.12.2022).
6. Nissen C., Larsen J. European strategic autonomy: from misconceived to useful concept what can we learn from the Northern outlook? Available at: <https://www.diis.dk/en/research/european-strategic-autonomy-from-misconceived-to-useful-concept> [in Russian].
7. Morillas P. An Architecture fit for Strategic Autonomy. *Policy brief. November 2021*. Available at: https://feps-europe.eu/wp-content/uploads/downloads/publications/211125%20policy%20brief_strategic-autonomy2.pdf.
8. Commission sets course for an open, sustainable and assertive EU trade strategy, 18 February 2021. Available at: https://www.eeas.europa.eu/delegations/world-trade-organization-wto/commission-sets-course-open-sustainable-and-assertive-eu_en (accessed 14.12.2022).

ТРИБУНА МОЛОДОГО УЧЕНОГО
TRIBUNE OF YOUNG SCIENTIST

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-1-70-74

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 34.4414

Дата поступления: 23.11.2022
рецензирования: 25.12.2022
принятия: 28.02.2023**Правовые аспекты взаимодействия Президента Российской Федерации
и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации****С. Л. Кабулов**Северо-Осетинский государственный университет имени К. Л. Хетагурова,
г. Владикавказ, Российская Федерация
E-mail: soslan.kabulov@mail.ru

Аннотация: В статье анализируются актуальные вопросы взаимодействия Президента Российской Федерации и верхней палаты российского парламента в рамках системы разделения властей с учетом изменений, внесенных Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ. Полномочия Президента, вытекающие из различия конституционных функций главы государства и парламента, в основном и главном не конкурируют с полномочиями представительного органа. Конституция проводит четкое различие их полномочий, исходя из принципа разделения властей. В то же время полномочия Президента в сфере взаимоотношений с парламентом позволяют рассматривать главу государства как неременного участника законодательного процесса. Основное внимание в работе автор акцентирует на расширении кадровых полномочий Совета Федерации, а также изменении порядка его формирования. Обосновывается мысль о том, что поправки к Конституции Российской Федерации способствуют совершенствованию системы сдержек и противовесов, в том числе путем усиления роли Федерального Собрания Российской Федерации. Автором предлагается ряд изменений, направленных на совершенствование отношений между Президентом и Советом Федерации при реализации ими предусмотренных законом полномочий.

Ключевые слова: поправки; Конституция России; глава государства; Президент; законодательная власть; Совет Федерации; принцип разделения властей; парламент.

Цитирование. Кабулов С. Л. Правовые аспекты взаимодействия Президента Российской Федерации и Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № 1. С. 70–74. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-70-74>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© Кабулов С. Л., 2023

Сослан Львович Кабулов – аспирант кафедры государственного права, Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, 362025, Российская Федерация, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, 46.

SCIENTIFIC ARTICLESubmitted: 23.11.2022
Revised: 25.12.2022
Accepted: 28.02.2023**Legal aspects of interaction between the President of the Russian Federation
and the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation****S. L. Kabulov**K. L. Khetagurov North Ossetia State University, Vladikavkaz, Russian Federation
E-mail: soslan.kabulov@mail.ru

Abstract: The article analyzes topical issues of interaction between the President of the Russian Federation and the upper house of the Russian parliament within the framework of the system of separation of powers, taking into account the changes introduced by the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation as of March 14, 2020 № 1-FKZ. The author focuses on the expansion of the personnel powers of the Federation Council, as well as changing the procedure for its formation. The idea is substantiated that amendments to the Constitution of

the Russian Federation contribute to the improvement of the system of checks and balances, including by strengthening the role of the Federal Assembly of the Russian Federation. The powers of the President, arising from the difference in the constitutional functions of the head of state and parliament, basically and most importantly do not compete with the powers of a representative body. The Constitution makes a clear distinction between their powers, based on the principle of separation of powers. At the same time, the powers of the President in the sphere of relations with the parliament allow us to consider the head of state as an indispensable participant in the legislative process. The author proposes a number of changes aimed at improving relations between the President and the Federation Council in the exercise of their statutory powers.

Key words: amendments; Constitution of Russia; head of state; President; legislature; Council of the Federation; principle of separation of powers; parliament.

Citation. Kabulov S. L. *Pravovye aspekty vzaimodeistviya Prezidenta Rossiiskoi Federatsii i Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii* [Legal aspects of interaction between the President of the Russian Federation and the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation]. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, vol. 9, no. 1, pp. 70–74. DOI: <https://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-1-70-74> [in Russian].

Information about the conflict of interests: author declares no conflict of interests.

© Kabulov S. L., 2023

Soslan L. Kabulov – postgraduate student of the Department of Civil Law, K. L. Khetagurov North Ossetia State University, 46, Vatutina Street, Vladikavkaz, 362025, North-Ossetia-Alania, Russian Federation.

Постоянное взаимодействие с парламентом – существенное и важное направление работы главы российского государства. В датированном 15.01.2015 Послании Федеральному Собранию Президент России указал на изменение роли Федерального Собрания, что обусловило необходимость внести коррективы в регулирование деятельности Совета Федерации и парламента в целом.

Наряду с изменением наименования должностей членов Совета Федерации в пользу ранее широко использовавшегося в качестве неофициального наименования данных должностей – «сенаторы», наиболее важной новеллой в положениях комментируемой новой редакции ст. 95 Конституции России, пожалуй, можно считать изменение порядка формирования Совета Федерации.

В частности, было довольно значительно увеличено количество сенаторов – назначаемых главой государства представителей Российской Федерации (до 30 представителей, в сравнении с ранее максимально возможным количеством в 17 представителей). При этом из указанного количества возможно назначение до семи сенаторов на пожизненной основе. В качестве данных сенаторов могут быть назначены граждане, характеризующиеся значительными заслугами в таких сферах деятельности, как общественная, государственная. Также полномочия сенатора Российской Федерации получает и глава государства после прекращения полномочий при отставке или при истечении срока пребывания в должности.

Нельзя не отметить, что, согласно официальной позиции Конституционного Суда РФ, изложенной в Заключении от 16.03.2020 г. № 1–3 в п. 4.2, федеративная основа двухпалатной конструкции парламентаризма в Российской Федерации неизменна в силу доминирования представителей от регионов в Совете Федерации, и данное положение не меняется ни в силу пре-

доставления полномочий сенатора главе государства, прекратившему исполнение полномочий в силу отставки или истечения срока пребывания в должности, ни в силу роста количества представителей Российской Федерации, которых назначает глава государства [1].

С этим выводом Конституционного Суда РФ можно было бы полностью согласиться, если не учитывать следующее обстоятельство: сенаторы – представители исполнительных органов государственной власти регионов в количестве восьмидесяти пяти человек – так или иначе находятся под косвенным контролем Президента РФ через высшее должностное лицо своего субъекта, находящееся при ныне существующей модели ответственности уже под прямым контролем Президента РФ, который всегда может досрочно прекратить его полномочия по такому довольно расплывчато сформулированному основанию, как «утрата доверия Президента России» [2].

Итого получается, что в соответствии с новой действующей редакцией ст. 95 Конституции Российской Федерации под контролем Президента России так или иначе находятся 115 сенаторов из 200, что обеспечивает гарантированное пропрезидентское большинство голосов при принятии решений, а значит и обеспечивает Президенту России контроль над верхней палатой парламента Российской Федерации – Советом Федерации и, как следствие этого, обеспечивает Президенту России практически полное доминирование во взаимоотношениях с законодательной ветвью власти.

Также следует обратить внимание на конституционную норму, определяющую шестилетний срок полномочий сенаторов – представителей Российской Федерации (исключение – сенаторы, которые реализуют имеющиеся полномочия пожизненно). В этом отношении требуется отметить значимость вопроса о том, как соотносится установление сроков полномочий сенаторов следующих категорий: представляющих

Российскую Федерацию и региональные органы власти.

В Федеральном законе от 03.12.2012 № 229-ФЗ [2], определяющем порядок формирования верхней палаты парламента, предусмотрено, что члены указанного органа наделяются полномочиями на период, в течение которого обладает полномочиями соответствующий региональный орган государственной власти. При этом применительно к сенаторам – представителям Российской Федерации срок полномочий прописан в виде определенного периода времени. Подобное несоответствие в установлении срока полномочий не соответствует критерию справедливости. В части четвертой ст. 95 Конституции России до того, как состоялось вступление в силу поправок, для главы государства после его избрания на протяжении первого срока полномочий исключалась возможность освобождать членов Совета Федерации – представителей Российской Федерации, которые были назначены до вступления в должность нового главы государства [3].

Видится необходимым обеспечить унификацию подходов к установлению сроков полномочий применительно ко всем сенаторам. Следует предусмотреть назначение сенаторов – представителей Российской Федерации Президентом России, а период их полномочий ограничить периодом полномочий главы государства. Подобный подход определяется в том числе тем, что глава государства руководствуется внутренним убеждением при назначении сенаторов.

Таким образом, следует предусмотреть для главы государства после его избрания право, которым обладают региональные органы власти после их избрания, связанным с самостоятельным определением кандидатур сенатора – представителя Российской Федерации. Данный подход будет соотноситься с духом норм, закрепленных в Конституции России в редакции Закона № 1-ФКЗ в части второй ст. 95.

Следует также затронуть вопросы, связанные с увеличением спектра полномочий Совета Федерации. Так, кадровые полномочия указанного органа были существенно расширены после внесения в Конституцию России соответствующей поправки. Предусмотрено проведение консультаций с Советом Федерации перед назначением главой государства на ряд должностей. Данное требование предусмотрено при назначении на такие посты, как Генеральный прокурор и его заместители, прокуроры регионов, прокуроры прокуратур, являющихся военными и специализированными; руководители федеральных органов власти по вопросам, связанным с общественной безопасностью, обороной, предотвращением чрезвычайных ситуаций, безопасностью государства, иностранными делами, юстицией, внутренними делами.

Указанная новелла применительно к назначению руководителей федеральных органов власти силового блока увеличивает открытость назна-

чения прокуроров в регионах и соотносится с полномочием Совета Федерации, предусматривающим утверждение указа главы государства по поводу введения особого положения – чрезвычайного или военного.

Как отмечает Т.П. Медведева, «общий дух поправок все более разграничивает «сферы ответственности» между палатами национального парламента – если Государственная Дума наделяется полномочиями в отношении органов и должностных лиц в областях, входящих в экономическую и социально-культурную сферы деятельности общества и государства, то в предмет ведения Совета Федерации все более включаются вопросы, касающиеся административно-политической сферы» [4, с. 32].

Так, в статье 103 Конституции в части первой в пункте «а» установлено, что на основе представления Председателя высшего органа исполнительной власти Российской Федерации нижняя палата парламента утверждает кандидатуры его заместителей, а также министров, которые возглавляют относящиеся к социально-экономическому блоку ведомства. При этом глава государства после консультаций с верхней палатой парламента утверждает кандидатуры руководителей ведомств политико-силового блока.

Необходимо указать, что в Конституции России предусматривается представление верхней палате главой государства кандидатуры для назначения на должность председателей высшей судебной инстанции и высшего органа конституционного контроля, заместителей данных председателей, а также судей указанных органов (пункт «е» ст. 83). В Конституцию России внесена норма, согласно которой главой государства в Совет Федерации вносятся представления по поводу прекращения полномочий соответствующих должностных лиц, если таковые совершают поступок, который порочит достоинство и честь судьи, и в ситуациях, когда возможность осуществления полномочий судьи отсутствует. Данное положение распространяется на лиц, являющихся судьями, председателями, заместителями председателей таких судов, как апелляционные и кассационные [5, с. 18].

За счет внесения данной нормы обеспечено единообразие регламентации прекращения полномочий судей Верховного и Конституционного судов. Полномочия судей первого из указанных органов могут быть прекращены Высшей квалификационной коллегией судей. Тогда как согласно ст. 18 Закона № 1-ФКЗ от 21.07.1994 г. [3], регламентирующего статус Конституционного Суда, полномочия судьи данного органа могут быть прекращены Советом Федерации, если судья совершит проступок, который порочит достоинство, честь судьи (соответственно, подобное прекращение полномочий относится к компетенции назначившего судью органа) [6–11].

В соответствии с анализируемой поправкой глава государства представляет в Совет

Федерации кандидатуры Председателя Счетной палаты, половины аудиторов данного органа. Полномочие по назначению Председателя на данный момент принадлежит нижней палате. Перераспределение полномочий между палатами, очевидно, обусловлено тем, что с принятием Закона № 1-ФКЗ право утверждать федеральных министров, в т. ч. министра финансов, было предоставлено нижней палате (кроме министров, назначаемых после проведения консультаций с верхней палатой) [12; 13]. Подобная поправка целесообразна, поскольку она обеспечивает дифференциацию между палатами парламента полномочия, связанного с назначением главы проводящего аудит деятельности министерств органа, и полномочий, связанных с назначением министров [6, с. 12].

Регулирующий статус прокуратуры (Федеральный закон от 17.01.1992 г. № 2202-1 [4]) предусматривает ежегодное представление Генеральным прокурором палатам парламента и главе государства доклада по поводу состояния в России правопорядка, законности и мер, принятых для того, чтобы укреплять правопорядок и законность.

При этом в указанном Федеральном законе, в абзаце втором части седьмой данной статьи 12, предусмотрено личное представление соответствующего доклада Генеральным прокурором на заседании верхней палаты парламента. Подобное правомочие Совета Федерации действующими до внесения поправок 2021 г. положениями Конституции России не предусматривалось. С учетом указанного обстоятельства в ст. 102 Конституции, в пункт «м» части первой данной статьи, внесено положение, предусматривающее для Генерального прокурора указанную обязанность [7, с. 57].

Проведенный анализ позволяет отметить, что с совершенствованием системы сдержек, противовесов на основе обеспечения полноты регулирования на уровне Конституции России отношений Совета Федерации с прочими ветвями власти (посредством установления контрольных функций, на основе кадровых назначений), с расширением полномочий верхней палаты парламента Российской Федерации в формировании государственных органов роль Совета Федерации в политической жизни страны усилилась.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. 2021. № 31. Ст. 4398. URL: <https://rg.ru/documents/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html>.
2. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 12. Ст. 1855. URL: <https://www.szrf.ru/api/issues/images?volid=1002020012000&docid=216#zoom=100&page=687>.
3. Федеральный закон от 22.12.2020 № 439-ФЗ (ред. от 01.04.2022) «О порядке формирования Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 52 (Часть I). Ст. 8585. URL: <https://www.szrf.ru/api/issues/images?volid=1002020052010&docid=9#zoom=100&page=82>.
4. Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 01.07.2021) «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1994. № 13. Ст. 1447. URL: <https://szrf.ru/list.html#editions=e100&divid=100000&volume=1001994013000&page=1&sort=position&limit=50&docid=4477&volid=1001994013000>.
5. Федеральный закон от 17.01.1992 № 2202-1 (ред. от 11.06.2022) «О прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 1995. № 47. Ст. 4472. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9004584>.
6. Булаков О. Н. Развитие Совета Федерации Российской Федерации // Образование и право. 2021. № 10. С. 32–36. DOI: <http://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-10-32-36>.
7. Жимин С. К. Институты конституционного права иностранных государств. Москва: Городец-издат, 2012. 496 с.
8. Иванченко А. В. Избирательные комиссии в Российской Федерации История. Теория. Практика. Москва, 2010.
9. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. Москва: Юрист, 2019. URL: <https://uristinfo.net/2010-12-18-14-34-28/123.html>.
10. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Окунькова Л. А. Москва: БЕК, 2021. URL: <http://www.pravobooks.ru/pravolibraryfree/440.html>.
11. Медведева Т. П. Правовой статус Совета Федерации в свете поправок к Конституции Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2020. № 3 (51). С. 195–200. DOI: <http://doi.org/10.36511/2078-5356-2020-3-195-200>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nbjnib>.
12. Онишко Н. В. Парламентаризм как конституционно-правовой институт // Журнал российского права. 2003. № 4. С. 35–43. URL: <https://znaniy.com/read?id=101768&pagenum=35>.

13. Киреева Е. Ю., Нудненко Л. П., Тхабисимова Л. А. Тенденции правовой регламентации взаимодействия Президента Российской Федерации с Правительством Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 37–40. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-10-37-40>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wbupqj>.

References

1. *Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii (prinyata vsenarodnym golosovaniem 12.12.1993 s izmeneniyami, odobrennymi v khode obshcherossiiskogo golosovaniya 01.07.2020)* [The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on December 12, 1993 with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020)]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2021, no. 31, Article 4398. Available at: <https://rg.ru/documents/2020/07/04/konstituciya-site-dok.html> [in Russian].
2. *Zaklyuchenie Konstitutsionnogo Suda RF ot 16.03.2020 № 1-Z «O sootvetstvii polozheniyam glav 1, 2 i 9 Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii ne vstupivshikh v silu polozhenii Zakona Rossiiskoi Federatsii o popravke k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii "O sovershenstvovanii regulirovaniya otdel'nykh voprosov organizatsii i funktsionirovaniya publichnoi vlasti", a takzhe o sootvetstvii Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii poryadka vstupleniya v silu stat'i 1 dannogo Zakona v svyazi s zaprosom Prezidenta Rossiiskoi Federatsii»* [Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation as of March 16, 2020 № 1-Z «On compliance with the provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the provisions of the Law of the Russian Federation on the amendment to the Constitution of the Russian Federation «On improving the regulation of certain issues of organization and functioning public authority», as well as on the compliance with the Constitution of the Russian Federation of the procedure for the entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2020, no. 12, Article 1855. Available at: <https://www.szrf.ru/api/issues/images?volid=1002020012000&docid=216#zoom=100&page=687> [in Russian].
3. *Federal'nyi zakon ot 22.12.2020 № 439-FZ (red. ot 01.04.2022) «O poryadke formirovaniya Soveta Federatsii Federal'nogo Sobraniya Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law as of December 22, 2020 № 439-FZ (as amended on April 1, 2022) «On the Procedure for Forming the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 2020, no. 52 (Part I), Article 8585. Available at: <https://www.szrf.ru/api/issues/images?volid=1002020052010&docid=9#zoom=100&page=82> [in Russian].
4. *Federal'nyi konstitutsionnyi zakon ot 21.07.1994 № 1-FKZ (red. ot 01.07.2021) «O Konstitutsionnom Sude Rossiiskoi Federatsii»* [Federal constitutional law as of July 21, 1994 № 1-FKZ (as amended on July 1, 2021) «On the Constitutional Court of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1994, no. 13, Article 1447 [in Russian].
5. *Federal'nyi zakon ot 17.01.1992 № 2202-1 (red. ot 11.06.2022) «O prokurature Rossiiskoi Federatsii»* [Federal Law as of January 17, 1992 № 2202-1 (as amended on June 11, 2022) «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation»]. *Sobranie zakonodatel'stva RF* [Collected Legislation of the Russian Federation], 1995, no. 47, Article 4472. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/9004584> [in Russian].
6. Bulakov, O. N. *Razvitie Soveta Federatsii Rossiiskoi Federatsii* [Development of the Federation Council of the Russian Federation]. *Obrazovanie i pravo* [Education and Law], 2021, no. 10, pp. 32–36. DOI: <http://doi.org/10.24412/2076-1503-2021-10-32-36> [in Russian].
7. Zhimin S. K. *Instituty konstitutsionnogo prava inostrannykh gosudarstv* [Institutions of the constitutional law of foreign states]. Moscow: Gorodets-izdat, 2012, 496 p. [in Russian].
8. Ivanchenko A. V. *Izbratel'nye komissii v Rossiiskoi Federatsii Istoriya. Teoriya. Praktika* [Election commissions in the Russian Federation. History. Theory. Practice]. Moscow, 2010 [in Russian].
9. Kozlova E. I., Kutafin O. E. *Konstitutsionnoe pravo Rossii* [Constitutional law of Russia]. Moscow: Yurist', 2019. Available at: <https://uristinfo.net/2010-12-18-14-34-28/123.html> [in Russian].
10. *Kommentarii k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii. Pod red. Okun'kova L. A.* [Okunkov L. A. (Ed.) Commentary on the Constitution of the Russian Federation]. Moscow: Izd-vo BEK, 2021. Available at: <http://www.pravobooks.ru/pravolibraryfree/440.html> [in Russian].
11. Medvedeva T. P. *Pravovoi status Soveta Federatsii v svete popravok k Konstitutsii Rossiiskoi Federatsii* [The legal status of the Federation Council in the light of amendments to the Constitution of the Russian Federation]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoi akademii MVD Rossii* [Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia], 2020, no. 3 (51), pp. 195–200. DOI: <http://doi.org/10.36511/2078-5356-2020-3-195-200>. EDN: <https://www.elibrary.ru/nbjnib> [in Russian].
12. Onishko N. V. *Parlamentarizm kak konstitutsionno-pravovoi institut* [Parliamentarism as a constitutional and legal institution]. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian Law], 2003, no. 4, pp. 35–43. Available at: <https://znanium.com/read?id=101768&pagenum=35> [in Russian].
13. Kireeva E. Yu., Nudnenko L. A., Tkhabisimova L. A. *Tendentsii pravovoi reglamentatsii vzaimodeistviya Prezidenta Rossiiskoi Federatsii s Pravitel'stvom Rossiiskoi Federatsii* [Tendencies of the legal regulation of the interaction between the President of the Russian Federation and the Government of the Russian Federation]. *Konstitutsionnoe i munitsipal'noe pravo* [Constitutional and Municipal Law], 2020, no. 10, pp. 37–40. DOI: <http://doi.org/10.18572/1812-3767-2020-10-37-40>. EDN: <https://www.elibrary.ru/wbupqj> [in Russian].

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ REQUIREMENTS TO THE DESIGN OF ARTICLES

Для публикации научных работ в журнале «Юридический вестник Самарского университета» принимаются статьи, соответствующие научным требованиям, общему направлению журнала и представляющие интерес для достаточно широкого круга российской и зарубежной научной общественности.

Предлагаемый в статье материал должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написанным в контексте современной научной литературы, а также содержать очевидный элемент создания нового знания.

Все представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат» и направляются на независимое (внутреннее) рецензирование. Решение об опубликовании принимается редколлегией на основании рецензии.

Периодичность выхода журнала – 4 выпуска в год.

Правила оформления

Текст статьи

- Статья предоставляется на русском или английском языке в печатном (формат А4) и электронном (по эл. почте) видах.
- Перед заглавием статьи проставляется шифр УДК.
- Название работы, список авторов в алфавитном порядке (ФИО, место работы, индекс и адрес места работы, должность, электронная почта), аннотация, ключевые слова, библиографический список, названия таблиц и рисунков должны быть представлены на русском и английском языках.
- Текст статьи должен быть набран в текстовом редакторе Word для Windows с расширением doc или rtf гарнитурой Times New Roman 14 кеглем через 1,5 интервала.
- Объем основного текста не должен превышать 25 страниц.
- Рисунки и таблицы предполагают наличие названия и сквозную нумерацию.
- Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05–2008 по порядку цитирования после основного текста. Допускается не более 20–30 источников.
- Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках, например [14, с. 28]. Ссылки на иностранные источники приводятся на языке оригинала.
- References оформляется в соответствии с *American Psychological Association (APA) Style*.

Графика

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формат TIF.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0–11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран гарнитурой Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы.

Формулы

- Единицы измерения следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- В статье приводятся лишь самые главные, итоговые формулы. Набор формул производится в редакторе формул Microsoft Equation с параметрами: обычный – 14, крупный индекс – 9, мелкий индекс – 7, крупный символ – 20, мелкий символ – 14.
- Вставка в текст статьи формул в виде графических объектов недопустима.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Статьи, оформленные не по правилам, редколлегией рассматриваться не будут.

Редакция журнала

ШАБЛОН ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

DOI: 10.18287/2542-047X-2023-9-X-XX-XX

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ

УДК 340.13

Дата поступления XX.XX.2023

рецензирования: XX.XX.2023

принятия: XX.XX.2022

НАЗВАНИЕ СТАТЬИ

В. В. ИвановСамарский национальный исследовательский университет имени академика С. П. Королева,
г. Самара, Российская Федерация
E-mail: smy@samaradom.ru

Аннотация – не менее 250–300 слов: В статье дан краткий исторический экскурс правовой институционализации гражданского общества в США. Делается вывод, что существующие организационные формы и практики деятельности некоммерческого сектора – результат совмещения укорененной в американском обществе традиции филантропии и гражданского участия с государственной политикой по поддержке определенных направлений деятельности некоммерческого сектора. В разные периоды американское государство использовало различные инструменты для направления добровольческой активности и благотворительных капиталов в публично важные сферы деятельности. В настоящий момент американское общество находится в процессе постоянного экспериментирования с правовой формой и статусом организаций некоммерческого сектора, которые были бы способны вобрать в себя преимущества всех трех главных секторов: государства, бизнеса и общества.

Ключевые слова: гражданское общество; некоммерческая организация; налоговые льготы; публичные социальные услуги; благотворительный фонд; государство всеобщего благосостояния.

Благодарности. Статья подготовлена...

Цитирование. Иванов В. В. Название статьи // Юридический вестник Самарского университета. 2023. Т. 9, № X. С. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-X-XX-XX>.

Информация о конфликте интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

© **Иванов В. В., 2023**

Виктор Валерьевич Иванов – звание, должность, кафедра, место работы, адрес места работы в формате: 440026, Российская Федерация, г. Пенза, ул. Красная, 40.

Тема кандидатской диссертации: «Структуры гражданского общества ...», тема докторской диссертации: «Структура права...». Автор более 50 научных работ, в т. ч. монографий: «Название» (год), «Название» (год).

Область научных интересов: история теории гражданского общества, современное состояние данной теории, право некоммерческих организаций.

SCIENTIFIC ARTICLE

Submitted: XX.XX.2023

Revised: XX.XX.2023

Accepted: XX.XX.2023

ARTICLE TITLES

V. V. IvanovSamara National Research University, Samara, Russian Federation
E-mail: smy@samaradom.ru

Abstract: The article offers the brief historical excursion of legal institutionalization of civil society in USA. The article concludes that existent organizational forms and practices of activity of noncommercial sector are the result of combination between embedded traditions of philanthropy and civil engagement in American society and the state policy to support some directions of activity of non-profit sector. The American government made use of different tools to turn voluntary activity and philanthropy funds to major public spheres in various ages. Now the American society is in the process of permanent experimentation with the legal form and status of non-profit sector's organizations which would be able to absorb advantages of all three major sectors: the state, the business and the society.

Key words: civil society, non-profit organization, tax privileges, public social services, charity foundation, welfare state.

Acknowledgements. The article was prepared with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research and the Government of the Samara Region within the framework of the research project № 18-411-630004 «Specific historical forms of corruption in the Moscow state (XV–XVI centuries)».

Citation. Ivanov V. V. *Pravovaya institutsionalizatsiya grazhdanskogo obshchestva v SShA (istoricheskii aspekt)* [Legal institutionalization of civil society in the USA (historical aspect)]. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta* [Juridical Journal of Samara University], 2023, Vol. 9, no. X, pp. XX–XX. DOI: <http://doi.org/10.18287/2542-047X-2023-9-X-XX-XX> [in Russian].

Information on the conflict of interest: author declares no conflict of interest.

© **Ivanov V. V., 2023**

Viktor V. Ivanov – senior lecturer of the Department of Civil and Business Law, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.

Subject of future Candidate's thesis: «Structures of civil society and their regulation: foreign and Russian experience (comparative legal analysis)». Author more 50 works.

Research interests: history of theory of civil society, current state of this theory, right of non-profit organizations.

ТЕКСТ СТАТЬИ Ссылки в тексте [1; 4] или [1–6; 16, с. 12–14].

Библиографический список по порядку цитирования (с указанием DOI, URL)